

Записки Императорской Академии Наукъ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 1.

Volume IV. № 1.

ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ

ПРЕМІИ ИМЕНИ П. Н. БАТЮШКОВА.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

Н. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
П. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounef, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 80 коп. — Prix: 2 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМИИ ИМЕНИ П. Н. БАТЮШКОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ Н. В. ДУБРОВИНЫМЪ.

На первое соисканіе недавно учрежденной преміи имени П. Н. Батюшкова было представлено два сочиненія.

Изъ нихъ наградою въ 600 руб. увѣнчанъ многолѣтній трудъ по этнографіи П. В. Шейна „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“.

Для оцѣнки этого обширнаго сочиненія Академія обращалась къ любезному содѣйствію орд. профессора Императорскаго Варшавскаго университета Евфимія Ѳедоровича Карскаго.

Имя П. В. Шейна, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный рецензентъ, очень извѣстно въ русской этнографической наукѣ и съ одинаковымъ правомъ можетъ принадлежать какъ великорусской, такъ и бѣлорусской этнографіи. Трудно даже сказать, въ какой области г. Шейнъ произвелъ больше, и какая народность больше его интересуетъ. Вышедшій въ текущемъ году I выпускъ его „Великорусса въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.“, заключающій въ себѣ 1283 записи, представляетъ выдающееся явленіе въ великорусской этнографіи; но въ то же время г. Шейнъ продолжаетъ и печатаніе матеріаловъ по изученію быта и языка Сѣверо-Западнаго края, что составитъ заключительный томъ предшествовавшихъ сочиненій по этнографіи бѣлорусскаго племени.

Критика очень благосклонно отнеслась къ прежнимъ трудамъ Шейна, особенно же къ „Бѣлорусскимъ пѣснямъ“, напечатаннымъ въ V т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи за 1873 г. Рецензія О. Ѳ. Миллера (Отчетъ о восемнадцатомъ присужденіи наградъ имени графа Уварова 25-го сентября 1875 г.) указываетъ, между прочимъ, на слѣдующія его достоинства: богатство содержанія, примѣчанія грамматическія и ссылки на соотвѣтственныя пѣсни въ другихъ сборникахъ, какъ русскихъ, такъ и изданныхъ западными славянами, объясненіе обрядовъ и суевѣрій на основаніи нѣкоторыхъ трудовъ по сравнительной миѳологіи, строгость пріемовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ, и обдуманность при выборѣ всего дѣльнаго и выдающагося среди накопленныхъ матеріаловъ. Дѣйствительно, въ свое время, да еще и теперь „Бѣлорусскія пѣсни“ П. В. Шейна (1874 г.) могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ, а особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ отчасти и труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанія своего сборника 1874 г. П. В. Шейнъ накопилъ матеріаловъ почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общества, V, 829); но этимъ онъ не ограничился, и въ 1877 году обратился въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе г. Шейна и оказало ему полное содѣйствіе въ собирательскихъ трудахъ, какъ въ эту поездку, такъ и въ слѣдующія, предпринимавшіяся имъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія мѣстнаго Учебнаго Округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, г. Шейнъ побывалъ во многихъ мѣстахъ, завелъ обширныя знакомства, особенно среди учебнаго персонала и учащихся. Всюду г. Шейнъ распространялъ свои программы, записывалъ самъ и

побуждалъ знакомыхъ записывать для него матеріалы, намѣченные въ программахъ, ознакомился съ разными провинціальными собраниями и изданіями. Результатомъ этихъ трудовъ было то, что П. В. представилъ въ Академію Наукъ матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 по 1893 гг. вышло три большихъ книги этихъ матеріаловъ (свыше 2010 страницъ); 4-я книга печатается. Но и эти 4 книги не исчерпываютъ всего имѣющагося у почтеннаго собирателя матеріала, такъ какъ при поискахъ онъ, кромѣ матеріаловъ бѣлорусскихъ, не упускалъ изъ вида разысканіе и собраніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Вѣлорусіей, а также сосѣднаго съ Волинью.

Самое заглавіе труда г. Шейна показываетъ, что авторъ имѣетъ въ виду матеріалы для изученія *быта* русскаго населенія сѣверо-западнаго края и матеріалы для изученія *языка* того же населенія.

Весь этнографическій матеріалъ въ разсмотрѣнномъ сборникѣ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, точнѣе: пѣсни лирическія, обрядовыя и семейныя; 2) поэзія эпическая: сказки, анекдоты, легенды, преданія и т. д. Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ имѣетъ свои подраздѣленія; въ общемъ они тѣ же, что и въ первомъ сборникѣ Шейна (1873 г.).

Разсмотрѣвъ весьма подробно содержаніе сборника, проф. Карскій въ заключеніе своей рецензіи подводитъ итоги всему предшествующему въ нижеслѣдующихъ словахъ:

1) „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“, собранные и изданные г. Шейномъ, по богатству своего содержанія, особенно въ отношеніи обрядовой поэзіи, превосходятъ все явившееся до сихъ поръ; лишь нѣкоторые изъ вышедшихъ одновременно съ ними сборниковъ, въ отношеніи матеріаловъ, касающихся эпической поэзіи, могутъ быть поставлены нѣсколько выше разсматриваемаго изданія.

2) Обрядовыя пѣсни сопровождаются описаніемъ самихъ обрядовъ и другихъ дѣйствій, сопровождающихъ ихъ пѣніе. Къ этнографическимъ матеріаламъ прилагаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

цѣнныя пояснительныя замѣчанія, представляющія изъ себя подчасъ цѣлыя экскурсы въ ту или другую историко-литературную область. Въ разныхъ мѣстахъ указаны варианты пѣсенъ или сдѣланы на нихъ ссылки.

3) Изъ собраннаго этнографическаго матеріала сдѣланъ строгій выборъ и затѣмъ всему дано соответствующее мѣсто; всюду замѣтна рука опытнаго собирателя и редактора.

4) Къ слабымъ сторонамъ изданія относится не совсѣмъ точная орѳографія, объясняемая нѣскольکو ложнымъ взглядомъ издателя на редакторскія свои обязанности. При всемъ томъ, при умѣломъ и осторожномъ пользованіи сборникомъ, изъ него можно извлечь не мало цѣнныхъ и лингвистическихъ данныхъ.

5) Достоинства разсматриваемаго собранія уже при первомъ выходѣ его въ свѣтъ оцѣнены учеными, которые въ достаточной степени воспользовались имъ для цѣлей литературныхъ и этнографическихъ (академикъ Веселовскій, проф. Сумцовъ, проф. Владиміровъ), а также лингвистическихъ (проф. Соболевскій и др.).

„Имя въ виду указаннаго достоинства разсматриваемаго изданія П. В. Шейна, а также необычайную энергію автора-редактора въ столь тяжеломъ и малоблагодарномъ трудѣ, какъ собраніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ, говоритъ проф. Карскій, Императорская Академія Наукъ поступить, по моему убѣжденію, вполне справедливо, присудивъ почтенному труженнику на пеприщѣ бѣлорусской этнографіи награду имени П. Н. Батюшкова, всегда горячо принимавшаго къ сердцу всякія изслѣдованія и изданія, касавшіяся Западнаго края“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія, на основаніи § 13 положенія о преміяхъ и наградахъ имени П. Н. Батюшкова постановила выдать медали установленныя для рецензентовъ: профессору Евфимію Ѳедоровичу Карскому и бібліотекарю Императорской Академіи Наукъ Эдуарду Александровичу Вольтеру, за труды ихъ по оцѣнкѣ, представленныхъ на премію сочиненій.

Разборъ этнографическаго труда П. В. Шейна: «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края». Томъ I, часть I. С.-Петербургъ. 1887. Томъ I, часть II. С.-Петербургъ. 1890. Томъ II. С.-Петербургъ. 1893. (Отдѣльные оттиски изъ 41, 51 и 57 тт. «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ»).

Имя П. В. Шейна очень извѣстно въ русской этнографической наукѣ и съ одинаковымъ правомъ можетъ принадлежать какъ великорусской, такъ и бѣлорусской этнографіи. Трудно даже сказать, въ какой области онъ произвелъ больше, и какая народность больше его интересуеть. Вышедшій въ текущемъ (1898) году I вып. его «Великорусса въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.», заключающій въ себѣ 1283 записи, представляетъ выдающееся явленіе въ великорусской этнографіи; но въ то же время, какъ намъ извѣстно, продолжается и печатанье матеріаловъ по изученію быта и языка Сѣверозападнаго края, что составитъ заключительный томъ собраній по этнографіи бѣлорусскаго племени.

Критика очень благосклонно отнеслась къ прежнимъ трудамъ Шейна (см. о ней у А. Н. Пыпина, Исторія русской этнографіи, т. II, 68—69, IV, 154—158), особенно къ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», напечатаннымъ въ V т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи за 1873 г. (отдѣльно — С.-Петербургъ. 1874 г.). Рецензія О. Э. Миллера (Отчетъ о восемнадцатомъ присужденіи награды графа Уварова 25 сентября 1875 г.) указываетъ между прочимъ слѣдующія его достоинства: богатство содержанія, примѣчанія грамматическія и ссылки на соотвѣтственныя пѣсни въ другихъ сборникахъ какъ русскихъ, такъ изданныхъ западными славянами, объясненіе обрядовъ и суевѣрій на основаніи нѣкоторыхъ трудовъ по сравнительной мифологіи, строгость омовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ, и обдуманность при вытѣ всего дѣльнаго и выдающагося изъ накопленныхъ матеріаловъ. Дѣй-

ствительно, въ свое время, да еще и теперь «Бѣлорусскія пѣсни» П. В. Шейна (1874 г.) могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ и особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ и отчасти труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанья своего сборника 1874 г. Павелъ Васильевичъ имѣлъ матеріала почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общ., V, 829); но этимъ онъ не ограничился, и вотъ въ 1877 г. обращается въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе г. Шейна и оказало ему всякое содѣйствіе въ собирательскихъ трудахъ какъ въ эту поѣздку, такъ и въ слѣдующія, принимавшіяся Павломъ Васильевичемъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія учебнаго округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, г. Шейнъ постарался побывать во многихъ мѣстахъ, а еще по-больше завести разныхъ знакомствъ, особенно изъ среды учебнаго персонала, а также учащихся. Всюду онъ распространялъ свои программы¹⁾, записывалъ самъ и побуждалъ своихъ знакомыхъ записывать для него разные матеріалы, отмѣченные въ программахъ, знакомился съ разными провинціальными собраніями и изданіями. Результатомъ этихъ собраній было то, что П. В. въ Академію Наукъ было представлено матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 по 1893 г. вышло этихъ матеріаловъ 3 большихъ книги (всего болѣе 2010 страницъ); 4-я книга печатается. Но и эти 4 книги не исчерпаютъ всего имѣющагося у почтеннаго собирателя матеріала, такъ какъ при своихъ поискахъ онъ, кромѣ матеріаловъ бѣлорусскихъ, не упускалъ изъ виду разыскиваніе и собираніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Бѣлоруссіей, а также сосѣдшаго съ Вольныю.

Не имѣя возможности судить о томъ, какіе ненапечатанные матеріалы еще имѣются въ распоряженіи нашего собирателя, обратимся къ разсмотрѣнію уже вышедшихъ въ свѣтъ. Само заглавіе труда г. Шейна показываетъ, что авторъ имѣетъ въ виду 1) матеріалы для изученія быта русскаго населенія Сѣверо-западнаго края и 2) матеріалы для изученія языка

¹⁾ Последнее изданіе ихъ вышло въ январѣ 1889 г. подъ заглавіемъ: «О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемаго Академію Наукъ Бѣлорусскаго сборника г. Шейна». Это воззваніе напечатано отъ имени Академіи Наукъ, при чемъ въ него вошла и программа самого Шейна.

того же населенія. Для удобства обозрѣнія собранныхъ матеріаловъ и расположимъ ихъ по двумъ отмѣченнымъ рубрикамъ.

I. Характеристика быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края въ «Матеріалахъ» П. В. Шейна.

Заслуга П. В. Шейна при сужденіи о его «Матеріалахъ для характеристики быта сельскаго населенія Сѣверозападнаго края» выступить особенно рельефно тогда, когда мы сравнимъ эти матеріалы съ тѣмъ, что было собрано по этой части до Шейна.

Подъ матеріалами, характеризующими бытъ того или другаго народа, можно разумѣть очень многое: начиная отъ обряда, вѣрованія, пѣсни и оканчивая жилищемъ, пищей, вообще тою или другою степенью умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Но работы г. Шейна, не будучи еще закончены, не исчерпываютъ предмета въ такомъ широкомъ смыслѣ: въ нихъ разсматриваются главнымъ образомъ обряды и сопровождающія ихъ пѣсни, а затѣмъ даются матеріалы по поэзіи эпической (сказки, легенды, пословицы и т. п.). Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ труды г. Шейна по сравненію съ тѣмъ, что выработано въ предшествовавшее ему время. Изученіе быта бѣлорусса въ отношеніи обряда и пѣсни, а также вѣрованій, началось не очень давно, и до появленія разсматриваемыхъ трудовъ г. Шейна ничего особенно выдающагося не представляло. Работы Е. Романова ¹⁾ выходили одновременно съ матеріалами Шейна и поэтому въ данномъ случаѣ не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. По той же причинѣ не станемъ упоминать о сборникахъ В. Добровольскаго ²⁾ и этнографическихъ трудахъ Н. Никифоровскаго ³⁾. Да и при сужденіи о работахъ, увидѣвшихъ свѣтъ раньше «Матеріаловъ» г. Шейна, также не станемъ распространяться, такъ какъ уже прежде насъ онѣ обстоятельно оцѣнены въ трудѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи», т. IV. Мы ограничимся только краткой характеристикой главнѣйшихъ работъ. На первомъ планѣ поставимъ статью, помѣщенную въ «Dziennik'ѣ Wileńsk'омъ» за 1817 г., т. VI, стр. 396—408, Маріи Чарновской, подъ заглавіемъ: «Zabytki mitologii sławiańskiej w zwyczajach wieyskiego ludu na Białey Rusi dochowywane». Статья эта въ свое время дважды печаталась въ русскомъ переводѣ, больше въ извлеченіи, съ сокращеніями, въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 г., ч. 102

¹⁾ Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, вып. 1 и 2. Кіевъ. 1886 г.; вып. 3. Витебскъ 1887 г.; вып. 4. Витебскъ. 1891 г.; вып. 5. Витебскъ. 1891 г.

²⁾ Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I. С.-Пб. 1891 г.; ч. II. С.-Пб. 1894 г. III. С.-Пб. 1894 г.

³⁾ Очерки простонароднаго житья-бытъя въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1895 г.; Простонародныя примѣты и повѣрья. . . въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1897 г.

(53—56, 111—119) и въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 г., т. IV (464—473). Разъ она была перепечатана и по-польски въ книгѣ Голэмбѣвскаго: *Lud Polski, jego zwyczaję, zabobony. W Warszawie. 1830 г.* (напр. стр. 12—13, 268—269). Уже изъ этихъ перепечатокъ названной статьи можно видѣть, что она въ свое время казалась очень интересной. Дѣйствительно, она сообщала нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся обычаевъ и вѣрованій бѣлоруссовъ; кое-что имѣетъ цѣну и до настоящаго времени. Слѣдуетъ пожалѣть, что г. Шейнъ, перепечатавшій, какъ увидимъ, немало прежнихъ статей въ своихъ «Матеріалахъ», не удѣлилъ мѣста данному очерку. Въ виду рѣдкости въ нашихъ библіотекахъ журнала «Dziennik Wileński» приводимъ здѣсь главнѣйшія свѣдѣнія изъ этой статьи¹⁾.

Купала. Наканунѣ Иванова дня, по заходѣ солнца, въ избранномъ мѣстѣ вбиваютъ въ землю колы, обкладываютъ его соломой и конопляной трухой, а наверхъ привязываютъ снопы соломы. «Это и называется Купалой». Затѣмъ, когда стемнѣетъ, зажигаютъ эту солому. При видѣ огня тотчасъ сбѣгается множество крѣстьянъ обоого пола съ березовыми дровами въ рукахъ, которыя и бросаютъ въ огонь, со словами: «кабъ мой лѣнъ былъ (= быу) такъ велики, якъ гѣтая фарасина». Нѣкоторые прежде, нежели вбросить полѣно въ огонь, троекратно обѣгаютъ съ нимъ костеръ. Дѣвушки, парни и молодыя женщины поютъ при этомъ слѣдующую пѣсню (для обозначенія напѣва прилагаются ноты):

Купала на Ивана,
Гдѣ Купала начавала?
Купала на Ивана, 2
Начавала у Ивана.

¹⁾ По заявленію автора статьи, описаніе составлено подъ вліяніемъ инструкцій гр. Разумовскаго относительно собраній народныхъ произведеній, имѣющихъ значеніе даже для ученыхъ. Записи сдѣланы въ Чериковскомъ уѣздѣ Могилевской губ., въ имѣніи Губенцизна (15 верстъ отъ Черикова). Описаніе обрядовъ даемъ въ русскомъ переводѣ, а пѣсни приводимъ въ русской транскрипціи, но не мѣняя фонетики.

Купала на Ивана, 2
 Што у Ивана ужывала?
 Купала на Ивана, 2
 Ужывала варенице у алейцѣ,
 Купала на Ивана, 2
 Рыбку зъ перцемъ, часнокъ зъ алейцемъ
 Купала на Ивана и т. д.

Когда костеръ сгорить до половины или немного болѣе, тогда начинаютъ прыгать черезъ него парни; женатые и вдовцы не имѣютъ этой чести. Женщины приносятъ вареники и угощаютъ ими, а также водкой присутствующихъ. Затѣмъ начинаются танцы при кострѣ, въ который для поддержания огня подбрасываютъ березокъ и конопляной трухи. Въ эту ночь не ведутъ лошадей на пастбище изъ опасенія, чтобы вѣдьмы не поѣхали на нихъ въ Кіевъ на Лысую гору, а оставляютъ ихъ дома въ хлѣвахъ. Кромѣ того, въ воротахъ обыкновенно привязываютъ освященныя срътенскія свѣчи (громницы), которыя, по народному вѣрованію, не допускаютъ вѣдьмъ во дворъ или въ хлѣвъ; даже если бы вѣдьма и сгрызла такую свѣчку, она все же не могла бы войти во дворъ или въ хлѣвъ, чтобы сдѣлать здѣсь какой-либо вредъ. Особенно такія заботы направляются на коровъ, чтобы адская змѣя не высосала у нихъ молока, послѣ чего онѣ могутъ совершенно прекратить давать молоко.

Радаоница. Во вторникъ на Фоминой недѣлѣ крестьяне послѣ полудня собираются на кладбищѣ у могилъ своихъ родныхъ. Здѣсь съ плачемъ они катаютъ яйца по могиламъ, а затѣмъ отдаютъ ихъ нищимъ, которыхъ въ этотъ день на кладбищѣ собирается множество. Нищіе поютъ свои пѣсни. Пришедшіе разстилаютъ на могилахъ скатерти, разставляютъ на нихъ принесенныя кушанья, поливаютъ могилу водкой и медовой сытой. Затѣмъ начинаютъ ѣсть, при чемъ первыми на это угощеніе приглашаютъ своихъ покойныхъ родителей: «Святые радзицели, хадзице къ намъ хлѣба и соли кушець (= кушаць?), старые и малые!» Число кушаній должно быть нечетное. Непремѣнно бываютъ медъ, творогъ, блины, яйца, колбасы или ветчина; кромѣ того, приносятъ яичницу, какое-либо жареное мясо и подобныя кушанья. Бѣднымъ помогаютъ богатые устроить подходящую трапезу. Остатки кушаній отдаютъ нищимъ. Послѣ ѣды еще разъ обращаются къ мертвымъ со слѣдующими словами: «мае радзицели, выбачайце, недзивице, чымъ хата багата, тымъ и рада». Исполнивши всѣ эти обряды, идутъ въ корчму, пьютъ и танцуютъ. Кладбища на Бѣлой Руси въ лѣсахъ, торые произошли отъ засаживанія ближайшими родственниками на могилахъ деревьевъ. Такихъ поминокъ въ теченіе года бываетъ четверо, но изсмотрѣнныя — самыя главныя.

Русалки. На второй день «Зеленыхъ святокъ», который на Руси есть день Св. Троицы, крестьяне и крестьянки идутъ въ лѣсъ. Однѣ только дѣвушки, а изрѣдка и молодыя замужнія женщины завиваютъ вѣтки березъ въ видѣ вѣнковъ. Каждая завиваетъ столько вѣнковъ, сколько у нихъ въ семействѣ лицъ, т. е. для отца, матери, сестры, брата, дѣтей, мужа, а иногда и для жениха или вообще любимаго человѣка. Завивая вѣнки, подъ аккомпаниментъ скрипки поютъ слѣдующую пѣсню (для обозначенія мелодіи прилагаются ноты):

Русалачки землячки,
 На дубъ лѣзли, кару грызли,
 Звалилисе, забилисе.
 Троица.

Завивши вѣнки, прыгая около деревьевъ и прихлопывая руками, поютъ:

Мы вяночки завили,
 Мы гарелѣчки (= гарелачки?) папили,
 И яечню паѣли.

Тутъ дѣвушки обмѣниваются другъ съ другомъ кольцами. Затѣмъ самая старшая женщина въ этомъ собраніи садится на землю съ пучкомъ крапивы, привязаннымъ къ палкѣ, при чемъ дѣлаетъ видъ, что она прядетъ и дремлетъ. Дѣвушки, взявшись за руки, съ пѣснями танцуютъ около нея. Баба неожиданно подпрыгиваетъ съ земли какъ можно выше, продѣлываетъ разныя уморительныя гримасы и бьетъ дѣвушекъ по рукамъ крапивой. Это вызываетъ смѣхъ; затѣмъ, насмѣявшись, пьютъ водку. Всѣ эти игры больше происходятъ возлѣ поля, засѣяннаго рожью. Что касается мужчинъ, то одни играютъ на скрипкахъ, а другіе только смотрятъ, но въ играхъ не участвуютъ. — Черезъ недѣлю идутъ развивать вѣнки. Счастливымъ считается то лицо, чей вѣнокъ не засохъ; онъ обозначаетъ долгую жизнь; наоборотъ, несчастны тѣ, чьи вѣнки засохли: имъ грозитъ какая-либо бѣда. Засохшіе вѣнки срываютъ и бросаютъ въ воду. Чей вѣнокъ дольше держится на водѣ, тотъ больше проживетъ. При развиваніи вѣнковъ поютъ:

На Тройцу мы вянки вили,
 На Розгары¹⁾ развили,
 Гарелэчку папили,
 И яечню паѣли.

Здѣсь снова обмѣниваются кольцами, т. е. получаютъ свои обратно, и затѣмъ танцуютъ. Отъ Троицы до слѣдующей недѣли никто изъ крестьянъ не дѣлаетъ заборовъ и не починаетъ боронъ — все изъ опасенія, чтобы не прогнѣвать русалокъ. Онѣ мстятъ тѣмъ, что у такихъ хозяевъ рождается скотъ съ кривыми головами или ногами. Встарину видали русалокъ: онѣ бывали нагими, съ черными длинными волосами и глазами такого же цвѣта. Жили онѣ въ лѣсахъ; качались на вѣткахъ деревь и, если замѣчали, что кто-либо проходитъ мимо, то завлекали къ себѣ словами: «га! га! хадзице къ намъ на арели (= качели) калыхацсе». Несчастливца, приблизившагося къ нимъ, онѣ уродовали. . . . Русалки это дѣти, которыя умерли безъ крещенія.

Доброхочы. Онъ ходитъ около лѣса; возрастъ его соответствуетъ высотѣ деревьевъ, около которыхъ онъ бываетъ. Доброхочы — покровитель людей честныхъ; на дурныхъ онъ посылаетъ болѣзни, но нѣкоторыми дѣйствіями можно его умиловитъ. Именно, ему приносятъ кусокъ хлѣба и горсть соли, произносятъ надъ нимъ нашептыванія и затѣмъ все это оставляютъ въ лѣсу вмѣстѣ съ болѣзною, которая уже больше и не возвращается. Дурное качество Доброхочаго то, что если кто вступитъ на его слѣдъ, непременно заблудится въ лѣсу.

Такимъ же успѣхомъ; какъ и статья Чарновской, пользовалось въ свое время сообщеніе И. Шидловскаго: «Obrzędy weselne ludu wiejskiego w gubernii Mińskiej, w powiecie Borysowskim, w parafii Hajeńskiej, obserwowane w latach 1800, 1-szym i 2-gim z niektórymi piosnkami i ich zwyscaupa nota», помѣщенное въ журналѣ «Tygodnik Wileński» 1819 г., т. VII (стр. 1—18, 81—104). Въ «Tygodnik'ѣ» фамилія автора не упомянута. Объ ней узнаемъ изъ перепечатки этой статьи въ книгѣ гр. Тышкевича: *Opisanie powiatu Borysowskiego* (о чемъ послѣ). Но ни у Тышкевича, ни въ «Tygodnik'ѣ» нѣтъ нотъ, передающихъ мотивы пѣсенъ. Последнія помѣщены при перепечаткѣ этой статьи въ книгѣ Голэмбѣвскаго *Lud Polski*. Статья Шидловскаго вполне основательно перепечатана у г. Шейна въ русскомъ переводѣ и транскрипціи пѣсенъ; жаль только, что лицо, переведившее эту статью для «Матеріаловъ» Шейна, пользовалось не оригиналомъ статьи (въ «Tygodnik'ѣ»), а ея перепечаткой у Тышке-

¹⁾ Названіе этой недѣли. Замѣч. автора.

веча. Послѣ мы увидимъ, насколько точно транскрибированы пѣсни изъ этой статьи. Здѣсь только, въ дополнение къ ней, перепечатаемъ мотивы пѣсень, приложенные къ рѣдкой нынѣ книгѣ Lud Polski.

Allegretto.

№ 1.

На - ша Та - цян - ка, на - ша. На - ша Та - цян - ка, на - ша

№ 2.

[пой - ма - ла са - бѣ пта - ша. Ой цѣ - мна цѣ - мна на два - рѣ,

№ 3.

Ой цѣ - мнѣй та - го за два - ромъ. Ми - жы на - выхъ клѣ - та - чакъ

Ми - жы на - выхъ клѣ - та - чакъ, сце - жач - ки па - мя - цѣ - ны.

№ 4.

Зви-нѣ-ла ка-мо-ра, зви-нѣ-ла, гдѣ на-ша Та-цяи-ка си-дѣ-ла.

Ток-ки-я аб-ру-сы за-тка-ла, Мы-сля-ми взо-ры па-кла-ла.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 г., № 5 (стр. 75—92), помѣщена статья К. Фалютыньскаго: «Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суевѣрные обряды жителей Бѣлоруссiи». Она довольно слабая и малоинтересная, но все же заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ въ то время и подобныхъ статей не было.

Къ концу первой половины истекающаго столѣтiя знакомство съ бытомъ западной Руси нѣсколько усиливается. Тутъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить небольшiе сборнички Яна Чечота, послужившiе матеріаломъ для неоднократныхъ перепечатокъ у разныхъ собирателей бѣлорусскихъ произведенiй, часто даже безъ упоминанiя источника, откуда они заимствуются. Такъ много взяли изъ Чечота, какъ увидимъ послѣ, Киркоръ въ Этнографическомъ сборникѣ, вып. III, Корева въ описанiи Виленской губерни, Шпилевскiй, Дмитрiевъ, Крачковскiй, Шейнъ; у послѣднихъ двухъ дѣлаются и ссылки на Чечота. Дѣятельность Чечота на поприщѣ бѣлорусской этнографiи довольно обстоятельно охарактеризована въ неоднократно упоминаемомъ трудѣ А. Н. Пыпина: *Исторiя русс. этнографiи*, IV, 45—55. Миѣ остается только напомнить, что подлинныя бѣлорусскiя гѣсни (не въ польскомъ переводѣ) содержатся лишь въ двухъ книжкахъ Чечота: «*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1844*» и «*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno. 1846*». Въ сборникѣ Чечота даются только гѣсни, но

описанія обрядовъ нѣтъ. Кое-что можно извлечь лишь изъ словарика, да народныхъ примѣтъ, касающихся праздниковъ, а также изъ пословиць. Передачи звуковъ у Чечота, а также у г. Шейна при заимствованіи у него пѣсенъ — коснемся послѣ.

Къ этому же времени относится и книга, составленная подъ руководствомъ гр. Евст. Тышкевича: «Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o obyczajach, pieśniach, przysłowiach i ubiorach ludu, guslach, zabobonach i t. d. Wilno. 1847». Посвященіе Л. А. Перовскому, министру внутреннихъ дѣлъ, подписано словами: *Мам honor zostawać jaśnie wielmożnego pana najniższum sługą Eustachy Hrabia Tyszkiewicz, Marszałek Powiatu Borysowskiego.* Въ русскомъ переводѣ это сочиненіе имѣется только въ рукописи Виленской публичной библіотеки № 300 по описанію Ф. Добрянскаго: «Описание Борисовскаго уѣзда въ статистическомъ, хозяйственномъ, промышленно-торговомъ и медицинскомъ отношеніи. Съ присовокупленіемъ свѣдѣній о нравахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и одеждѣ простого народа, предразсудкахъ, вѣрованіяхъ и проч.». Переводъ съ польскаго. 1848 г., 244 л. Книга эта, очень замѣчательное явленіе въ этнографической литературѣ времени половины нынѣшняго столѣтія, не потеряла своего значенія и теперь. Въ ней, кромѣ свѣдѣній чисто статистическаго характера, помѣщено еще очень много любопытныхъ данныхъ относительно обрядовъ и сопровождающихъ ихъ пѣсенъ, народнаго чародѣйства, суевѣрій, примѣтъ; тутъ имѣется и порядочное собраніе пословиць. Подобно сборничкамъ Чечота, и Opisanie powiatu Borysowskiego Тышкевича дало много матеріала для послѣдующихъ собирателей, напр. для Носовича (безъ ссылокъ на Тышкевича), Киркора (Этнографич. сборн., вып. III), Крачковскаго. Наконецъ г. Шейнъ въ своихъ «Матеріалахъ» цѣликомъ переводитъ главы, касающіяся свадебнаго обряда, о чемъ рѣчь послѣ. Здѣсь только поставимъ на видъ, что не мѣшало бы дополнить свѣдѣніями изъ Тышкевича и обряды купальскіе; особенно среди пѣсенъ тамъ попадаются довольно интересныя (ср. стр. 369—375), напр.

Соньце грѣець,
Калода прѣець;
Соньце пячець,
Калода пячець.

Или:

Сегодня у насъ Купала. То! то! то! то!
Самъ Богъ агонь разклаў. То! то! то! то! и т. д.

Также слѣдовало бы перепечатать и пѣсни жнивныя (стр. 396—399). Тутъ встрѣчаются такія жнивныя пѣсни, какъ:

Золато маё, золато, на таку малочано,
На сталѣ пасыпано. Хто золато паличыць,
Той на вайну не паѣдзець...

Или:

У насъ сядогня вайна была.
Усё поля зваявали.
Змяли поля мяцёлкамі,
Идземъ дамоу вясёлкамі.
Ніўка мая, ніўка,
Адай маю силку!

Разсмотрѣнные труды представляютъ главнѣйшія явленія по бѣлорусской этнографіи, вышедшія на польскомъ языкѣ въ первую половину истекающаго столѣтія. Работы эти хотя и очень немногочисленныя, но во всякомъ случаѣ очень цѣнныя, не потерявшія въ большинствѣ случаевъ своего значенія и до настоящаго времени. Всегда ихъ имѣли въ виду всѣ этнографы до послѣдняго времени, о чемъ уже свидѣлствуютъ многочисленныя заимствованія изъ нихъ.

Съ 50-хъ годовъ появляются болѣе или менѣе выдающіяся работы по бѣлорусской этнографіи и на русскомъ языкѣ, на первыхъ порахъ, правда, бывшія въ очень близкой зависимости отъ польскихъ трудовъ. Тутъ по времени первое мѣсто несомнѣнно занимаютъ разныя статьи П. М. Шпилевскаго (подробное перечисленіе ихъ, а также оцѣнку можно найти въ «Исторіи русс. этногр.» Пыпина, IV, 72—75). Мѣстный уроженецъ, проведеній дѣтство въ одномъ изъ бѣлорусскихъ захолустій, онъ очень хорошо зналъ бѣлорусскій бытъ и при лучшемъ состояніи этнографической науки могъ бы дать много цѣнныхъ матеріаловъ для его характеристики. На самомъ же дѣлѣ его статьи носятъ беллетристическій характеръ; въ нихъ авторъ довольно легко относится къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и обычаямъ, такъ что, читая его статьи, нельзя быть вполне увѣреннымъ въ правдивости сообщеній. Многія пѣсни, кромѣ того, заимствованы у Чечота или изъ книги Тышкевича, безъ ссылокъ на эти труды. Несмотря на эти недостатки, и изъ трудовъ Шпилевскаго, при осторожномъ пользованіи, можно извлечь не мало интереснаго. О заимствованіяхъ г. Шейна изъ Шпилевскаго рѣчь послѣ.

Начиная съ 1853 года Императорское Географическое Общество начало обнародывать отвѣты, полученные имъ на программы, разосланныя

еще въ 1847 году, въ особомъ сборникѣ, носившемъ названіе: «Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ». Въ первыхъ трехъ выпускахъ этого сборника есть интересныя статьи и по бѣлорусской этнографіи, содержащія матеріалы для характеристики народнаго быта. Таковы — въ 1-мъ выпускѣ (Спб. 1853 г.) статья свящ. Разумихина: «Село Бобровки и окружный его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда» (235—282). Здѣсь, кромѣ данныхъ для характеристики языка, имѣемъ и матеріалы, изображающіе народный бытъ тверскихъ бѣлоруссовъ (обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей, при свадьбахъ, при похоронахъ и нѣкоторыя другіе). Обо всемъ говорится вкратцѣ, но за то сообщаются свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ дотогѣ неизвѣстныя. Въ томъ же выпускѣ помѣщена статья проф. Литовской семинаріи И. Юркевича: «Остринскій приходъ Виленской губ. Лидскаго уѣзда» (283—293) — также дающая кое-какія свѣдѣнія по западнорусскому быту. Во 2-мъ выпускѣ Этнографическаго сборника помѣщена очень интересная статья: «Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ» (111—268), касающаяся больше сѣверной части Бѣлоруссіи. Въ основѣ этой обширной статьи лежитъ этнографическое описаніе народнаго быта, сдѣланное Н. Анимелле, но оно дополнено разными сообщениями, поступавшими въ Географическое Общество отъ 1848 по 1850 г. Тутъ находимъ напр. свѣдѣнія о привѣтствіяхъ, о сидѣніи за столомъ, о крестинахъ, свадьбахъ у православныхъ и католиковъ бѣлоруссовъ; описаніе обрядовъ сопровождается соответствующими пѣснями и привѣтствіями. Далѣе описываются похороны и поминки. Есть описаніе обычаевъ и при особыхъ случаяхъ, напр. при пожарахъ. Особый отдѣлъ составляетъ описаніе обрядности при народныхъ праздникахъ, а также при жнивѣ и толокѣ. И здѣсь описаніе обрядовъ вездѣ сопровождается пѣснями. Въ заключеніе предлагаются суевѣрія и примѣты, а также приводится нѣсколько поговорокъ. Эта статья во всѣхъ отношеніяхъ интересная. Жаль только, что уже давно не имѣется въ продажѣ этотъ выпускъ Этнографическаго сборника. Въ 3-мъ выпускѣ также находимъ двѣ интересныя статьи по быту сельскаго населенія. Это а) «Замѣтки о западной части Гродненской губерніи» безъ имени автора (кажется Куклинскаго, стр. 47—114) и б) «Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію» А. Киркора (115—276). Въ первой статьѣ, кромѣ историческаго очерка страны, дается описаніе и «быта современнаго», при чемъ подъ бытомъ разумѣется собственно языкъ: описаній обрядовъ и обычаевъ нѣтъ. Объ нихъ впрочемъ можно судить по приводимымъ здѣсь пѣснямъ. Статья Киркора уже даетъ обстоятельный очеркъ между другими народностями и быта бѣлорусскаго населенія Виленской губерніи. Тутъ описаны обряды при рожденіи, свадьбѣ, похоронахъ, поминкахъ умершихъ; тутъ

же описаніе народныхъ празднествъ, а также полевыхъ работъ съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; есть краткія свѣдѣнія о народной медицинѣ и лѣкаряхъ-знахаряхъ; описываются народныя игры съ приложеніемъ сопровождающихъ ихъ пѣсенъ. Наконецъ немало отведено мѣста и народнымъ преданіямъ. Съ 193 страницы статья представляетъ сырые матеріалы: Словарь бѣлорусско-кривичанскаго нарѣчія, представляющій при ближайшемъ разсмотрѣніи простую перепечатку русскими буквами *Słownika wuogazów krewickich* изъ сборника Чечота 1846 г. (стр. 64—68). Далѣе (стр. 201—223) слѣдуютъ «пѣсни жителей Виленской губерніи, кривичанскаго племени», также перепечатанныя изъ Чечота (ib. 17—32, 46—62), безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Заимствование ихъ изъ Чечота подтверждается не только буквальнымъ сходствомъ, а также порядкомъ расположенія, но даже особымъ способомъ обозначенія неслогового *Ź* посредствомъ *Ź* въ подражаніе Чечотовскому латинскому *Ź*. Перепечатка сдѣлана довольно механически: Киркоръ помѣстилъ даже въ число народныхъ пѣсенъ стихотвореніе самого Чечота «Да милыхъ мужычкоу» (№ 43, стр. 222; у Чечота 1846 г., № С, стр. 62):

Да и яжъ вамъ памагу	Da i jaź wam pamaħū,
Пѣсьнюку спѣваці	Piēsienku śpiewaci;
Дай яжъ мижи вамн Źзрось	Da-j jaź miźy wami Źzros
При бацьку и маці	Pry baćku i maci.
И мнѣ Боу ¹⁾ на свѣцѣ дау	I mnie Won na świecie daū
Горо гороваци;	Horo harawaci;
Штобъ лѣшнись ²⁾ я васъ любіу,	Sztoby lepsz ja was lubiū,
И умѣу спагадаци	I Źmieū spahadaci.
Ой штожъ вы напѣли тутъ	Oj sztoź wy napieli tut,
Да якого дзива? и т. д.	Da jakoho dziwa! и т. д.

У Киркора вслѣдствіе умолчанія объ источникѣ, а также невнимательнаго отношенія къ нему, допущена нѣкоторая мистификація или лучше — подлогъ. «*Piosnki krewickie z nad Niemna*» Чечота, записанныя около Щорсь, стоящихъ на Нѣманѣ въ Минской губ. или въ прежнее время въ Гродненской, отнесены къ пѣснямъ Виленской губерніи. Впрочемъ незначительная часть пѣсенъ, находящихся у Киркора, не имѣется у Чечота и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ собраніяхъ. Онѣ, быть можетъ, собраны и самимъ Киркоромъ. На стр. 234—239 напечатаны пословицы, также

¹⁾ Чит. Богъ; неправильно прочитано Won.

²⁾ Чит. лѣшнись. Какъ и въ другихъ случаяхъ, корректурная небрежность.

взятых изъ Чечота, безъ указанія источника (ср. у Чечота 1846 г., стр. 106—120). Свадебныя пѣсни (стр. 239—272), опять-таки безъ указанія источника, перепечатаны русскими буквами изъ *Opisania powiatu Borysowskiego* (стр. 289—345). И здѣсь перепечатка часто довольно небрежная, напр. у Тышкевича читаемъ: *Tatkawa niuka da nie ulekajsie* = Таткава ниука да не улекайсе, а у Киркора: Таткова *нюка* да не улекайсь. Всѣ эти пѣсни изъ Борисовскаго уѣзда Минской губ., но онѣ названы пѣснями Виленской губерніи. Описание обрядовъ отъ пѣсенъ устраниено. Имѣя въ виду такое безперемонное обращеніе съ чужими пѣснями, можно думать, что такъ же отнесся Киркоръ и къ описаніямъ обрядовъ, хотя у него собрано и достаточно этого рода матеріала.

Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ генеральнымъ штабомъ были разосланы инструкціи и программы для изученія губерній Сѣверо-западнаго края въ отношеніи статистики и географіи. Полученныя въ отвѣтъ на эти программы матеріалы и изданы были потомъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба». Въ нѣкоторыхъ томахъ этого изданія имѣются и матеріалы, характеризующіе народный бытъ. Первой по времени книгой, интересной въ этомъ отношеніи, является «Виленская губернія» А. Кореви. Спб. 1861. Тутъ (на стр. 609—638) въ отдѣлѣ — частный и гражданскій бытъ мѣстнаго населенія — имѣются и матеріалы для характеристики быта бѣлоруссовъ («Обряды славянскаго племени»). Слѣдуетъ только пожалѣть, что это описаніе не представляетъ ничего новаго, будучи выдержками изъ раньше отмѣченной статьи Киркора, который свои свѣдѣнія заимствовалъ у другихъ, главнымъ образомъ у Чечота и Тышкевича. Свой этотъ недостатокъ сознаетъ и самъ составитель описанія Виленской губерніи: «Всѣ эти сочиненія имѣютъ важныя достоинства, знакомящія съ частнымъ бытомъ мѣстнаго населенія губерніи, а потому мы здѣсь ограничимся извлеченіемъ болѣе любопытныхъ мѣстъ изъ этихъ описаній, а остальное предоставляемъ любознательнымъ читателямъ и любителямъ этнографическихъ изслѣдованій, для знакомства въ этомъ отношеніи съ краемъ, обратиться къ вышепоименованнымъ сочиненіямъ. Все нами здѣсь сказанное объ этомъ предметѣ было бы только повтореніемъ того, что уже давно представлено на судъ публики» (стр. 610). Значительно интереснѣе данныя о бытѣ бѣлоруссовъ находимъ въ томѣ «Матеріаловъ», содержащемъ «Гродненскую губернію» П. Бобровскаго. Спб. 1863, ч. I. Въ этомъ томѣ (на стр. 621—652, 808—844) дается не мало интереснаго и при томъ новаго матеріала для характеристики быта русскаго населенія Гродненской губ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только бѣлоруссовъ, то отсюда слѣдуетъ исключить все, что касается малорусскаго пле-

мени и отчасти жителей малорусскаго Полѣсья. Впрочемъ описаніе собственно обрядовъ, суевѣрій, предразсудковъ бѣлоруссовъ Гродненской губ. здѣсь занимаетъ немного мѣста (стр. 820—832, 838—842). При описаніи свадьбы кое-что, вѣроятно, заимствовано и у Киркора. Нѣкоторыя этнографическія данныя можно извлечь и изъ приводимыхъ пѣсенъ. Изъ другихъ частей этого ряда изслѣдованій заслуживаетъ еще вниманія книга М. Цебрикова «Смоленская губернія». Спб. 1862. Здѣсь рядомъ съ изображеніемъ быта великоруссовъ Смоленской губерніи отмѣчаются и этнографическія черты смоленскихъ бѣлоруссовъ, касающіяся быта и народной поэзіи.

Польское возстаніе 1863 г. заставило русское общество серьезнѣе взглянуть на бѣлорусскую народность, болѣе точно опредѣлить ея отличительныя свойства, нравственный обликъ. Поэтому съ 60-хъ годовъ появляются новыя собранія разныхъ матеріаловъ, характеризующихъ бытъ и языкъ бѣлоруссовъ. Первый сборникъ, явившійся въ это время подъ редакціей Гильтебрандта, больше изъ записей учениковъ Молодечнянской учительской семинаріи, подъ заглавіемъ: «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверозападномъ краѣ. Вып. I. Вильна. 1867» — не отличается особыми достоинствами: въ немъ и подборъ пѣсенъ и группировка ихъ неправильны; кромѣ того, есть поддѣлки; обряды описываются лишь изрѣдка и то вкратцѣ, въ извлеченіи изъ Шпилевскаго; даже взглядъ на область бѣлорусскаго нарѣчія здѣсь не совсѣмъ правиленъ. Вслѣдствіе отмѣченныхъ недостатковъ указанный сборникъ, хотя и совершенно не имѣется въ настоящее время въ продажѣ, даже не заслуживаетъ того, чтобы изъ него дѣлать перепечатки. Сборникъ этотъ составился изъ пѣсенъ, прилагаемыхъ къ «Виленскому Вѣстнику». И другія періодическія изданія того времени въ Сѣверозападномъ краѣ также помѣщали статьи этнографическаго характера, касающіяся быта бѣлорусскаго племени. Нѣкоторыя изъ такихъ статей впоследствии вышли и отдѣльными книжками. Таковъ, напр., «Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». М. Дмитріева. Перепечатано изъ Гродненскихъ губернскихъ вѣдомостей. Гродно. 1868 г. Эта книжечка (16°, 181 стр.) въ слѣдующемъ же 1869 г. вышла въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: «Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». Нѣсколько обширнѣе Гродненскаго изданія (мал. 8°, 264 стр.). Книжка эта очень непритязательная, но все же дающая немало интереснаго матеріала для характеристики быта бѣлоруссовъ. Много изъ Дмитріева, какъ увидимъ, перепечатано и въ «Матеріалахъ» г. Шейна. Изъ статей, явившихся сначала въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, дополненныхъ впоследствии новыми матеріалами, составилаь и очень интересная въ отношеніи изобра-

женія быта статья Ю. Крачковскаго: «Бытъ Западнорусскаго селянина». М. 1874 г. (изъ Чтеній въ Общ. ист. и др. Росс. 1873 г., кн. 4), 8^о, 212. Какъ показывается само заглавіе, книга эта исключительно посвящена изображенію быта западнорусса во всѣхъ его отрасляхъ, начиная отъ событій семейныхъ и оканчивая земледѣльческими работами. По полнотѣ и обстоятельности сообщеній эта статья можетъ быть сравнена развѣ съ отмѣченной раньше работой Анимелле о бытѣ бѣлорусскихъ крестьянъ (Этногр. сб., II), которую она превосходитъ большей занимательностью изложенія. Статья составлена и изъ новыхъ матеріаловъ, доставленныхъ ей автору впервые, и изъ перепечатки нѣкоторыхъ старыхъ, но всегда съ указаніемъ источника, а также мѣста записи. Такъ здѣсь находимъ заимствованія изъ сборниковъ Гильтебрандта, Зенькевича, Чечота, Тышкевича, Бобровскаго, Коревы, Дмитріева. Всѣ эти заимствованія приведены кстати; видимо авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, о которомъ онъ трактуетъ въ своей статьѣ. Жаль только, что бытъ чисто бѣлорусскаго населенія не вездѣ отличается отъ быта пинчуковъ и даже малоруссовъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно пѣсенъ.

Около этого времени начинаютъ появляться и отдѣльныя болѣе или менѣе обширныя собранія бѣлорусскихъ народныхъ произведеній, часто съ присоединеніемъ описаній обрядовъ и обычаевъ. Первой по времени такой работой слѣдуетъ признать изданіе П. Безсонова: «Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта». М. 1871. Составъ и судьбу своего сборника Безсоновъ самъ подробно излагаетъ въ обширномъ предисловіи къ нему; здѣсь же указано и отношеніе его сборника къ предыдущимъ трудамъ по бѣлорусской этнографіи. Изъ этого предисловія можно видѣть, что въ основѣ сборника лежатъ пѣсни, доставленныя мѣстными уроженцами извѣстному собирателю П. В. Кирѣевскому. Пѣсни эти были записаны польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами. На долю Безсонова выпалъ редакторскій трудъ, который онъ, вообще говоря, выполнилъ довольно добросовѣстно. Это-тѣмъ легче было ему сдѣлать, что одно время ему по службѣ пришлось быть въ Западномъ краѣ и непосредственно познакомиться съ мѣстной стариной и народнымъ бытомъ. Къ сожалѣнію, изданіе бѣлорусскихъ пѣсенъ Безсонова оборвалось на I-мъ выпускѣ, заключающемъ только 181 № пѣсенъ, но зато исключительно обрядовыхъ. Изданіе пѣсенъ сопровождается подробнымъ описаніемъ обрядовъ и обычаевъ; жаль только, что это описаніе соединено съ собственными объясненіями ихъ, въ большинствѣ случаевъ довольно сомнительнаго достоинства. Къ недостаткамъ сборника слѣдуетъ еще отнести то, что въ немъ нѣтъ строгаго разграниченія между пѣснями чисто бѣлорусскими и тѣми, кото-

рыя записаны въ Полѣсьѣ. Впрочемъ при осторожномъ пользованіи «Бѣлорусскими пѣснями» Безсонова можно извлечь изъ нихъ много поучительнаго въ бытовомъ отношеніи матеріала.

Еще раньше Безсонова на поприщѣ бѣлорусской этнографіи началась дѣятельность мѣстнаго уроженца И. И. Носовича (оцѣнку этой дѣятельности см. у А. Н. Пыпина: *Исторія русс. этногр.*, IV, 148—153). Для характеристики быта бѣлоруссовъ имѣютъ значеніе всѣ его сочиненія въ этой области, но особенно цѣнны его пословицы, въ послѣдній разъ изданныя въ Сборникѣ Отдѣленія русс. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, т. XII, подъ заглавіемъ: «Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ». С.-Пб. 1874. Сюда вошли какъ пословицы, собранныя самимъ Носовичемъ, такъ и позаимствованныя изъ другихъ собраній, быть можетъ даже изъ великорусскихъ сборниковъ, при чемъ онѣ были лишь подправлены на бѣлорусскій ладъ. Другое его собраніе — «Бѣлорусскія пѣсни» (*Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи*, т. V, С.-Пб. 1873 г., 45—280) имѣютъ въ научномъ отношеніи меньше значенія. При нихъ обыкновенно нѣтъ указанія мѣста записи и лица записывавшаго. Описаніе обрядовъ и повѣрій сдѣлано очень поверхностно. Самыя пѣсни при ближайшемъ знакомствѣ оказываются часто заимствованными изъ прежнихъ собраній, напр. Чечота и Тышкевича, при чемъ быть можетъ не непосредственно у нихъ, а черезъ Киркора. Ср. свадебн. пѣсни (*Записки*, V, 175—231; есть и другія мѣста сходства, напр. 80 стр. В). Указаній на заимствования въ сборникѣ не сдѣлано. Редакція перепечатанныхъ пѣсенъ не вездѣ правильная: иногда допускаются измѣненія правописанія и даже исправленія въ самомъ текстѣ. Нѣкоторые пѣсни заведомо искусственныя произведенія, имѣющія значеніе для характеристики языка, но не народнаго быта (ср. *Записки*, V, стр. 70 №№ 1 и 2, стр. 71 № 4, стр. 76 № 15, стр. 86 и др.).

Въ томъ же V томѣ *Записокъ Имп. Русс. Геогр. Общества* помѣщенъ и первый бѣлорусскій сборникъ П. В. Шейна, вышедшій отдѣльной книгой въ 1874 г. Рѣчь о немъ была раньше, въ началѣ этой статьи. Здѣсь повторимъ только, что по своимъ внутреннимъ качествамъ этотъ сборникъ превосходитъ все вышедшее до него, какъ у русскихъ, такъ и у поляковъ.

Наконецъ еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ крупномъ собраніи матеріаловъ, характеризующихъ бѣлорусскій бытъ, явившемся до «Матеріаловъ» г. Шейна, именно объ этнографической части въ «Опытѣ описанія Могилевской губ...., составленномъ по программѣ и подъ редакцію....

А. С. Дембовецкаго». Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882 г. Въ 1-й книгѣ этого охотнаго описанія въ отдѣлѣ о населеніи Могилевской губерніи (стр. 73—599, 607—653) дается масса интереснаго матеріала, характери-

зующаго народный бытъ: описаніе празднованія главнѣйшихъ явленій изъ жизни простолюдина, какъ — свадьбы, родинъ и крестинъ, похоронъ и поминокъ; а также нѣкоторыхъ народныхъ празднествъ и занятій — свѣчи, колядъ съ играми во время послѣднихъ, толоки; тутъ же описаніе повѣрій, народныхъ примѣтъ; наконецъ приводится крестьянскій календарь по мѣсяцамъ. Всѣ эти описанія сопровождаются иллюстраціями изъ народныхъ пѣсенъ, поговорокъ и повѣрій и заканчиваются обширнымъ пѣсеннымъ сборникомъ — до 500 нумеровъ. Пѣсни расположены по слѣдующимъ 4-мъ группамъ: колядныя и вообще распѣваемые зимою, весеннія, лѣтнія и пѣсни, которыя поются во всякое время года — на свадьбахъ, вечеринкахъ, а также духовные стихи. При пѣсняхъ вездѣ указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Всѣ пѣсни вновь собранныя, не перепечатанныя изъ прежнихъ изданій. Даже въ фонетическомъ отношеніи записи довольно удовлетвори- тельныя; жаль только, что при редактированіи всѣмъ пѣснямъ сообщены особенности одного говора. Все указанное касается описанія быта и пѣ- сенъ, записанныхъ среди крестьянъ. Но и въ отдѣлѣ о мѣщанахъ также находимъ немало интереснаго въ бытовомъ отношеніи. Тутъ между про- чимъ описанъ «вертепъ», въ которомъ даются представленія народныхъ мистерій. Есть описаніе масленицы, великаго поста, Пасхи, Радоницы и др. дней. Описаны также обряды и обычаи при свадьбахъ, рожденія и кре- стинахъ, а также при похоронахъ. Вообще относительно этого собранія, несмотря на нѣсколько сдержанные отзывы критики (напр. у Романова: Бѣлор. Сборн. I—II, VII), слѣдуетъ сказать, что оно, хотя и составилось изъ записей, полученныхъ официальнымъ путемъ, отличается многими не- сомнѣнными достоинствами, ставящими его значительно выше многихъ крупныхъ изъ раньше разсмотрѣнныхъ собраній. Менѣе надежны эти ма- териалы конечно въ отношеніи языка.

Вотъ и всѣ главнѣйшія работы, явившіяся въ печати до выхода 1-го вып. «Материаловъ» П. В. Шейна. Нашъ очеркъ однако былъ бы далеко не полнымъ, если бы не были поименованы и нѣкоторыя мелкія работы, особенно явившіяся начиная съ 60-хъ годовъ, такъ какъ и эти послѣднія отчасти содержатъ интересныя данныя для характеристики народнаго быта, отчасти же вошли въ томъ или другомъ видѣ и въ «Материалы» П. В. Шейна. Я отмѣчу только болѣе интересныя вещи¹⁾. Эти статьи и замѣтки слѣдующія: 1) Гецьки. П. Кушина («Москвитянинъ» 1843 г., т. IV, 383—412); 2) Бѣлорусскія поговорки. В. Васильева («Маякъ» 1844,

¹⁾ Подробное перечисленіе разныхъ материаловъ этого рода можно найти въ книгѣ: «Полѣсье. Библиографическіе материалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья». Спб. 1883. Слѣдуетъ только выдѣлать отсюда то, что не касается бѣлоруссовъ.

XV, смѣсь, стр. 29; 1845, т. XXII, стр. 58; XXIII, стр. 144). 3) Бѣлорусскія пословицы, собранныя и объясненныя новозыбковскимъ протоіереемъ К. Мальчевскимъ (Могил. губ. вѣд. 1850 г., №№ 40—42, 45 и др.); 4) Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собранны Е. П. С.-Пб. 1853 г. Пѣсни въ переложеніи; есть и описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ; 5) Бѣлорусскія повечорки («Калейдоскопъ» 1862 г., № 27, стр. 421—424); 6) Апрель мѣсяцъ у бѣлорусскихъ крестьянъ. Ниль Синявскій (Смолен. губ. вѣд. 1862 г., № 24; 7) Мѣстныя суевѣрія и предрасудки (изъ записокъ сельскаго священника). Протоіерей Плакидъ Янковскій (Литов. епарх. вѣд. 1863 г., №№ 21 и 22, стр. 810—815 и 854—864); 8) О народныхъ пѣсняхъ Минской губерніи. А. С. (Вил. Вѣстн. 1864 г., № 131); 9) То же (Вѣстникъ Зап. Россіи 1865 г., № 7, янв., стр. 422—426); 10) Свадебный обрядъ у крестьянъ въ приходѣ с. Нѣжкова Могилев. уѣзда. С. С. Б. (Могилев. губ. вѣд. 1865 г., № 13); 11) Свадебные обычаи и обряды простонародья въ Борисовскомъ уѣздѣ. Ш—вичъ (Минск. губ. вѣд. 1865 г., №№ 22—29, 35—37, 39, 41—44); 12) Статья Серебренникова въ Памятной книжкѣ Витебской губ. на 1865 и 1866 гг.; 13) Вертепъ въ Могилевѣ (Могилев. губ. вѣд. 1866 г., № 4; 14) Обряды погребенія въ Игуменскомъ уѣздѣ. Валюковичъ (Минск. губ. вѣд. 1867 г., № 12); 15) Свадебные обряды крестьянъ Гродн. губ. (Вилен. Вѣстн. 1867 г., № 103); 16) Этнографич. очерки Гродн. губ. А. Славутинскій (ib. №№ 119 и 120); 17) Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстислав. уѣздѣ. И. Сердюковъ (Могилев. губ. вѣд. 1867 г., №№ 50, 51, 52; 1868 г., №№ 14, 17, 23—30, 33—35, 40 и 41); 18) Бѣлорусскія пѣсни. Собранны въ Борисов. уѣздѣ Д. Булгаковскимъ. (Мин. губ. вѣд. 1868 г., № 23); 19) Обычаи и повѣрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рогачевского уѣзда. Е. Кучинскій (Могил. губ. вѣд. 1868 г., № 22); 20) Бѣлорусскія народныя пѣсни. Собралъ Н. Руберовскій (Вилен. Вѣстн. 1867 г., №№ 75—77); 21) Его же: Свадебные обряды крестьянъ Минскаго уѣзда (ib. 1868 г., № 8); 22) То же (Мин. губ. вѣд. 1869 г., № 31); 23) Изъ религіозной жизни крестьянъ Мозырскаго уѣзда. К. С—цова (Мин. губ. вѣд. 1869 г., № 30); 24) Порядокъ народнаго времяисчисленія по праздникамъ и чествованіе ихъ въ сѣверозападной Руси. Свящ. І. Берманъ (Вилен. Вѣстн. 1869 г., №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39); 25) Его же: Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ (Вилен. губ. Опшян. уѣзда) (Зап. Имп. Геогр. Общ. по отд. этногр. V, 1873 г.); 26) Его же: Наблюденія нашего сѣверозападнаго крестьянства относительно погоды и урожая (Вилен. Вѣстн. 1870 г., №№ 130 и 132; 27) О сборникѣ западнорусскихъ пословицъ и поговорокъ. Ю. Кульжинскій (Гродн. губ. вѣд. 1866 г., № 41 и Вилен. губ. вѣд. 1866 г., № 84); 28) Его же: О духовныхъ простонародныхъ пѣсняхъ сѣ-

верозападнаго края (Мин. губ. вѣд. 1868 г., № 35); 29) Его же: Бетлейки («Душеполезн. Чтеніе» 1873 г., III, № 12, стр. 442—450); 30) Суевѣрные обряды простонародья Западнаго края. О. Б—аго («Русскій Міръ» 1873 г., №№ 342 и 344); 31) Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисовскаго уѣзда. Свящ. Сим. Нечаевъ (Минск. еп. вѣд. 1874 г., № 7, стр. 227—232); 32) Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губ. — бѣлоруссовъ. В. и А. Зеньковичъ. Дост. П. С. Ефименко (Извѣстія Общ. люб. естествознанія, 1877 г., т. 28, стр. 26—33); 33) Солнце и луна въ народныхъ легендахъ и заговорахъ Сѣверо-западнаго края. М. Лосіевскій (Минск. губ. вѣд. 1878 г., №№ 8, 13, 14, 15 и 17); 34) Свадебные обряды въ Морозскомъ приходѣ Мозырскаго уѣзда (Минск. губ. вѣд. 1877 г., №№ 23, 24, 26); 35) Свадебные обряды въ районѣ Грабовской волости Мозырскаго уѣзда. Васильевой (Минск. губ. вѣд. 1877 г., №№ 32, 33); 36) Крестьянскія поминки въ Мозырскомъ уѣздѣ. Очеркъ Васильевой (ib. 1877 г., № 45); 37) Ея же: Рождественскіе праздники у крестьянъ Мозырскаго уѣзда (ib. 1878 г., № 5); 38) Ея же: Замѣтка, какъ проводятъ весну крестьяне Минской губ. (ib. № 27); 39) Ея же: Весеннія пѣсни и обряды въ деревняхъ Мозырскаго уѣзда (ib. № 50); 40) Ея же: Замѣтка о бытѣ крестьянъ Мозырскаго уѣзда (ib. 1879 г., №№ 17 и 18); 41) Ея же: Село Бесѣдки Мозырскаго уѣзда (ib. №№ 29, 31); 42) Нѣкоторые суевѣрные обычаи и предразсудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда. Свящ. Дм. Папинъ (Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 3, стр. 58—63); 43) О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Оздамичскаго прихода. Свящ. О. Чистяковъ (Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 20, стр. 431—442); 44) Бѣлорусскія пѣсни села Березовца Новогр. уѣзда Минской губ. Е. Карскій (Русс. Филолог. Вѣстникъ, т. XII, 1884 г., стр. 124—135; т. XIII, 1885 г., стр. 266—283); 45) Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego zebrał Dr. W. Dębowski (Zbiór wiadomości do antropol. kraj., V, 1881 г., 3—23); 46) Его же: Zagadki białoruskie z gub. Mińskiej (ib. X, 1886 г., 157—168). Слѣдовало бы еще прибавить обзоръ изученія Полѣсья, но изъ него матеріалы только случайно попадаютъ у Шейна, при томъ лишь такіе, въ которыхъ перевѣсъ на сторонѣ бѣлорусскихъ элементовъ. Поэтому Полѣсья и не будемъ касаться.

Въ такомъ состояніи находилось дѣло изученія бѣлорусскаго быта, когда П. В. Шейнъ приступилъ къ печатанію собранныхъ имъ матеріаловъ. Достаточно даже бѣглого взгляда на вышедшія 3 книги труда Шейна, чтобы видѣть, чѣмъ онѣ отличаются отъ всѣхъ предшествующихъ подобныхъ работъ. Тутъ прежде всего размѣръ: три книжки, 8^о, представляютъ болѣе 2000 страницъ; затѣмъ большое разнообразіе и содержательность

материала, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго ниже обзорѣнія по томамъ. Печатаемые материалы въ большинствѣ случаевъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій, предразсудковъ и даже замѣчаніями чисто научнаго характера. Вотъ обзорѣніе содержанія всѣхъ трехъ книгъ. Томъ I, ч. I (1887 г.): послѣ предисловія отъ Академіи Наукъ относительно командировокъ П. В. Шейна для собиранія произведеній народнаго творчества и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній самого собирателя о передачѣ звуковъ народной рѣчи, слѣдуетъ изображеніе бытовой и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ по слѣдующей программѣ: Отдѣлъ первый. Обряды: родины и крестины (стр. 3—18). Пѣсни крестинныя (20 №№, стр. 18—29). Пѣсни колыбельныя и дѣтскія (15 №№, стр. 29—36). Рождественскіе праздники, святки (стр. 37—44); обрядности сочельниковъ (стр. 44—55). Пѣсни колядныя: объясненіе ихъ названія (55—56). Самыя пѣсни (64 №№, стр. 56—98). Колядныя игрища и пѣсни. Женильба Терешки (стр. 99—110), лучъ (стр. 110—111), ящеръ (111—112), чортъ (112—114), шило (114—115). Пѣсенъ, относящихся сюда, 15. Обычаи масляничные (115—116). Масляничныхъ пѣсенъ 7. Шильный поведѣльникъ (122—125). Пѣсни весеннія (15 №№, стр. 125—132). Пѣсни великодныя (133—136), №№-овъ пѣсенъ 23 (136—165). Обряды и пѣсни въ Юрьевъ день (165—170). Повѣрья и примѣты (тамъ же). №№-овъ пѣсенъ 19 (стр. 171—184). Духовъ день и Св. Троицы. Завиваніе вѣнковъ; духовскія пѣсни (184—195, №№ 24). Русальная недѣля; русалки (196—199, 1 пѣсня). Пѣсни петровскія (200—201, №№ 3). Толока и пѣсни толочанскія (201—212, №№ 18). Обычаи, повѣрья и суевѣрья на Ивана Купалу (213—236, №№ 29). Жниво: обряды и пѣсни (237—240). Пѣсни жнивныя (240—256, №№ 34), ярныя (во время жатвы яровыхъ посявковъ) (257—263, №№ 12). Дожинки или обжинки. Обряды и пѣсни (263—288, №№ 39). Отдѣлъ второй. Пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя. А. Пѣсни любовныя (289—355, №№ 96). Б. Семейныя (356—450, №№ 122). Пѣсни бытовыя. А. Рекрутскія (451—470, №№ 27). Б. Солдатскія (471—494, №№ 31). Пѣсни шуточныя и разгульныя. А. Шуточныя (494—527, №№ 40). Б. Разгульныя: дударскія (531—534, №№ 3), пьяницкія (535—538, №№ 7), плясовыя и припѣвки (539—569, №№ 139). Примѣчанія и приложенія (578—584). На четырехъ послѣднихъ страницахъ въ качествѣ прибавленія присоединены переложенныя на ноты мотивы нѣкоторыхъ пѣсенъ крестинныхъ, масляничныхъ, волочобныхъ, весеннихъ, троицкихъ, дожиночныхъ, бесѣдныхъ, рекрутскихъ, шуточныхъ, дударскихъ. Кромѣ того, въ этой книгѣ имѣется два азателя — одинъ, въ формѣ оглавленія всѣхъ пѣсенъ (VII—XX), другій — указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни. Оказывается, что

записи «Матеріаловъ» г. Шейна уже въ 1 вып. I тома обнимаютъ всю бѣлорусскую область, хотя не въ одинаковомъ процентномъ отношеніи изъ той или другой мѣстности. Тутъ даны записи изъ губерній Виленской (Виленскій, Вилейскій, Дисненскій, Лидскій, Ошмянскій, Свенцянский уѣзды), Витебской (Витебскій, Городокскій, Дриссенскій, Лепельскій, Полоцкій уѣзды), Гродненской (Бѣлостокскій, Волковыскій, Гродненскій, Пружанскій, Слонимскій уѣзды), Ковенской (Ново-Александровскій уѣздъ), Курляндской (около м. Улукшты), Минской (Бобруйскій, Борисовскій, Игуменскій, Минскій, Мозырскій, Новогрудскій, Рѣчицкій, Слуцкій уѣзды), Могилевской (Быховскій, Гомельскій, Горецкій, Оршанскій, Рогачевскій, Оѣненскій, Чаусскій уѣзды), Смоленской (Бѣльскій, Духовщинскій, Рославльскій, Порѣчскій, Смоленскій уѣзды). Указатель не ограничивается однимъ перечисленіемъ мѣстностей по уѣздамъ, но даже указаны деревни, гдѣ сдѣлана та или другая запись.

Томъ I, ч. II (1890 г.). Этой частью заканчивается лирическая поэзія бѣлорусса; именно, она заключаетъ: 1) обряды свадебные (стр. 1—501) и 2) обряды погребальные и поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками (503—697); кромѣ того, примѣчанія и приложенія (699—708); рисунки коровай изъ нѣкоторыхъ мѣстностей (3 №№) и ноты (23 №№). Первый отдѣлъ содержитъ, кромѣ 43 самыхъ подробныхъ описаній свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ мѣстностей Бѣлоруссіи, изложенныхъ отчасти на бѣлорусскомъ нарѣчій, еще 902 свадебныя пѣсни, сопровождающія описаніе того или другого обряда. Такого обилія свадебныхъ пѣсенъ нельзя найти ни въ одномъ сборникѣ. Во второмъ отдѣлѣ содержится: 1) описаніе обрядовъ погребальныхъ изъ 19 мѣстностей (507—579), описаніе примѣтъ, предвѣщающихъ смерть (579—582); 2) обряды поминальные: а) поминки частныя (изъ 6 мѣстностей, стр. 582—593), б) поминки общія — дѣды (изъ 23 мѣстностей, стр. 593—629); 3) причитанія (№№ 95, стр. 631—700): по мужѣ (23 №№); по дитяти (10 №№); по взрослому сынѣ (2 №№); плачь по дочкѣ (6 №№); по взрослой дочери (3 №№); плачь по матери (16 №№); плачь по отцѣ (20 №№); по дѣдушкѣ (1 №); по бабушкѣ (1 №); по братѣ (3 №№); по сестрѣ (2 №№); по свекру (2 №№); по свекрови (2 №№); по теткѣ (1 №); по чужестранцѣ (2 №№). Обряды и пѣсни, кромѣ того, что расположены по отдѣламъ, еще размѣщены по губерніямъ, вслѣдствіе чего у читателя образуется не только представленіе о томъ, при какой обстановкѣ совершается извѣстный обрядъ, но и какія особенности онъ имѣетъ въ той или другой мѣстности; равнымъ образомъ наглядно представлены и сгруппированы различныя лингвистическія данныя изъ губерній — Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Смоленской, Тверской (Ржевскій уѣздъ), Черниговской (Суражскій уѣздъ). Осо-

бенно важны матеріалы изъ послѣднихъ губерній, являющіеся въ бѣлорусскихъ сборникахъ, можно сказать, впервые.

Томъ II (1893 г.) уже содержитъ эпическую поэзію. Тогда какъ въ I томѣ при разныхъ лирическихъ произведеніяхъ даются обширныя описанія, касающіяся по преимуществу обрядовъ, сопровождающихъ пѣніе тѣхъ или другихъ стиховъ, во II томѣ такихъ объясненій очень мало. Оно и понятно: сама эпическая поэзія даетъ массу цѣннаго матеріала для характеристики народнаго быта. Впрочемъ, и во II томѣ находимъ также очень интересныя описанія, напр., привѣтствій, пожеланій, божбы, ругани, или нѣкоторыхъ знахарей, нищихъ-старцевъ. — Сборникъ распадается на три отдѣла: въ I-мъ (1—500 стр.) даны сказки, анекдоты, преданія, воспоминанія, пословицы, поговорки, загадки; во II отдѣлѣ (501—558) — привѣтствія, пожеланія, божба (клятва), проклятія, ругань, заговоры, заклинанія; въ III отдѣлѣ (559—680) — духовные стихи, вирши религиозно-нравственнаго содержанія, молитвы. Наконецъ (681—715), находимъ примѣчанія и дополненія. Первый отдѣлъ содержитъ а) разнаго рода сказки: изъ міра животныхъ (34 №№), мѣстныя и бытовыя (118 №№); б) анекдоты (40 №№); в) легенды (49 №№); г) преданія (45 №№) — о церквахъ, чудотворныхъ иконахъ, колоколахъ, кладахъ, заколдованныхъ людяхъ и животныхъ, о разныхъ мѣстностяхъ, камняхъ, погребкахъ, разбойникахъ; д) воспоминанія и рассказы о быломъ (18 №№) — о пребываніи французовъ, о іезуитахъ, о польскомъ возстаніи, о панахъ, холерѣ и т. п.; е) пословицы и поговорки (195 №№); ж) загадки (149 №№), при чемъ нѣкоторыя въ нѣсколькихъ вариантахъ. Во второмъ отдѣлѣ находимъ а) привѣтствія и пожеланія (35 №№), божбу и клятву (23 №№), проклятія (30 №№), ругань (21 №№); б) заговоры (70 №№) — противъ лѣшаго, домового, дворового, отъ шума, противъ русалки, отъ наносовъ, противъ залама, дурного глаза, отъ сглаза новорожденнаго, отъ уроковъ, противъ криксы и плаксы, кровотечения, отъ зубной боли, болѣзни горла, колотья, противъ волоса, лихорадки, отъ рожи, чирьевъ, противъ боли въ крестцѣ, отъ перепоя, укушенія змѣи, бѣшенства, при выгонѣ скота въ поле, противъ чемера — болѣзни лошадей, червей, когда у коровъ пропадаетъ молоко, заговоръ ружья, во время охоты, для разстройства свадьбы, для укрѣпленія свадьбы. Здѣсь, кромѣ того, помѣщены свѣдѣнія о знахаряхъ и шептунахъ. Третій отдѣлъ содержитъ разнаго рода духовные стихи: о богатомъ и Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ челоувѣкѣ, про св. Варвару, Цмока (отрывокъ изъ стиха о Георгіи Храбромъ), про Василя Пустышника, плачь Адама, на Вознесеніе, про св. Дороту, про грѣшную дѣву (самарянку), сонъ Богородицы, на разставаніе души съ тѣломъ, о страшномъ судѣ, «евангелистую» пѣснь, стихъ относительно избавленія души христіанской, о

Бомболеѣ, костельную пѣснь, о десяти заповѣдяхъ, вирши и псалмы духовнаго содержанія (всего въ III отдѣлѣ 62 №№). Кромѣ того, даны довольно подробныя свѣдѣнія о бѣлорусскихъ старцахъ-нищихъ. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе II тома настоящаго сборника. Здѣсь масса самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, такъ что въ связи съ предыдущимъ I томомъ исчерпаны почти всѣ отрасли бѣлорусскаго народнаго творчества. Тѣмъ посланы: предисловіе, въ которомъ собиратель касается упрековъ, направленныхъ противъ него, въ томъ, что нѣкоторыя записи получены официальнымъ путемъ; далѣе слѣдуетъ оглавленіе — указатель напечатанныхъ матеріаловъ (VII—XIV) и наконецъ—указатель мѣстностей, откуда доставлены матеріалы для настоящаго тома. — Ко всѣмъ 3-мъ книгамъ приложены указатели опечатокъ.

Таково содержаніе всѣхъ вышедшихъ томовъ сборника г. Шейна. Матеріалы заимствованы изъ всей бѣлорусской области, иногда даже привлечены мѣстности не чисто бѣлорусскія, особенно на югѣ. Теперь остановимся подробнѣе на слѣдующихъ вопросахъ:

а) Откуда взяты напечатанные въ 3 книгахъ сборника г. Шейна матеріалы?

Три книги «Матеріаловъ» Шейна, заключающія въ себѣ около 3000 разныхъ записей, какъ и всѣ большія собранія, составились не вдругъ и не изъ записей одного лица, а нѣсколькихъ. Матеріалы для нихъ собирались въ теченіе болѣе, нежели десяти лѣтъ; въ составъ ихъ вошли записи, доставленные разными лицами. Особенную цѣнность въ сборникахъ народныхъ произведеній конечно имѣютъ записи самого собирателя, такъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ о его знакомствѣ съ языкомъ, а также съ приемами народнаго творчества той области, гдѣ производятся записи, и вообще съ редакціонной частью. Обращаясь къ разсматриваемымъ сборникамъ, находимъ, что записей самого г. Шейна въ нихъ мало: всего 130 (въ I т. 1 вып.—112, I т. 2 вып. 8 и II т. 10 записей). Быть можетъ число ихъ нѣсколько увеличится, если на долю собирателя отнесемъ нѣкоторыя записи безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Такое незначительное количество записей самого собирателя можетъ быть объяснено, съ одной стороны, тѣмъ, что ему вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, при преклонномъ возрастѣ, трудно было самому проникать въ разныя захолустья, а съ другой—можетъ быть и извинено, такъ какъ авторъ въ достаточной степени обладаетъ нужною опытностію, которую онъ приобрѣлъ при составленіи своего собранія 1873 г., гдѣ большинство пѣсней принадлежитъ записямъ самого Шейна (ср. Записки И. Р. Геогр. общ. V, 823—824). Наконецъ нашъ собиратель если по разнымъ причинамъ и не могъ достаточное количество записей сдѣлать лично самъ, то онъ сумѣлъ выдвинуть на это дѣло очень много

добровольныхъ сотрудниковъ, въ большинствѣ случаевъ людей вполне надежныхъ, и поддержать ихъ нравственно въ собирательской дѣятельности.

Всѣхъ записей отъ добровольныхъ сотрудниковъ получено болѣе 2174 (I т. 1 ч.—650, I т. 2 ч.—747, II т.—777 зап.). Характеристики своихъ сотрудниковъ въ разсматриваемыхъ томахъ собиратель не дѣлаетъ; лишь въ предисловіи ко II тому онъ съ благодарностью упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсматривая приписки къ каждой записи, мы видимъ, что главнѣйшими вкладчиками были тѣ же лица, которыя поставляли матеріалы и для перваго сборника г. Шейна (1873 г.). Эти лица въ большинствѣ случаевъ вполне надежныя, обстоятельно знающія бѣлорусскую рѣчь, равно какъ и бытъ населенія сѣвѣрозападнаго края. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особаго упоминанія. Это

1) Н. Я. Никифоровскій, заявившій себя въ этнографической литературѣ, кромѣ записей, доставленныхъ г. Шейну, и самостоятельными выдающимися работами. Имѣю въ виду раньше (стр. 3) упомянутые труды: а) Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895. 8°. VIII + 552 + CLIV и б) Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрныя обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Витебскъ. 1897. 8°. X + 308 + 30. Уже въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, помѣщенномъ въ «Запискахъ Имп. Р. Геогр. общества по отдѣленію этнографіи» за 1873 г., т. V, — Шейнъ, говоря о своихъ сотрудникахъ, такъ отзывался о г. Никифоровскомъ (стр. 829): «Онъ своимъ зрѣлымъ воззрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ разысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей немало на Бѣлой Руси». Дѣйствительно, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ бѣлорусскимъ сборникамъ Шейна, то значительная доля записей въ нихъ окажется принадлежащими перу г. Никифоровскаго. Всѣ такія сообщенія отличаются обстоятельностью и интересомъ. Затѣмъ г. Никифоровскаго встрѣчаемъ въ качествѣ автора нѣсколькихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Этнографическомъ обозрѣніи», подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки Витебской Бѣлоруссіи» (кн. XII, XIII, XVII, XXXI, XXXIV) (ср. о немъ наши замѣтки въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1896 г., май, и за 1897 г., октябрь). Для «Матеріаловъ» г. Шейна Никифоровскій доставилъ 60 довольно объемистыхъ записей.

2) Трудями по бѣлорусской этнографіи извѣстенъ и А. Е. Богданочъ. Для «Матеріаловъ» Шейна онъ доставилъ 110 записей.

3) Изъ числа сотрудниковъ г. Шейна, извѣстныхъ трудами по бѣлорусской этнографіи, можно отмѣтить еще З. Радченко, помѣщицу въ Го-

мельскомъ уѣздѣ Могилевской губ. Ей принадлежатъ: «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ Гомельскаго уѣзда, запис. для голоса съ аккомпан. фортепьяно. Вып. I, 1881, и особенно — «Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія)». С.-Пб. 1888 (Записки Импер. Русс. Геогр. Общ. по отд. этногр. XIII, вып. 2).

4) Тутъ же упомянемъ о Н. Руберовскомъ, доставившемъ нѣсколько записей и для «Матеріаловъ», который извѣстенъ и своимъ собраніемъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. О немъ слѣдующимъ образомъ отзывается П. Безсоновъ (Бѣлорусс. пѣсни, LV): «почтенный другъ нашъ М. О. Де-Пуле, оставшись въ Краѣ, успѣлъ отпечатать въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» довольно прекрасныхъ и прекрасно записанныхъ народныхъ пѣсней, трудъ ревностнаго собирателя, приходскаго учителя г. Н. Руберовскаго». Перечисленіе его работъ нами сдѣлано раньше (стр. 19).

Изъ другихъ сотрудниковъ, хотя и не извѣстныхъ печатными трудами, слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенно выдающихся: Батурина, учителя народнаго училища, сообщившаго 54 зап., Бирулю — 41 зап., Карскаго Ив. Онуфр., псаломщика, — 90 зап., Коваленко, учен. VIII кл. гимн., — 16 зап., Копая, учен. VIII кл. гимн., — 39 зап., Копецкаго, священ., — 28 зап., Киприановича, ученика Молодечн. учит. сем., — 20 зап., Лисовскую А. Ф. — 18 зап., Лыщинскаго, магистра, препод. Суражск. уѣздн. учил., — 23 зап., Машурко, студ. Спб. унив. — 103 зап., Некрасова С. П. — 52 зап., Николаевича, учит. нар. уч., — 28 зап., Овсейца, учит. Рогачев. уѣзднаго уч., — 56 зап., Ральцевича, учен. Минск. дух. сем., продолжавшаго свои сообщенія и послѣ поступленія его въ дух. академію, — 94 зап., Рачинскую С. Н. — 136 зап., Рѣдько, учит. нар. уч., — 17 зап., Скляренко — 14 зап., Сущинскаго, учен. Могил. дух. сем., — 16 зап., Солнцева, учительн. нар. уч. — 16 зап., Сикорскаго, учен. VII кл. гимн., — 25 зап., Хмѣлевскихъ — 82 зап., Шимковича, инсп. нар. учил., — 33 зап., Шолковичей Е. и П. — 21 зап., Шибанова, учит. нар. учил., — 15 зап., Яновскаго, ученика VII кл. гимн., — 14 зап., Яцко, учит. нар. уч., — 39 зап. Другіе сотрудники доставили незначительное число записей.

По своему общественному положенію и образованію сотрудники г. Шейна распадаются на слѣдующія группы:

помѣщица	1,
врачъ	1,
священниковъ	3,
псаломщиковъ	2,
крестьянъ-земледѣльцевъ	3,
лицъ неизвѣстнаго положенія	16.

Остальные сотрудники принадлежатъ къ учебному персоналу:

учителей среднихъ учебныхъ заведеній около . . .	6,
учителей низшихъ учебныхъ заведеній.	57,
инспекторъ народныхъ училищъ.	1,
студентовъ университета	2,
учениковъ гимназій	21,
учениковъ духовныхъ семинарій.	10,
учениковъ учительскихъ институтовъ	10,
учениковъ уѣздныхъ училищъ.	11,
учениковъ учительскихъ семинарій.	92,
учениковъ приготовительнаго класса.	22,
учениковъ народныхъ училищъ	10.

Всюду цифры обозначены приблизительно, такъ какъ нѣкоторыя фамилии, будучи напечатаны различно, могли быть признаны за принадлежащія разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ наибольшее число корреспондентовъ оказывается среди учащихся въ разныхъ заведеніяхъ и преимущественно въ учительскихъ семинаріяхъ Молодечнянской, Полоцкой, Свислочской и Несвижской. Учащіеся въ этихъ семинаріяхъ крестьяне лучше всего и знакомы съ обрядовой стороною жизни ихъ семейной среды. Дальше слѣдуютъ учителя народныхъ училищъ, вышедшіе въ большинствѣ случаевъ изъ той же среды.

Послѣ выхода I т. II вып. критика поставила П. В. Шейну въ вину то обстоятельство, что нѣкоторые матеріалы собирались для него официальнымъ путемъ — Статистическими комитетами, благодаря содѣйствію начальниковъ нѣкоторыхъ губерній. Главными вкладчиками этнографическаго матеріала въ этомъ отношеніи оказались волостные писаря и старшины. Въ предисловіи ко II тому г. Шейну пришлось даже оправдываться по поводу собиранія этнографическихъ матеріаловъ официальнымъ путемъ. Однако, какъ показываютъ наведенныя нами справки, такихъ сотрудниковъ было очень немного (всего 21 писарь и 1 старшина), да и записей на 2 книги (т. I ч. II и т. II) ими доставлено всего 117; такъ что, собственно говоря, даже напрасно загорѣлся было сыр-боръ. Да, кромѣ того, для науки безразлично, кѣмъ собраны народныя произведенія, только бы они были хорошо записаны и изданы (ср. Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго. Спб. 1895 г., 132, замѣчаніе проф. Сумцова). И дѣйствительно, записи волостныхъ писарей среди «Матеріаловъ» Шейна оказываются одними изъ лучшихъ.

Забывая о возможной полнотѣ своего капитальнаго сборника, г. Шейнъ не ограничился только матеріалами вновь собранными (имъ самимъ лично, а

также при посредствѣ различныхъ сотрудниковъ), но нашелъ нужнымъ перепечатать нѣкоторые матеріалы и изъ прежнихъ рѣдкихъ собраній, а также отдѣльныхъ статей. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ почтеннымъ собирателемъ. Этнографическія собранія Тышкевича, Киркора, Анимелле, Чечота, Дмитриева въ настоящее время могутъ быть найдены лишь въ большихъ библіотекахъ, а въ продажѣ давно не имѣются, такъ что пользоваться ими очень трудно. Не меньше трудностей представляетъ разысканіе разныхъ этнографическихъ статей, помѣщенныхъ въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а также въ памятныхъ книжкахъ; такъ что и за перепечатку ихъ слѣдуетъ принести г. Шейну глубокую благодарность: извлеченіе ихъ изъ нечитаемыхъ провинціальныхъ органовъ равносильно первому появленію ихъ въ печати. Достоинство и недостатокъ почти всѣхъ статей, которыя перепечатаны у г. Шейна, я уже касался раньше; тамъ была указана и связь ихъ съ другими статьями по бѣлорусской этнографіи и опредѣлено ихъ достоинство. Здѣсь я только перечислю ихъ, съ указаніемъ страницъ и томовъ, гдѣ помѣщены перепечатки изъ нихъ:

1) Tyszkiewicz: *Opisanie powiatu Bogusowskiego*. Wilno. 1847 (I т. 2 вып., стр. 68—126, 126—142, 589, 600, 621, 629; II т. 472—484);

2) Czeczot: *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny*. Wilno. 1846 (I т. вып. 1, стр. 398, 431, 517);

3) Подобѣдъ: Народное преданіе (Могил. губ. вѣд. 1851 г., № 8; у Шейна т. II, 451);

4) Шпилевскій: «Волочевники» въ «Пантеонѣ» 1856 г., кн. III. Лучше было бы сослаться на «*Opisanie pow. Bogusow.*» 389—391, откуда сдѣлано заимствованіе самимъ Шпилевскимъ (I т. 1 вып., 140—142, 146—147);

5) Его же: «Къ Волочевникамъ въ Витеб. губ.» въ «Русск. Дневникѣ» 1859 г., № 101 (I т. вып. 1, 147—149);

6) Невѣровичъ: «О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ, населяющихъ Смолен. губ.» въ Памятн. кн. Смолен. губ. 1859 г. (I т., 1 вып., 53—55, 126, 131, 185—187, 189—191, 199; I т., 2 вып., 395, 456—481);

7) Киркоръ: «Этнографич. взглядъ на Вилен. губ.» въ III вып. этногр. сборн. (I т., 1 вып., 105—108, 334, 359, 414, 516, 544; II т., 439);

8) Анимелле: «Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ» во II вып. этногр. сборн. (I т., 1 вып., 173—174; II т., 472—484);

9) Куклинскій: «Замѣтки о западн. части Гродн. губерніи» въ III вып. этногр. сборн. (I т. 2 вып., 372—374; II т., 504);

10) Разумихинъ: «Село Бобровки и окружный его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда» въ I вып. этногр. сборн. (I т., 2 вып., 482—495);

11) Дмитриевъ: «Обряды и обычай западнорусскихъ крестьянъ» въ Памяти. кн. Гродн. губ. на 1869 г. (I т., 1 вып., 74, 213—219, 224—225, 265—268, 276—278, 290; I т., 2 вып., 665—666, 670—672);

12) Его же: «Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ Сѣверо-западнаго края». Перепеч. изъ Гродн. губ. вѣд. Гродно. 1868 г. (I т., вып. 1, 290, 293, 295—297, 301, 307, 311, 324—327, 330, 333, 342—343, 344, 355, 359, 362, 384, 391, 410, 424, 426, 429, 430, 465, 472, 483, 504, 505, 533, 542, 543, 556, 569; II т., 65);

13) Сердюковъ: «Крестьянская жизнь и обычай въ Мстиславскомъ уѣздѣ» въ Могил. губ. вѣд. 1867 г., № 52 (I т., 1 вып., 112—114);

14) Серебренниковъ: «Обычай и обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда» въ Памяти. кн. Витеб. губ. 1865 г. (I т., 2 вып., 629);

15) Бобровскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Гродн. губерніи (I т., вып. 2, 366—372, 551).

16) Валуковичъ: «О похоронахъ» въ Минск. губ. вѣд. 1867 г., № 12 (I т., 2 вып., 534);

17) Нечаевъ: «Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисов. уѣзда» въ Минск. епарх. вѣд. 1874 г. (I т., 2 в., 586; II т., 340—353);

18) Шейнъ: Бѣлорусскія народныя пѣсни (I т., 1 вып., 237—239; I т., 2 вып., 521—523; II т., 510);

19) Носовичъ: Сборникъ бѣлор. пѣсенъ въ V т. Зап. Геогр. Общ. (I т., 1 вып., 545);

20) Пашинъ: «Нѣкоторые суевѣрные обычай и предрасудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда» въ Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 3 (I т., 2 вып., 541);

21) Чистяковъ: «О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Оздомич. прихода» въ Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 20 (I т., 2 вып., 540);

22) Дембовецкій: Опытъ описанія Могил. губ. (I т., 1 вып., 185, 188 — двѣ ссылки);

23) Демьяновичъ: «О духовныхъ стихахъ, употребительныхъ въ Брашевическомъ приходѣ Кобринскаго уѣзда» въ Лит. епарх. вѣд. 1892 г. (II т., 700 и 713).

Количество перепечатокъ можно бы дополнить еще приведенной въ началѣ этого отчета статьей Чарновской, а также нѣкоторыми другими журнальными статьями. Перепечатка разныхъ сообщеній изъ чужихъ статей дала г. Шейну около 400 №№.

Общие выводы о сотрудниках г. Шейна можно представить в следующей таблицѣ:

	І т. І ч.	І т. ІІ ч.	ІІ т.	Итого.
Всего записей	856	1072	892	2820
въ томъ числѣ:				
а) самого П. В. Шейна	112	8	10	130
б) заимствованій изъ раньше напечатанныхъ матеріаловъ	94	254	51	399
в) добровольныхъ сотрудниковъ	650	747	777	2174
г) оффиціальныхъ сотрудниковъ	—	63	54	117

Въ число записей добровольныхъ сотрудниковъ вошло и 419 мелкихъ произведеній (пословицъ и загадокъ), не содержащихъ при себѣ указаній, отъ кого они получены.

Заканчивая этотъ отдѣлъ, слѣдуетъ еще разъ припомнить, что хотя собственныхъ записей г. Шейна и сравнительно немного (около 4,6%), но и всѣ остальные въ значительной степени могутъ считаться его собственными, такъ какъ на добываніе ихъ П. В. истратилъ немало денежныхъ средствъ (едва ли у него обильныхъ), а также здоровья, никогда не бывшаго у него цвѣтущимъ. Насколько намъ извѣстно, насчетъ всякаго болѣе или менѣе сомнительнаго или невразумительнаго сообщенія г. Шейнъ навелъ письменно многочисленныя справки; за ними онъ неоднократно обращался и къ пишущему эти строки, что оставило слѣды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника.

б) Редакція напечатанныхъ матеріаловъ.

При сужденіи о редакціи напечатанныхъ матеріаловъ будемъ исходить изъ данныхъ, содержащихся исключительно въ самомъ сборникѣ г. Шейна. Собравши такую массу разныхъ этнографическихъ матеріаловъ, какую находимъ въ 3-хъ книгахъ г. Шейна, прежде всего надо было умѣть разсортировать и расположить ихъ правильно. Въ этомъ случаѣ г. Шейну помогла опытность, пріобрѣтенная имъ при прежнихъ изданіяхъ этнографическихъ матеріаловъ — великорусскихъ и бѣлорусскихъ, а также и при новыхъ записяхъ для настоящаго изданія. Разсматривая со стороны сортировки матеріала редакціонную сторону сборниковъ Шейна, не могу умолчать объ отзывѣ по этому предмету извѣстнаго этнографа-собиравателя Е. Р. Романова: «намъ кажется, что г. Шейнъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варианты въ выноскахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ, цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ

достоинствѣ, если бы въ немъ не нашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше. . . . Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большое вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора» (Бѣлорусскій сборникъ, I—II вып., V—VI). Это замѣчаніе касается перваго Бѣлорусскаго сборника г. Шейна (1873 г.); но въ такомъ же положеніи находится дѣло и въ разсматриваемыхъ «Матеріалахъ» и поэтому данное замѣчаніе вполне примѣнимо къ нимъ. Но это замѣчаніе не можетъ быть признано вѣскимъ. Варианты, особенно въ матеріалахъ, касающихся языка, не имѣютъ никакой цѣны; да и если обратить исключительное вниманіе на бытовую сторону, то и здѣсь не всегда можно удовольствоваться приведеніемъ варианта, такъ какъ иногда извѣстное слово, выхваченное изъ своего собственнаго текста, получаетъ другой смыслъ; да и рѣдко кто станетъ обращаться за справками къ подстрочнымъ вариантамъ. Искаженіе такъ называемыхъ нецензурныхъ пѣсенъ съ цѣлю придать имъ цензурный видъ, насколько намъ извѣстно, обыкновенно не принадлежитъ издателямъ и собирателямъ народныхъ произведеній, а дѣлается самими пѣвцами или пѣвицами, такъ какъ въ народѣ въ большинствѣ случаевъ для нецензурныхъ пѣсенъ бывають и цензурные варианты. Да наконецъ слѣдуетъ принять во вниманіе и то, для кого издаются разные этнографическіе сборники, въ родѣ «Матеріаловъ» г. Шейна: вѣдь не для дѣтей, не для барышень, а для людей серьезныхъ и взрослыхъ, въ большинствѣ случаевъ для ученыхъ изслѣдователей, для которыхъ всякая сторона проявленія народной жизни имѣетъ одинаковый интересъ. Вѣдь не станетъ анатомъ заниматься исключительно приличными частями человѣческаго тѣла, совершенно оставляя безъ вниманія такія, которыя могутъ оскорбить чье-либо зрѣніе. Что касается произведеній раньше напечатанныхъ, то о необходимости перепечатки ихъ у насъ уже была рѣчь. Еще тотъ же критикъ нападаетъ на П. В. Шейна за печатаніе «духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ», а также за помѣщеніе анекдотовъ, «вообще не имѣющихъ большой цѣны» (ib. VI). И приговоръ о духовныхъ пѣсняхъ и стихахъ, какъ матеріалъ, характеризующемъ извѣстную эпоху народнаго творчества, а также его языкъ, не можетъ считаться правильнымъ. Что анекдоты также относятся къ матеріаламъ, характеризующимъ народный бытъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія (ср. еще Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, 132, замѣчаніе проф. Сумцова объ этомъ предметѣ). Такимъ образомъ, если и можно было бы устранить нѣсколько записей у г. Шейна, то во всякомъ случаѣ не среди пѣнъ. Матеріалы, сходные по содержанію, но не совпадающіе, расположены группамъ и обозначены буквами *a*, *b*, *c*. . . . Это особенно касается пѣ-

сень. Но то же слѣдуетъ сказать и относительно другихъ родовъ собранныхъ матеріаловъ. Такъ имѣя въ виду, что въ бѣлорусской этнографической литературѣ уже есть хорошіе сборники сказокъ (Е. Романова), пословицъ (Носовича), духовныхъ стиховъ (у Романова и у Шейна въ сборникѣ 1873 г.), авторъ вполне сознаетъ, что его трудъ по полнотѣ не можетъ превзойти поименованныя собранія. Вотъ какъ онъ поэтому смотритъ на дѣло: «... литература нашего предмета (въ данномъ случаѣ духовныхъ стиховъ) успѣла обогатиться цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ для науки вкладовъ гг. Романова, Никифоровскаго и Грузинскаго. На предлагаемый же нами.... здѣсь.... отдѣлъ.... мы смотримъ только какъ на сильное дополненіе къ трудамъ вышеназванныхъ.... предшественниковъ нашихъ» (т. II, 561, выноска). Но намъ кажется, что описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ можно было бы изложить покороче, только не въ ущербъ содержанию, а лишь формѣ. Дѣло въ томъ, что часто приводятся цѣликомъ почти совершенно сходныя сообщенія разныхъ сотрудниковъ г. Шейна объ одномъ и томъ же предметѣ (сокращенію конечно не должны подлежать сообщенія, изложенныя на бѣлорусскомъ нарѣчьи, важныя для языка). Такъ можно было бы слить всѣ свѣдѣнія, напр., относительно колядокъ, купалы, свадебной обрядности и т. п. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно обрядовъ погребальныхъ, обыкновенно изложенныхъ совершенно сходно.

Теперь коснемся порядка въ расположеніи собранныхъ матеріаловъ.

Какъ можно было видѣть изъ обзорѣнія содержанія всѣхъ трехъ книгъ сборника г. Шейна, весь этнографическій матеріалъ въ немъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, точнѣе: пѣсни лирическія — обрядовыя и семейныя; II. поэзія эпическая: сказки, анекдоты, легенды, преданія и т. д. Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ имѣетъ свои подраздѣленія; они въ общемъ тѣ же, что и въ первомъ сборникѣ Шейна (1873 г.). А тамъ этнографическій матеріалъ, какъ и здѣсь, расположенъ довольно своеобразно. Вотъ что говоритъ самъ собиратель о порядкѣ въ расположеніи, котораго онъ держится (Зап. V, 829): «Въ расположеніи по отдѣламъ.... матеріаловъ я нашелъ нужнымъ держаться порядка смѣшаннаго: біографическаго и, такъ сказать, календарнаго, т. е. согласнаго съ послѣдовательнымъ размѣщеніемъ праздниковъ въ теченіе гражданскаго года. Оба эти порядка сливаются впрочемъ весьма удобно и гармонично въ одну общую картину бытовой народной жизни. Такъ напр.: часть лирико-обрядовая начинается «колыбельными» и «дѣтскими», продолжается «колядными» (распѣваемыми преимущественно отроками и парнями), «масляничными», «волочечными», «петровскими» и т. д. и оканчиваются «похоронными», сопутствующими по-

слѣдному акту круготеченія трудовой жизни бѣлорускаго крестьянина.... Въ остальной же мѣньшей части сборника правильный строй въ расположеніи нѣсколько нарушенъ».... — Что касается основного дѣленія собранныхъ г. Шейномъ матеріаловъ на лирическіе и эпическіе, то это дѣленіе въ общемъ должно быть признано правильнымъ. Подобная система господствуетъ и въ другихъ извѣстныхъ сборникахъ. Что до частныхъ, то тутъ требуются нѣкоторыя поправки. Не возможно держаться смѣшаннаго порядка: календарнаго расположенія нельзя сливать съ біографическимъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ такой послѣдовательности, напр. хотя бы въ пѣсняхъ, какъ установленная у г. Шейна. Почему, напр., «дѣтскія», «колыбельныя» пѣсни предшествуютъ колядкамъ? Какъ будто рожденіе людей обыкновенно бываетъ передъ праздникомъ Рождества Христова. Не лучше ли было бы, пѣсни, которыя поютъ при рожденіи человѣка, присоединить къ пѣснямъ на свадьбахъ. Самъ народъ и ставитъ эти событія вмѣстѣ:

Судзіу Богъ яго видзѣць

Подъ храсто́мъ,

Судзи, Божа, яго видзѣць

И подь вянцомъ. (Шейнъ, Матеріалы, I, 1, 25, № 13).

Съ присоединеніемъ къ пѣснямъ при рожденіи человѣка и свадебнымъ еще похоронныхъ причитаній, мы получили бы законченное обзорѣніе обрядности при главнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни человѣка. Да и обряды, расположенные въ календарномъ порядкѣ, также стали бы вполне законченнымъ цѣлымъ. Осталось бы также выдѣлить въ особую группу пѣсни семейныя и бытовыя въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ получились бы отдѣлы: I обрядовыя пѣсни, приуроченныя къ разнымъ языческимъ празднествамъ, смѣшавшимся впоследствии съ праздниками христіанскими; II обрядовыя пѣсни, сопровождающія главныя событія изъ жизни человѣка (рожденіе, женитьбу, смерть), и III пѣсни собственно бытовыя (любовныя, семейныя, плясовыя, рекрутскія, солдатскія и т. п.). При такой системѣ пѣсни, съ сопровождающими ихъ обрядами, по крайней мѣрѣ были бы распредѣлены по главному ихъ содержанію. Другое дѣло, насколько такое расположеніе цѣлесообразно; но эта цѣлесообразность именно обусловливается тѣми задачами, какія имѣетъ въ виду собиратель народныхъ произведеній. Если на первомъ планѣ онъ ставитъ языкъ, тогда лучше распредѣлять собранные матеріалы по мѣстностямъ, гдѣ они записаны. При изученіи образовъ, употребляемыхъ народомъ для выраженія своихъ поэтическихъ представленій, лучше располагать пѣсни по этимъ разамъ. При преслѣдованіи другихъ цѣлей, могутъ быть и другіе приемы въ распредѣленіи матеріаловъ, даже чисто внѣшніе, напр., по размѣрамъ

(ср. Отчетъ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова. С.-Пб. 1880 г., стр. 101 и слѣд. — мнѣніе Потебни относительно расположенія пѣсенъ въ собраніи Головацкаго), по пѣсеннымъ запѣвамъ (ib., стр. 203 и слѣд. — мнѣніе А. Веселовскаго о сборникахъ Чубинскаго). Нашъ собиратель имѣлъ въ виду дать матеріалы для изученія быта и языка съ перевѣсомъ въ пользу перваго. Вслѣдствіе этого самымъ удобнымъ расположеніемъ, по нашему мнѣнію, должно считаться такое, при которомъ рельефно, въ разнообразныхъ отношеніяхъ выступалъ бы народный бытъ, т. е. расположеніе пѣсенъ по ихъ содержанію и дальше — по главнымъ мотивамъ. Это мы и находимъ у г. Шейна; стоитъ лишь измѣнить нѣсколько главную группировку пѣсенъ, съ устраненіемъ смѣшаннаго ихъ распредѣленія, примѣнительно къ указаннымъ нами рамкамъ. Для того, чтобы пѣсни не теряли значенія и при изученіи языка, г. Шейнъ приложилъ къ вышедшимъ книгамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, т. I, вып. II, указатели мѣстностей, откуда взята та или другая пѣсня.

Значительно легче, нежели лирическія пѣсни, распредѣлять эпическія произведенія. И дѣйствительно, у г. Шейна (II томъ) находимъ ихъ, какъ можно было видѣть изъ приведеннаго раньше оглавленія, сгруппированными правильно. Составляющій нѣкоторую новостъ въ этнографическихъ собраніяхъ отдѣлъ, содержащій привѣтствія, пожеланія, божьбу, проклятія, ругань, совершенно правильно поставленъ рядомъ съ заговорами, потому что какъ тѣ, такъ и другіе основываются на вѣрѣ въ исполненіе того, о чемъ говорится словомъ. Молитвы и молитвенные стихи, какъ произведенія полународнаго происхожденія, поставлены на концѣ. Крупныя произведенія, какъ сказки, легенды, соединены въ группы по основнымъ своимъ мотивамъ. Имѣется, хотя и краткій, указатель — оглавленіе ихъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, всѣ собранные г. Шейномъ матеріалы поставлены на своемъ мѣстѣ; слѣдуетъ лишь сдѣлать незначительную перестановку въ пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи «Матеріалы» стоятъ неизмѣримо выше сборника г. Романова, какъ это уже въ свое время отмѣтилъ проф. Сумцовъ (ср. Отчетъ о V присужденіи премій митроп. Макарія, 132, 167). И не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ разныя пѣсни поставлены въ «Матеріалахъ» г. Шейна на своемъ мѣстѣ. Этого впрочемъ не трудно было достигнуть. Тогда какъ у великоруссовъ пѣсня въ большинствѣ случаевъ уже оторвана отъ обряда и не соединяется съ тѣмъ или другимъ временемъ года, у бѣлоруссовъ, какъ и малоруссовъ, тѣ или другія пѣсни строго приурочены къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и временамъ народнаго календаря. Каждый, кому приходилось собирать народныя произведенія у бѣлоруссовъ, сталкивался съ такимъ обстоятельствомъ, что пѣвецъ или особенно пѣвица не рѣшались пѣть пѣсенъ не въ свое время,

считая это для себя предосудительнымъ, чуть ли не грѣховнымъ. Понятно поэтому, что стоитъ лишь спросить у лица, отъ котораго записываютъ пѣсню, когда она поется, чтобы узнать точное ея мѣсто. Но и помимо этого, по своимъ пѣсеннымъ сюжетамъ, бѣлорусскія пѣсни (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ любовныхъ) легко относятся къ извѣстному времени. Намъ встрѣтилось лишь нѣсколько нумеровъ, которые, быть можетъ, поставлены не на своемъ мѣстѣ. Это № 51, 53 и 57 (I т., вып. 1, стр. 66, 69) изъ пѣсенъ колядскихъ, мѣсто которыхъ скорѣе въ пѣсняхъ бесѣдныхъ; или № 129 и 131 (I т., вып. 1, стр. 128, 129) пѣсенъ весеннихъ болѣе точно могутъ быть приурочены къ пѣснямъ купальскимъ, къ тому отдѣлу послѣднихъ, въ которыхъ содержится насмѣшка одной партіи пѣвцовъ или пѣвицъ надъ другою (ср. Сумцова: Культурныя переживанія, 141—142).

Что касается подраздѣленія сказокъ, то здѣсь видимъ то же, что можно наблюдать и въ другихъ сборникахъ, т. е. дѣленіе сказокъ на такія, которыя изображаютъ мѣръ животныхъ, на мифическія, бытовыя, анекдоты и т. п.; такое дѣленіе въ настоящее время далеко не можетъ быть признано научнымъ, такъ какъ нельзя быть вполне убѣжденнымъ въ томъ, когда та или другая сказка возникла, какія въ ней позднѣйшія наращенія, не заимствована ли данная сказка у другихъ народовъ и т. п. Поэтому самымъ естественнымъ расположеніемъ сказокъ должно считать такое, гдѣ онѣ рассортированы по своимъ сюжетамъ (ср. замѣчанія по этому поводу проф. Сумцова. Отчетъ о V присужденія премій митр. Макарія, 167 и слѣд.). П. В. Шейнъ, впрочемъ, съ своей точки зрѣнія довольно послѣдовательно располагаетъ собранныя имъ сказки. И старинный способъ расположенія сохранилъ бы при себѣ всѣ научныя достоинства, если бы къ сказкамъ былъ приложенъ указатель сюжетовъ. Роль указателя отчасти выполняютъ заглавія, находящіеся передъ каждою сказкою и выраженные часто очень удачно. Такіе же заголовки имѣются у легендъ и преданій. Пословицы, въ виду ихъ незначительнаго числа, расположены не по содержанию, а въ алфавитномъ порядкѣ. Загадки совершенно правильно расположены по содержанию и въ алфавитномъ порядкѣ ихъ значеній. Небольшое количество (70) заговоровъ размѣщены по тѣмъ предметамъ, которыхъ они касаются, въ чемъ слѣдуетъ видѣть совершенно правильную точку зрѣнія. И духовныя стихи расположены въ удовлетворительномъ порядкѣ.

Редакція народныхъ произведеній не ограничивается только сортировкой матеріала и расположеніемъ его. Требуется еще при передачѣ народныхъ произведеній держаться извѣстной орфографіи. Въ этомъ отношеніи существуютъ слѣдующіе приемы: или народныя произведенія передаются совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ они хранятся въ устахъ

народа, т. е. записываются и печатаются строго фонетически; или, съ удержаніемъ главнѣйшихъ чертъ народныхъ говоровъ, сохраняется ороографія историческая; или, наконецъ, ороографія придается единообразный видъ съ удержаніемъ лишь лексическихъ и синтаксическихъ особенностей народныхъ говоровъ, а также отчасти морфологическихъ. Перваго рода ороографія возможна тогда, когда лица, записывавшія народныя произведенія, были въ достаточной степени знакомы съ народной рѣчью и умѣли правильно передать ее посредствомъ письма. Такія записи особенно интересны для знакомства съ языкомъ населенія. Почти такое же значеніе имѣютъ и записи второго рода, особенно если редакція умѣло и строго послѣдовательно соединяетъ фонетическіе приемы письма съ исторической ороографіей. Тутъ возможны, конечно, и условныя написанія, требуется только, чтобы они были строго послѣдовательны. Наконецъ, третій приемъ для языка имѣетъ менѣе всего значенія, но онъ очень удобенъ въ чисто литературномъ отношеніи, такъ какъ облегчаетъ знакомство съ народными произведеніями для лицъ, не знающихъ мѣстныхъ говоровъ. Этого способа изданія народныхъ произведеній удобнѣе всего держаться въ томъ случаѣ, когда записи не отличаются послѣдовательностью, а самъ редакторъ не имѣетъ возможности провѣрить ихъ на мѣстѣ записи. — Обращаясь къ ороографіи, которой придерживается въ изданіи разсматриваемыхъ «Матеріаловъ» г. Шейнъ, находимъ, что онъ слѣдуетъ второму способу обнаруженія этнографическихъ произведеній. Такъ у него вездѣ есть ъ, з и ѣ; даже удержано о безударное, обыкновенно произносимое иначе; согласные голосовые передъ безголосными оставлены безъ перемѣны. Если строго послѣдовательно держаться такого, такъ сказать, условно фонетическаго письма, то изданіе народныхъ произведеній въ научномъ отношеніи будетъ вполне удовлетворительно. Разсматривая изданіе г. Шейна, находимъ слѣдующіе недостатки: 1) въ отношеніи передачи общерусскаго безударнаго о. Въ предисловіи къ I т. 1 ч. г. Шейнъ заявляетъ, что «неударяемое о, произносимое во всей области бѣлорусской рѣчи, какъ а», онъ «оставилъ безъ измѣненія въ его этимологической неприкосновенности, какъ это принято въ литературномъ языкѣ». Но такое утвержденіе относительно всей бѣлорусской рѣчи — явное заблужденіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дѣйствительно такъ и обстоитъ. Но какъ уже давно замѣтили С. П. Микуцкій (Отчеты II отд. Имп. Ак. Наукъ о филологическомъ путешествіи по Западнымъ краямъ Россіи. Тетрадь II. 1865 г., стр. 37) и И. И. Носовичъ (Бѣлорусскія пословицы, помѣщенныя въ Сборн. Отд. русс. яз. и сл. Акад. Н., т. XII, стр. V), а также какъ приходилось наблюдать намъ самимъ (ср. наши Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, § 73, 80, 81, 82, 85; Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, стр. 174—179),

та или другая замѣна бѣлорусскаго безударнаго *o* мѣняется по мѣстностямъ, завися главнымъ образомъ отъ большей или меньшей близости къ ударяемому слогу; такъ что иногда слышится и *o* безударное, и *ы* очень часто, и даже *у*. Да и *у* самого г. Шейна род. падежи прилагательныхъ на *-ою* вѣдь не даромъ же пишутся обыкновенно черезъ *-ою*, а не *-аю*, хотя они и стоятъ не подъ удареніемъ; попадаютъ, правда, и ничѣмъ не оправдываемыя отступленія (ср. I т. 1 ч., 22: маленькаго и маленькаго; I т. 2 ч., 224: боскаго слова и гаю зеленого). Съ другой стороны, иногда попадаютъ случаи, вопреки выставленному положенію, замѣны безударнаго *o* и совпавшаго съ нимъ *a* безударнаго другими гласными. Довольно часто на мѣстѣ его попадаетъ *ы*, напр.: I т. 1 ч., 19: посерѣдѣ двора дѣи Ивановаго, Иванычка, строгый (твор. пад. женск. рода); I т. 1 ч., 81: радѣсть, змлотымъ, мылодой и т. д. Такая замѣна *o* безударнаго посредствомъ *ы* безударнаго даже въ одной и той же пѣснѣ не представляетъ явленія постояннаго и устойчиваго, а носить характеръ совершенно случайный. Есть случаи замѣны такого *o* посредствомъ *у* и даже посредствомъ дифтонговъ, напр. I т. 1 ч., 19: годувать, а случаевъ съ дифтонгами много въ разныхъ записяхъ изъ южной Бѣлоруссіи. Можно даже указать не мало примѣровъ написанія съ *a* безударнымъ на мѣстѣ *o*, объясняемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, своеобразнымъ пониманіемъ морфологическаго строенія слова. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ: I т. 1 ч., 21: Игнатичку, ib. 79: пойдать, ib. 81: ѹ чястамъ (чистомъ?) поли, зорачки ib. 82; ib. 174: гусачки; ib. 234: дзяўчинаньцы, дзяўчинанько, богатаи матки, ib. 317: табѣ, навого; I т. 2 ч., 20: сабѣ, ib. 204:

Выскочила маленькая маленя,

Указала дороженьку до села....

вмѣсто: выскочило маленькое маленя, указало...., потому что «маленя», -яци средняго рода, какъ дзиця, дзѣўча и под.; ib. 225: полавичею — половиной, ib. 227: приспай, тачили, I т. 1 ч., 62: трое курей пѣла; впрочемъ, судя по рѣмѣ къ нему (вороты скрыпѣли), можно думать, что здѣсь опечатка вм. пѣли, ib. 160: тарпами, ib. 258 № 289: папырь и попырь папоротникъ и множество другихъ подобныхъ случаевъ. Принимая все сказанное во вниманіе, можно видѣть, что выставленное выше положеніе г. Шейна относительно безударнаго *o* невѣрно и въ его изданіи не выдержано. 2) Совершенно аналогичной съ передачей безударнаго *o* должна быть и передача *e* (= *ε*, *э* и даже *ѣ*). Въ бѣлорусскомъ нарѣчьи, будучи безударнымъ, *e* подвергается почти такимъ же измѣненіямъ, какъ и *o*, только гѣтъ передъ собою мягкій согласный или *j*, а послѣ *р* и шипящихъ оно мнѣ совпадаетъ съ *o*. Между тѣмъ у г. Шейна относительно *e* — дру-

гая система: собиратель вездѣ старается передавать замѣнителей этого звука безъ всякихъ отступленій: «е безъ значка сверху — безъ исключенія вездѣ произносится, какъ латинское *e*» («Отъ собирателя» I т. 1 ч., VI). Но и здѣсь на самомъ дѣлѣ далеко не находимъ такой выдержанности. Во-первыхъ, основное положеніе, сейчасъ приведенное, въ своей формулировкѣ представляетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что *e* бѣлорусское въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произносится, ничѣмъ не отличается отъ *e* великорусскаго, т. е. оно всегда умягчительное, никоимъ образомъ не похожее на латинское *e*; съ послѣднимъ совпадаетъ *e* въ Полѣсьи, но вѣдь полѣсскіе говоры далеко не бѣлорусскіе. Такимъ образомъ, напр., если бы кто сталъ читать дзѣдучка, пойдземъ, сокочице (I т. 1 ч., 109—110), яе, племени, безъ (I т. 2 ч., 69), очнуўсе, мине, паненка, зверху и т. д. (II т., 80) съ *e* = лат. *e*, т. е. съ *э*, тотъ допустилъ бы грубую ошибку. Во всѣхъ такихъ случаяхъ *e* умягчительное. Что касается въ частности безударнаго *e*, то оно передается у г. Шейна посредствомъ *e*, *я*, *и*, что и на самомъ дѣлѣ бываетъ въ бѣлорусской рѣчи. Однако же нельзя съ полной увѣренностью сказать, чтобы факты, приводимые въ разсматриваемомъ сборникѣ, вполне соответствовали дѣйствительности: попадаетъ немало противорѣчивыхъ случаевъ. Возьмемъ I т. 1 ч., 19 стр. (запись самого Шейна). Съ одной стороны: терѣмъ, теремі, телятокъ, держать, терять; съ другой — тябѣ, лянівый. Или *ів.*, 23 (запись самого Шейна): черезъ боръ, помежь тыхъ, цекла, рѣченька и т. д., но беражистая, зъ вуцнятами, сялезѣночка. Или I т. 2 ч., 393: Боже, Демьянъ, столы дубовые; скацерци бранныя, явства сахарныя, сянга. Или II т., 387: два человекъ и два чаловѣка, неспасенныя души и надобрыя люди. Или *ів.* 389: переночеваць и чилавѣкъ справядливый, цяперешнимъ и т. д. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о томъ, что часто смѣшиваются на письмѣ *e*, *ь* и даже *э*; послѣднее особенно послѣ *р* и *и*: рѣць № 7 и раць № 8 I т. 1 ч., 23, клеци (клѣти) I т. 1 ч., 58 № 38, на сырой хвое садзіў двое I т. 1 ч., 60, пріѣхала коляда ў вѣчере I т. 1 ч., 83, терема и терэма I т. 1 ч., 183. 3) «*И* и *э* передъ *e* произносятся почти всегда мягко, какъ бы передъ *ь* или іотированнымъ *к*» (Отъ собирателя, I. 1, V). Вслѣдствіе такого замѣчанія г. Шейнъ на письмѣ обыкновенно не различаетъ такихъ написаній, какъ церемь I т. 1 ч., 20, цекла *ів.* 23, на куць *ів.* 26 и т. д. и полиць *ів.* 30, церкви *ів.* 75, церкви *ів.* 79, серце *ів.* 20, сонце *ів.* 26, раць *ів.* 86, между тѣмъ какъ въ первой группѣ словъ вездѣ *и* мягкое изъ общерусскаго *т* мягкаго, во второй же группѣ *и* твердое, какъ и въ общерусскомъ, изъ *и* основного. Въ подобномъ же положеніи паходится дѣло и въ написаніяхъ съ *р*, которое въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ твердо и лишь по восточнымъ и сѣвернымъ окраинамъ мягко. Дѣло впрочемъ нисколько не пострадало бы, если бы относи-

тельно такого произношенія *р* была сдѣлана оговорка; но ея нѣтъ, а въ самомъ изданіи рядомъ напр. съ *е, ъ, и, ю, я* послѣ *р* встрѣчаемъ нерѣдко *э, ы, у, а*: черезъ *ръчка брыла* I т. 1 ч., 18, *терѣмъ* ib. 19, черезъ *рѣчаньку* ib. 20, *старѣйся* ib. 21, *грючиць* и *Григорывичъ* ib. 22 № 6, *ръцѣ* и *посварылася, беражистая, черезъ и чиразь, рыкѣ* ib. 23 и т. д., *терема* и *терѣма* ib. 183. Почти только твердыми звуками бываютъ въ бѣлорусскомъ еще согласные *ж, ш, ч, щ*. Съ ними дѣло обстоитъ болѣе послѣдовательно, т. е. послѣ нихъ обыкновенно пишется *и* вм. *ы*, *е* вм. *э*, *ь* вм. *з*; однако и здѣсь иногда бываютъ отступленія. Укажемъ, напр., *хочыць, рогочыць* I т. 1 ч., 25, *несучы, кажучы, идзешъ* ib. 26, *шыци* ib. 127 и т. д. рядомъ съ обычными: *шюць, смяшиць, наши* ib. 149, *пыгаючи, играючи* 151 ib., *пощипали* ib., *любимъ* ib. и т. д. 4) Въ области согласныхъ особенно выдающейся чертой бѣлорускаго нарѣчія является употребленіе *и* *дз* мягкихъ вмѣсто *т* и *д* мягкихъ. Въ этомъ отношеніи у г. Шейна болѣею частью находимъ правильную орфографію, хотя нерѣдко также встрѣтитъ и непослѣдовательность: написанія съ *т* и *д* мягкими и *и-дз* часто даже въ одной и той же пѣснѣ. Напримѣръ: въ пѣсняхъ, записанныхъ самимъ Шейномъ, обыкновенно *т* и *д*: *побейте, повѣсьте* I т. 1 ч., 19, *ляжить, идетъ, тисовая* ib. 20—21, но непослѣдовательно: *цекла, плувецъ, вуцяняточки, дзѣточки* ib. 23 — всѣ записи изъ одной и той же Могилевской губерніи. Или ib. 73: *поѣдзимъ, дзѣтки* и т. д. рядомъ съ *молоди* (трижды), если только послѣднее слово не представляетъ нерѣдкаго въ разсматриваемыхъ матеріалахъ смѣшенія *а* и *и* даже въ записяхъ самого собирателя. Еще: *тябе при забиць, цемнымъ* I т. 1 ч., 93, *тереми, мати, но цешиць, церемъ, дѣ дзѣла* ib. 171—172 (запись самого Шейна), *дзѣдка* ib. 421 (запись самого Шейна) и т. II, 6, *листя, но куюць, ищучъ* ib. 462, *треттю, чатвертую, но жаници, пусьци, цябе* ib. 468 (запись самого Шейна). Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить одну орфографическую странность въ записяхъ ученика Свислочской учительской семинаріи Ермоловича изъ д. Заполья Слонимскаго уѣзда Гродн. губ. У него вездѣ употреблено *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ слышится *дз*. По поводу этой орфографической особенности сдѣлано даже г. Шейномъ такое примѣчаніе: «Этотъ оригинальный способъ изображенія *дз* (а онъ повторяется не разъ и въ другихъ, имѣющихся у насъ записяхъ, сдѣланныхъ мѣстными уроженцами), такъ консеквентно выдержанный во всей записи, можетъ, по нашему мнѣнію, служить не лишнимъ соображеніемъ при разсужденіи объ означенномъ характерномъ звукѣ бѣлорускаго нарѣчія» (60 стр. II т.). Намъ кажется, что это лишь графическій приемъ: въ принятой шей азбукѣ нѣтъ особаго знака для звука $\widehat{дз}$ (*s*), произносимаго вполне итно, совершенно аналогично *и*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи

особенно звонко, какъ бы *дзз...*; поэтому лицо, непривычное къ выраженію этого звука, имѣющее въ азбукѣ лишь аналогію въ *ц*, и нашло возможнымъ передавать его посредствомъ *ц*: *цвѣ*, *буце*, *хоцила*, *оцинь*, *цень*, *оцежа*, *люцей*, *угляцѣли* и т. д. 60—61, *злочиѣ*, *сѣциць* (сидить) *вече*, *цѣшъ* (*дзѣшъ* = *гдѣ* же) и т. д. 148—149. Интересно, что для *ц* = *т* мягкому здѣсь тоже *ц*: *приходиць* и т. п., хотя одинъ разъ *тц*: *лепяциць* (глядятъ) 149. Также несомнѣнно графическая особенность записывавшаго, а не звуковое явленіе, въ употребленіи *тз* вмѣсто *ц* изъ *т* мягкаго (въ легендѣ подъ № 231, стр. 416—419 т. II) въ такихъ словахъ, какъ *бѣдностзя*, *зваттзъ*, *идутзъ*, *батзюшку*, *дзитзѣнка*, *идзетзъ* и т. д. Съ физиологической точки зрѣнія *тз* совершенно невозможно: его нельзя иначе прочесть, какъ *дз* или *тс*. 5) *оу*, *уо* и *іе* — произносятся какъ дифтонги — однимъ открытіемъ рта» (Отъ собирателя, I т. 1 ч., VI). Въ этомъ положеніи болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, для насъ кажется существованіе дифтонга *оу* на мѣстѣ общерусскаго *о*. Я думаю, что въ записи, а затѣмъ и въ печать это *оу* зашло лишь по орфографическому недоразумѣнію. Является этотъ дифтонгъ лишь въ записяхъ изъ Подлѣся Слущаго уѣзда Минской губ., при чемъ въ пѣсняхъ, напечатанныхъ раньше, *уо*, а начиная съ № 253 (I т. 1 ч.) уже является *оу*: *Іоунъ*, *поуїдзяце* I т. 1 ч., 242, *дробны ів*. 247, *боуръ*, *моуї ів*. 248 и т. д. Оставляя до другого раза подробное сужденіе о подлѣскихъ дифтонгахъ, здѣсь замѣчу лишь, что истекшимъ лѣтомъ (1898 г.) я нарочно предпринималъ поѣздку въ Подлѣсье и тамъ дѣйствительно произношенія съ дифтонгомъ *оу* не слыжалъ.

Таковы неточности, допущенныя г. Шейномъ въ передачѣ главнѣйшихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Но и помимо ихъ встрѣчается множество разныхъ орфографическихъ недосмотровъ, отчасти введенныхъ въ опечатки (списокъ которыхъ приложенъ къ каждой книгѣ), отчасти же незамѣченныхъ издателемъ и при окончательномъ пересмотрѣ сборника. Вотъ еще нѣсколько болѣе выдающихся погрѣшностей: I т. 1 ч. черезъ рѣчка 18, но черезъ рѣчку 19 (одинъ и тотъ же №), *ліпничку* и *льпничку* 63, *хоць конику збуду*, *хоць коника збуду* 71, *я молода* (1 разъ) и *я молоди* (3 раза) 73, *сынъ Божій*, *храмъ Божжи*, *железны тынь* 136—137 № 136, *ў тымъ*, на томъ 140, *ужиниста* и *уживаста* 148, *ў цѣмномъ лѣсѣ*, *ў чистымъ поли* 399, *свѣтъ неўдалая жана* (4 раза) и *звѣтъ неўдалая жана* 1 разъ, запись самого Шейна) 404. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника безъ нужды введено *к*, употребляющееся при томъ безъ всякой послѣдовательности: *щыгкль вылетае* 518, *верабкйка полецѣў*, *пкршая*, *ячень*, *бесѣда* и т. д. 519; *новорождѣнному* 7, *ишоў кумъ по салу* (сялѣ?) 24, *звоняѣй* 26, *свинки пасыци* 35 (вм. *пасвици*), *табачни рожокъ* (табачки) 31, *ороць* 38 *выноса*, *одаць на крошцы* вм. *па крошцы* 48, *капусты* съ

макомъ 50 (мясомъ?), ў новуой сѣщѣцѣ 58 (вм. исщѣцѣ), ў новуой клеци бѣлы хусты качае 58 (хусты), госьикъ (дважды) рядомъ съ госьпикъ 59, изъ жменька — мѣрка 60 (жменки), вороново коня 64, «ў тоя времячко» въ рѣному «подъ окопечко» 68 (вм. ожидаемаго «подъ окенячко»), свою дзѣваньку миждъ дзѣвочахъ возму 83 (выноска), менися тябе забиць 93 (мѣлися), вискочилиъ рядомъ съ вискочишь 94, три коски сала 97 (куски), за... свѣчку = запали с. = зажги 98, пришоуши 120 (пришоуши), зимую возочку, вясную чоуночку 126 вм. зиму ю (= у = въ) возочку и т. д., съ гоборама лапци знесла 127 (г-ми), по дзесяшкѣ вм. д-ткѣ 141, по межахъ ходзіу да *усыша* росіу 145 вм. жыта, какъ видно изъ слѣдующей строки: «зародзіу жыта пану господару»; пяцдзесять подводъ да *конывозницъ* 145 (вм. копы возиць); несомнѣнно не дифтонги, а польская орфографія въ пѣснѣ № 144 (стр. 150) записанной въ Минскомъ уѣздѣ; ў чатверты вокно 152, процвиамцъ 158, выросики ів. (вм. в — стки), Юры ѣдзиць на *омы* конѣ 171, дочку и дочку 172 (которая форма правильнѣе?), мой свѣкорки 179, ў ксамица рядомъ съ ў ксамици 188, ни въ рѣщецѣ воды, ни въ нелюбомъ душа 193, идзецъ яна, молоды, воды плачучи 207, овясецъ 260 (вм. ове-сець), призывають на помощь *волхэовъ*, медвѣдей, лисиць... 266 (вм. волковъ), дай шоу 274 (вм. да йшоу), наша пана 288 (вм. пани). Какъ можно видѣть изъ послѣдняго и другихъ подобныхъ примѣровъ, довольно часто употребляется *и* вм. *а* и наоборотъ. Продолжимъ примѣры болѣе выдающихся опечатокъ: да хилцеса зеленя лозы 308 (вм. хилцеса), у мауаны 367, зазовеъмъ 372, въ стодолахо молоцяць 412, сто розакъ свяници 432, ихъ брацятки на лауцѣ ляжиць 441 (вм. б — тка), подъ косцеломъ на цвиотары 448 (вм. цвинтары), на вечарочки схиоваўся 453, Изорсовской волости 503 (вм. Щорсовской). I т. II ч.: спюдзинь 3 стр. и спюдзкнь 5, побрацимо укорила 35 (вм. побрацимоу к — ла), дурнѣйць въ рѣному разумѣиць 37, спласкали вм. спляскали 80, раздзишься 81, жалосьцай 103 (вм. ж — цяй), нйдзѣ вм. нейдзѣ (= нигдѣ) 238; пѣсня № 2 (стр. 350—351) имѣеть ту орфографическую особенность, что въ ней предлогъ *о* вездѣ изображенъ въ видѣ *о'* (съ паэркомъ): *а в' середу в' квась кляли; ѣзтыя 350 (ѣшьте)* и т. д. — II т. Критика перваго тома «Матеріаловъ» (ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., октябрь, и 1890 г., ноябрь) поставила на видъ неточность многихъ записей въ фонетическомъ отношеніи; поэтому уважаемый собиратель при печатаніи 2-го тома былъ внимательнѣе въ этомъ отношеніи; однако же вполне удовлетворительно выполнить эту задачу было очень трудно главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что не только сотрудники г. Шейна были одинаково подготовлены къ точнымъ записямъ. Поэтому и здѣсь встрѣчаются иногда разные недосмотры: Якшицкый волости вм. Якшицкой III стр., выраженіе «гляди же» передано по-

средствомъ гледзишъ и гледзижъ 1—2 (для избѣжанія недоразумѣнія слѣдовало по крайней мѣрѣ отдѣлитель шъ = жъ), «ти будашъ мине, котокъ, за ходяина?» и тамъ же: «у мине вже *есть* ходяинъ», тамъ же: «у миня вже *ѣ* ходяинъ» 3, заяцъ и заицъ *ib.*, ни хочу пѣшчу ходзиць, вѣроятнo, вмѣсто пѣшшу (пѣшью) 7—8, увидзѣў *vm.* увидзѣў 122, одобраў у Климки *vm.* у Климка 124, показала*са* *vm.* показала*ся* 125, оддамы *ib.* (*vm.* оддамб), шкодо *ib.* (*vm.* шкода), вынўў *ib.* (*vm.* выняў), подлазили 127 (*vm.* поўлазили), продаюць жиды *ўсѣ мяккую* одзѣжу 131 (*vm.* ўсялякую), «яна на мене чисто заштуркала» *vm.* «яна мине ч. з.» 141, бачў 154 (*vm.* бачіў — бачыў), рыкаце 473 (*vm.* рыкаци), хлѣба 475 (*vm.* хлѣва), живучу 476 (*vm.* живучи), не заўся (г) гды 479 (*vm.* не заўсягды), не тки *ib.* (*vm.* не тки), заигрѣхъ *ib.* (*vm.* за игрѣхъ), приманкй 480 (*vm.* примаккй), сьцюдзико 482 (сьцюдзинб), ни познала, што подлога у мяне *за шкло* 485 (*vm.* за шкла, т. е. изъ стекла), смали 515 (*vm.* смалы), «ожаніўся чарвякъ зъ *дзявцяцую* жонками» (*vm.* зъ дзявцяцую — девятью), 554, «коли ты горѣлку якъ воду *пешъ*» 561—562 (*vm.* пѣшъ) и т. д.

Перечисленные недостатки сказываются какъ въ записяхъ самого г. Шейна, такъ и въ матеріалахъ, доставленныхъ другими лицами. Интересно бы опредѣлить, какіе изъ этихъ недостатковъ принадлежатъ собственно редакціи издателя и какіе корреспондентамъ г. Шейна. Но не имѣя ихъ рукописей, не возможно отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, въ «Матеріалахъ» Шейна даны перепечатки изъ нѣкоторыхъ собраній, уже раньше увидѣвшихъ свѣтъ. Кромѣ того, нѣкоторыя записи прошли и черезъ мои руки. Вотъ сравнивая эти матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они были раньше и въ какомъ явились впоследствии у г. Шейна, мы и можемъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ орфографіи разсматриваемаго изданія. Во всѣхъ этихъ матеріалахъ, напечатанныхъ часто довольно удовлетворительно въ фонетическомъ отношеніи, г. Шейнъ ввелъ однообразную орфографію, особенно замѣнилъ *a* изъ *o* безударнаго посредствомъ *o*. Далѣе, въ перепечаткахъ пѣсенъ, изданныхъ польскою орфографіей, онъ нашелъ нужнымъ ввести *к* для передачи *ie*, что въ русской орфографіи уже составляетъ ничѣмъ не оправдываемую причуду; вдобавокъ это *к* и проведено крайне непослѣдовательно. Я уже приводилъ подобные случаи изъ записей оригинальныхъ; здѣсь для примѣра укажу нѣсколько непослѣдовательностей изъ перепечатокъ: I т. 1 ч., 517: *нквелики*, *збирае*, *ib.* *мкле*, *замктае*, на *вкскли йграе* и т. д.; I т. 2 ч., 69: *не хвалиск*, *гороск*, *племени*, 70: *идзецъ*, *няскцъ*, *нехай не застануск*, 103: *грѣбкнецъ*, 117: *не улекайск* и т. д. Это же причудливое письмо послѣ иногда вводится и въ записи лицъ, доставившихъ г. Шейну свои матеріалы, еще не появлявшіеся въ печати.

Кромѣ того, при перепечаткахъ допущено не мало отступленій отъ

оригиналовъ и другого рода, при чемъ одни изъ такихъ отступленій являются удачными поправками оригинала, другія же ничѣмъ не оправдываются, изобличая часто недостаточно внимательное отношеніе редактора къ своему дѣлу. Иногда замѣчаются пропуски отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ стиховъ. Приведемъ примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго.

а) Поправки въ печатныхъ матеріалахъ, быть можетъ, вполне рациональныя:

І т. 1 ч., 107. У Киркора: Ой найду я на горѣдзѣ
На дзявоцкимъ хороводзѣ,
Рыбачку лапаючи....

У Шейна: Ой пойду я по горѣдзѣ....

Ів. У Киркора: Няйдзица на орѣшачки....

У Шейна: Няйдзица по орѣшачки....

І т. 1 ч., 108. У Киркора: Або васъ што спуганць,
Ня нуждая дай сердца маяць!

У Шейна: Ня ўсяки дай сердца маяць!

І т. 2 ч., 77. У Тышкевича: Ра kieszeniach pakłali;
Ach ciamnie przyszło,
U kieszeni ciesta padyszło.

У Шейна: По кишняхъ поклали,
Ахъця мнѣ прышло....

Ів., 78. У Тышкевича: żena hoża.... hłoże....

У Шейна: жена гожа.... гложа (ржема).

Ів., 79. У Тышкевича: Waźnij rażażok parieraј sia.

У Шейна: Возьми посошокъ покрѣйся. Здѣсь «посошокъ» очень вѣроятная поправка, хотя еще слѣдуетъ доказать, употребляется ли это слово въ народномъ языкѣ.

І т. 2 ч., 89. У Тышкевича: Drużko! drużko! nie wagoczaj mianie,
Ja nie kałoda tabie.

Kab ja kałoda,

U bagub leżała:

Kab ja biaroza,

Na miażyb stajała.

У Шейна: Дружко, дружко, не ворочай мянк,

Я не колода табѣ, я ня бяроза табѣ;

Кабъ я колода, ў бору бь лежала....

Ів., 95. У Тышкевича: U sabotu kasu czesała....

У Шейна: У суботу косу чесала....

- Ів., 108. У Тышкевича: Ciąpię ja sieła miż szypszyniczku,
Miż krapkiuki, — żyżka krapkiuka
Pażyhać budzieć....
У Шейна: Цяпкрь я сьла мижъ шыпшыничку,
Мижъ шыпшыничку, мижъ крapiўки,
Жижка крapiўка — пожигаць будзець....
- Ів., 117. У Тышкевича: Da ja hawaryła: sakały latuć!...
Ja twaryła szto miesiac pschodzić....
У Шейна: Да я говорила: «соколы лятуць!»...
Говорила я, што мѣсяць ўсходзиць.

Можно указать и еще нѣсколько подобныхъ удачныхъ поправокъ, особенно въ повтореніи словъ или цѣлыхъ стиховъ (ср. ів. 101 № 87 ступиць, 110 № 109 оўсяные зубы, 121 № 136 и не соловкки щебечуць).

б) Еще было бы вполне рационально въ записяхъ, переписанныхъ съ польскаго, сдѣлать поправку суффикса *-эчка* на *-ачка*, или по орфографіи г. Шейна на *-очка*: суффиксъ *-эчка* бѣлорусскому нарѣчію неизвѣстенъ. Въ этомъ случаѣ г. Шейнъ польское *-eszka* иногда даже передаетъ просто черезъ *-эчка*, вслѣдствіе чего получается не польское и не бѣлорусское окончаніе. Сказанное относится и къ суффиксу *-эк* вмѣсто ожидаемаго *-ок*, а также *-энька* или обыкновенно у Шейна *-енька* вмѣсто ожидаемаго *-онька*. Примѣры:

- І т. 1 ч., 398: маменька при польск. *matelka*,
Ів., 432: лахчыначки, ручэчки,
Ів., 518: голóвенька;
І т. 2 ч., 69: татэчку, дудэчки,
Ів., 71: подарэчки, Янечку, подарекъ, горэлэчку.

Иногда однако рядомъ съ подобными явными полонизмами находимъ и поправки:

- І т. 2 ч., 74: Горэлочки захоцѣла,
Горэлочки, акавитэчки,
Для мяне працовитэчки,
Горэлочки тащанэчки....
Ів., 87: Ўстаньцѣ дзѣвечки,
Бярыцѣ щоточки,
Чашыце головочки!

Въ польскомъ оригиналѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ конечно *e*.

Еще примѣры:

- Ів., 76: А ў хатэчку трэсечки лятуць,
Ів., 79: Гусечки и т. д.

в) Большинство однако случаевъ несходства передачи напечатанныхъ матеріаловъ у г. Шейна скорѣе могутъ быть объясняемы какъ простые недосмотры или непониманіемъ текста. Таковы, напр., случаи:

I т. 1 ч., 107: Я вышію кошуличку вм. вымаю (вымою);

Ів., 173 въ окончаніяхъ словъ почему то употреблено -и вм. -а въ оригиналѣ:

Этногр. сборн. II, 233.

Шейнъ, Матер. I т. 1 ч., 173.

У чѣстамъ поли стадоланька,

Ў чистомъ поли стадоланьки,

У стадолыньцы карчоманька,

Ў стадолыньцы корчоманьки,

У карчоманьце краватунька,

Ў корчоманьцѣ кроватуньки,

На кроваци сьлична панѣнка,

На кроваци сьлична паненька,

пѣнна Гѣнна...

Слична панѣнка, пѣнни Гѣнно.

I т. 1 ч., 334: якъ милого обуджаѣи вм. обудзиѣи;

— 398: чужая сторона — тугою орана, слѣзми засѣявана вм. засѣяна;

— 414: ў зялѣменькимъ верасочку вм. зялѣенькимъ;

— 431: Хамицки ў той часъ не жаніўсе вм. той часъ (винят. времени безъ предлога);

— 518: зязюля вм. зазуля, давае вм. даѣ;

— 544: гѣта дай на снѣгъ вм. гѣта да й ня снѣгъ;

— 569: хлопцы мне не любяць — «мине» лишняя прибавка.

I т. 2 ч., 70: крыницой сьцюдзинеѣ водзицы передача польскаго: krynicoj
ściudzionej wadzicy;

— 71: ня дзяры бора вм. бору;

— 74: пѣрсѣцьнями вм. персѣценьми (pierścieńmi);
заступъ вм. эступъ (zstup);

— 75: кудзѣркамі вм. кудзѣркамі (kudziorkami);
господынечка вутка вм. вудка (wódka);

— 76: наша Агатка вм. наша А. (nasza A.);
ў хатѣчки трѣсечки лятуць вм. ў хатѣчку;

— 78: ўсѣ людзѣ дзівуюцца вм. дзівуюцца (dziwiuć się);

— 84: Боже мой, Боже вм. ай Боже жѣ мой, Боже;

— 85: да прыѣдзѣцѣ и вы вм. прыѣдзѣцежѣ (przyjdziecież);

— 86: близкіе и дальняе вм. дальные (dalnyje);

— 87: той свѣцовой хацѣ вм. świecej (полонизмъ);

— 88: горшокъ вм. горшокъ (harszczok);

трѣшнику вм. трайка (trojaka);

выкупіў вм. выкупляў (wykupiał);

— 92: «мой выше, мой выше» вм. мой вышшы (wyższy);

мѣна короваевъ вм. мѣняне короваевъ;

- І т. 2 ч., 93: кулаками объ столъ биць, вм. кубками (kubkami);
 — 94: дзякую табѣ, циспянка, вм. таспянка (tascianka);
 дмѣтса сваха вм. сваяца (swacia);
 — 96: слѣзки зъ боръ кацялисѣ вм. зъ горъ (z hor);
 — 97: коли Богъ пуцаў вм. кабъ (kab);
 пошли солоўя. . . . до милого татэчку вм. па милага;
 соловѣйку пошлю вм. соловейка п. (saławiejka);
 радъ бы я ўстаць до свояму дзипяци порабочекъ дапи
 вм. радъ бы я ўстаць да свояму дзипяци порабочекъ даць;
 — 98: Ustała Agatka u niadzielu gana.
 Maliła sie Bohu, Bohu molitca,
 Tatku kłanitca u nożki niziuteczka. . . . передано:
 Устала Агатка ў нядзѣльку рано,
 Молиласѣ Богу. Богу молитца
 Только кланитца ў ножки низюшэчко. . . .

Эта допущенная переписчикомъ путаница, принятая наслово, заставила даже въ выноскѣ предложить поправку и притомъ неудачную.

- І т. 2 ч., 101: скочыла Агатка зъ лаўки до лаўки вм. с. А. зъ лаўки да-
 лоў-ки (z łauki dalouki долой);
 — 102: большы братъ (№ 90) вм. сватъ;
 — 104: бѣлы коўнѣръ зъ папѣры вм. б. к. якъ зъ п.;
 — 105: звѣнчаў нашы дзѣци вм. звездаў н. д.;
 — 106: за того молодца вм. молодого (maładoha);
 — 108: Даўшы жыта — праси хлѣба; даўшы лѣну — праси со-
 рочку. . . . вм. Даўшы лѣну, праси сарочки: даўшы жыта,
 праси хлѣба. . . .;
 — 105: приходзиць къ ей лебядзь вм. прыляцѣў;
 — 109: прыгхала Янэчка вм. прыгхаў;
 — 110: прыбраў, какъ лябѣдку вм. п. якъ л.;
 — 111: зъ нядзѣли по понядзѣлокъ вм. на понядзѣлокъ;
 — 112: знимуць. . . . молодую лускавицу вм. залатую л.;
 — 113: только ты ў свою хатку вм. т. мнѣ у. с. х.;
 — 114: табѣ прыгожуся вм. адгажуся;
 — 116: яго яблоками кормили вм. ягодками (jahodkami);
 — 117: татова ніўка вм. таткова н. (tatkowa);
 — 123: зними покрывало сушы вм. з. п. не сушы;
 — 131: великія пропойны вм. в. запоины; тутъ же вм. «Да вопро-
 суюць Т.» д. б. «Да просуюць, папросуюць Т.» (такъ въ жур-
 налѣ Tygodnik Wileński, VII);

- Пв., № 133: на торгу бываѹ вм. на торгу я бываѹ;
 лялея вм. лялея (laleja);
 зговоромъ вм. змовинами (zmówinami — obrady);
- 134: на полу вм. на полѣ;
- 141: мое краски зянуць вм. зьяюць (въ «Tygodnik'ъ»);
 за кого кпила вм. зъ кого (z kaho kpiła);
- 370: тамъ же мнѣ свяжуць вм. т. ж. мнѣ ручки с.;
 на іого... зъ іого вм. на іого... на іого;
 двоуръ, стоулъ вм. дворъ, столъ (Бобров., I, 831);
- 372: хлѣба дайцѣ вм. давайцѣ;
- 483: «нутка, зватушка любезный, прошу водку моей кушать, да
 моихъ ряцівъ добрыхъ слушать» вм. н., з. любезнай! прашу
 водки маеѣ к., да маихъ ряцовъ д. злушать» и много др.
 неточностей;
- 485: баслави Боже вм. басла Божя;
- 486: расплацся, молодзитсь вм. моладиць;
- 489: ягода зъ ягодой сокатсили вм. сакатсилася;
- 490: далѣко вм. даляко, видѣли вм. видзили;
- 492: родней матушки вм. р. маей м.; на подкняжемъ плаштя вм. на
 подкняжимъ п.;
- 493: казной расцитаѹся вм. разцитаѹся;
- 494: спасибо Хведоровъ вм. спасиба Хведараць.

- П т., 473: болѣе маець вм. болѣй м.;
- 477: ни-ни вм. не-не (№ 71);
- 479: ня люби вм. не люби (№ 111);
- 482: ўзяла погань моць вм. моць (uziała roháń moc).

г) Иногда по недосмотру пропущены цѣлые стихи. Примѣры:

І т. 1 ч., 141—142 (что можетъ быть уже сдѣлано Шпилевскимъ):

*Радаўница статакъ запасываюць,
 Святы Юры Божжы посоль....
 Святая Прачыстая папáры мѣшаець
 И жыта застыаець, а друная ей памагаець....
 Святыя Громницы съты пасвецаюць.
 Пришли Сороки....*

- 516 № 636: Полюбіўшися, пожаніўся,
Пажаніўшися, пасваріўся.

І т. 2 ч., 74 № 12, 6 стрк.: Пѣсьнями весяленьками.

- 76, 1 стрк.: Пѣсня въ то время, какъ сажаютъ въ печь коровай.
- 82 № 31, 9 стрк.: Хочець ёнъ паѣхаць.

І т. 2 ч., 87 № 41: опущенъ конецъ пѣсни:

Ходзиць, паходзиць маладая дзѣвачка,
 На новымъ гапку садзиць, пасадзиць сванхъ
 Дзѣвачекъ на бѣлыхъ лаўкахъ,
 Пакуль прыгдзецъ Яначка зъ дружинкой,
 Ёнъ васъ разгониць, ёнъ васъ разгониць,
 А мине зъ собой возьмець.

- 115 № 122, 7 стрк.: На начь пушайце.
- 116 № 125, 6 стрк.: Нѣгдзѣ яго на былиначѣ садзили.
 15 стрк.: Нѣгдзѣ яго пиражками кармили.
- 118 № 129, 9—10 стрк.: Атчыни, мамачка, вяршочекъ,
 Вязёмъ нявѣхну зъ каршошекъ.
- 132 № 3, 14 стрк.: Самъ сѣмъ паяжджая.

д) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не мѣшало бы устранить негѣбую ореографію оригинала, какъ въ І т. 2 ч., стр. 367—374, гдѣ находимъ такіа написанія какъ зльичко, догадайцья, цъсця, идзъ, менъ молодую, дайць, вьсѣльць, цьбъ, соловьяка нъ щѣбътала и т. д. Во всѣхъ этихъ словахъ ѣ несомнѣнно употреблено для обозначенія е умягчительнаго, для чего въ другихъ мѣстахъ сборника и пишется е. Не было никакой надобности удерживать въ этомъ случаѣ ореографію Бобровскаго и Киркора, разъ она не выдержана въ другихъ отношеніяхъ, напр. въ передачѣ безударнаго о.

Къ числу достоинствъ хорошей редакціи пѣсенъ и другихъ народныхъ произведеній относится постановка удареній въ словахъ. Въ этомъ отношеніи редакція г. Шейна также заставляеть желать многоаго. Однако значительная доля вины падаетъ здѣсь не на редактора, а на его многочисленныхъ корреспондентовъ, вѣроятно не проставлявшихъ въ своихъ записяхъ удареній. Но за то всецѣло падаетъ вина на г. Шейна за опущеніе удареній въ перепечаткахъ, напр. изъ Чечота, Этнографическаго сборника и др. изданій. Ср. напр. приведенное нами выше мѣсто изъ І т. 1 ч., 173 Шейна и Этногр. сборн. II, 233.

Отъ хорошаго изданія народныхъ пѣсенъ требуется также, чтобы онѣ были хорошо подѣлены на стихи. При записи народныхъ произведеній это дѣло не трудное, такъ какъ при пѣніи обыкновенно и распадаются пѣсни на стихи, требуется лишь умѣть записать это дѣленіе. Но и помимо этого, какъ уже отмѣтилъ въ свое время Потебня (Отчетъ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова), стихотворное дѣленіе пѣсенъ легко установить и теоретически, такъ какъ всѣ пѣсни известнаго рода имѣють свой схематическій размѣръ. Въ «Матеріалахъ», изданныхъ г. Шейномъ, дѣленіе пѣсенъ по стихамъ вообще правильное, и при томъ не только въ пѣсняхъ, явив-

шихся у него впервые, но и въ перепечаткахъ. Въ послѣднихъ г. Шейнъ нерѣдко даже отстываетъ отъ оригинала, лишь бы придать пѣснѣ больше стройности и естественности. Напримѣръ: Дмитріевъ: Опытъ 1868 г., стр. 15:

Пытаю тебе мѣсяцу,
 Чи рано зходзишь, чи позно заходзишь?
 Ясное мое солнычко, а что табѣ да того?
 Да зыходу мого?

То же у г. Шейна. Т. I, ч. 1, 292:

Пытаю тебе, мѣсяцу:
 Чи рано зходзишь,
 Чи позно заходзишь?
 — Ясное мое солнычко!
 — А что табѣ до того,
 — До зыходу мого?

Въ этомъ же родѣ поправки въ дѣленіи пѣсенъ по строкамъ, и при томъ очень удачныя, сдѣланы въ слѣдующихъ мѣстахъ: I т. 1 ч., стр. 569—570, № 796; I т. 2 ч., 70 № 4, ib. 71, №№ 7 и 8, ib. 72 № 10, ib. 77 № 20, ib. 81 №№ 29 и 30, ib. 82 № 31, ib. 84 № 36, ib. 87 № 41¹⁾, ib. 88 № 43, ib. 90 № 51, ib. 91 № 56, ib. 92 №№ 57 и 58, ib. 94 № 65, ib. 95 №№ 68 и 69, ib. 96 №№ 71 и 72, ib. 98 №№ 75 и 76, ib. 100 № 80, ib. 101 № 87, ib. 104 № 95, ib. 105 №№ 97 и 98, ib. 106 № 99, ib. 108 №№ 104 и 105, ib. 109 № 105, ib. 110 № 108, ib. 111 №№ 110 и 112, ib. 112 № 113, ib. 113 № 114, ib. 114 № 120, ib. 119 № 131, ib. 120 № 132, ib. 124 № 142, ib. 370—371 № 10.

Лишь изрѣдка попадаются недосмотры въ этомъ родѣ, напр. I т. 1 ч., 28 № 19; здѣсь есть даже строки въ 15 слоговъ, напр. 3-ья; въ № 132 (ib. 130) есть строки въ 19 слоговъ, напр.

Охъ якъ жа мнѣ сялу, Боже милы, сялу Святкоуѣскому вяселому бышь....

¹⁾ П. В. Шейнъ несомнѣнно иначе расположилъ бы и оставленный имъ по недосмотру конецъ № 41, напр. такъ:

Ходзиць, паходзиць, маладая дзѣвачка,
 Садзиць, пасадзиць своихъ дзѣвачакъ
 На новыхъ ганку, на бѣлыхъ лаукахъ,
 Пакуль прыѣдзець Яначка зъ дружинкай.
 Ёнъ васъ разгониць, ёнъ васъ разгониць,
 А мяне зъ сабой возьмець.

Повидимому неправильное дѣленіе по строкамъ допущено и въ одной перепечаткѣ изъ Тышкевича; имѣю въ виду № 16, I т. 2 ч., стр. 76. Тутъ, напр., читаемъ:

«Нихто ня угадае, што ў нашымъ короваю:

«Дзѣвяци пудоу муки, осьми короу масла, а яецъ поўтараста» —

вмѣсто Тышкевичева (Opisanie powiatu B., 296):

Nichto nie uhadaje,
Sztu u naszym karawaju.
Dziewiaci pudou muka,
Aśmi karou masła,
A jajec poutogasta.

Къ достоинствамъ редакціи напечатанныхъ матеріаловъ относится еще указаніе вариантовъ при разныхъ произведеніяхъ. Эти варианты или приводятся тутъ же, если они являются впервые, или дѣлаются на нихъ только ссылки, если они кѣмъ либо уже обнародованы. Если иногда ссылки на варианты не сдѣланы въ текстѣ, то онѣ прибавлены въ приложеніяхъ. Приведемъ примѣры вариантовъ разнаго рода. 1) Варианты приводятся тутъ же подъ строками: I т. 1 ч., стр. 21 къ № 4; ib. 68 къ № 55; ib. 83 № 80; ib. 94—95 № 95; ib. 164 № 155; ib. 188 № 184; ib. 190 № 188; ib. 217; ib. 227 № 234; ib. 285 № 332; ib. 331 № 387 б; ib. 332 № 387 б; ib. 333 № 387 в; ib. 336 № 398; ib. 338 № 400; ib. 396 № 482; ib. 437 № 537; ib. 500 № 612; ib. 524 № 642; ib. 531 № 648; ib. 532 № 648 и т. д. 2) Дѣлаются только ссылки на варианты уже напечатанные: I т. 1 ч., стр. 24 къ № 8; ib. 34 № 31; ib. 112 № 115; ib. 117 № 116; ib. 145 № 139 др. 3) Опущенные въ текстѣ варианты помѣщены въ приложеніяхъ ко всѣмъ томамъ. Конечно ссылки г. Шейна можно бы значительно пополнить, какъ это сдѣлано, напр., Сумцовымъ въ отзывѣ о сборникѣ Е. Романова (Отчетъ о присужденіи въ 1893 г. премій митрополита Макарія), особенно въ отдѣлѣ сказокъ, но это не входитъ въ задачу настоящаго отзыва; кромѣ того и ссылки въ большинствѣ случаевъ можно бы сдѣлать лишь на малодоступные сборники¹⁾, вслѣдствіе чего онѣ были бы бесполезны.

Въ заключеніе разсмотрѣнія редакціонной части «Матеріаловъ» г. Шейна слѣдуетъ высказать пожеланіе, чтобы съ окончаніемъ изданія къ такому обширному сборнику былъ приложенъ указатель, съ одной сто-

¹⁾ Напр. при № 533 (I т. 1 ч., стр. 484) можно бы сослаться на Чечота 1846 г., стр. 49, № 85.

роны, пѣсенныхъ и сказочныхъ мотивовъ, а съ другой — обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій и т. п. Прекрасные образцы такихъ указателей находимъ въ настоящее время въ извѣстномъ изданіи А. И. Соболевскаго: «Великорусскія народныя пѣсни». Правда, и въ разсматриваемыхъ томахъ сборника г. Шейна имѣется нѣкоторое указаніе на пѣсенные и сказочные сюжеты при самихъ произведеніяхъ, но желательно было бы все это видѣть сгруппированнымъ въ одномъ мѣстѣ. Лишь одинъ очень полезный указатель приложенъ къ двумъ книжкамъ (I т. 1 ч. и II т.), это — указатель мѣстностей, гдѣ собраны тѣ или другіе этнографическіе матеріалы. Жаль, что такого указателя нѣтъ при томъ I ч. 2-ой.

в) Достоинства напечатанныхъ матеріаловъ.

Несмотря на всѣ отмѣченные нами недостатки чисто редакціоннаго характера, матеріалы, собранные г. Шейномъ, по своему внутреннему содержанию представляютъ очень много цѣнныхъ данныхъ для характеристики быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края. Между этими матеріалами первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ обрядовой поэзіи, хотя и другіе отдѣлы также представляютъ немало цѣннаго и интереснаго.

Обрядовая поэзія у бѣлоруссовъ, такъ же какъ и у малоруссовъ, еще до сихъ поръ отличается значительной свѣжестью и чистотой первобытнаго міросозерцанія. По своему содержанию, въ этомъ отношеніи она въ настоящее время ближе къ малорусской поэзіи, хотя обрядность, напр., свадебная едва ли не больше точекъ соприкосновенія представляетъ съ великорусскимъ ритуаломъ. Во всякомъ случаѣ, не давая особенно новыхъ мотивовъ, народная бѣлорусская обрядовая поэзія нисколько не уступаетъ малорусской, въ то же время значительно превосходя сохранившіеся до нашего времени остатки великорусской поэзіи. Все сказанное можно подтвердить данными однихъ «Матеріаловъ» г. Шейна. Подробное разсмотрѣніе этихъ обрядовъ и мотивовъ составило бы большую работу, которой не мѣсто въ данномъ отчетѣ; да ужъ многіе ученые изобильно и пользовались «Матеріалами» г. Шейна (акад. Веселовскій еще въ рукописи, проф. Сумцовъ, Владиміровъ и др.). Мнѣ остается указать лишь для примѣра нѣкоторые мотивы и обряды.

Начнемъ съ колядокъ. Извѣстный обрядъ прятанья хозяина дома за пирогами и другими яствами во время ужина наканунѣ Рождества Христова извѣстенъ и бѣлоруссамъ (I т. I ч., 47): «... якъ повечераоць, то *сѣ повинны отойци отъ стола, господарь трейчи перекрисицѣўшися, садзе а покуци, а жонка насупроціў яго, и попытае: «чи бачишь ты мене?» а нъ скаже «не бачу!» — «Кабъ же ты не бачіў за стогами, за копами, за

возами, за снопами свѣту». Тогда господарь попытает у жонки: «бабо! чи бачишь ты мене?» — «Не бачу!» — Кабъ же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за капустою, за бураками свѣту». Тогда трѣба, штобъ баба ўзяла кочергу, да и пхнула ею господара, а ёнъ, хутко поваліўшися на лаўку, откаже: «дай же, Боже, штобъ твое снопы такъ хутко падали на нивѣ!»

Малорусскія веснянки и колядки въ отношеніи ихъ пѣсенныхъ мотивовъ разсмотрѣны въ обстоятельной работѣ А. А. Потебни: «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень». Варшава. 1883 (т. I) и 1887 (т. II). Если взять эти работы за руководство и въ тѣхъ же отношеніяхъ разсмотрѣть пѣсни, изданныя въ «Матеріалахъ» г. Шейна, то окажется, что въ послѣднихъ можно встрѣтить тѣ же мотивы. Величанье хозяина. Необычайный домъ и дворъ хозяина (I т. 1 ч., 76 № 67); радости хорошаго хозяина (ib. 81 №№ 77 и 78); удачи его въ земледѣліи и во всемъ относящемся къ послѣднему (ib. 61 № 42: вороной конь, въ полѣ ратаи молодые, волики половые, сохи золотыя, подсошники мядзьяные, палицы срабрыныя, поводки шоўковыя); выдающееся общественное положеніе почтеннаго хозяина (ib. 64 № 48: сядзиць при дворѣ, суды судзиць — пярасудзячы). Величаемый хозяинъ открываетъ свое широкое гостепріимство по отношенію къ колядующимъ; но къ нему идетъ даже самъ Господь со святыми (ib. 78 № 72). Величанье хозяина выдерживаетъ сравненіе съ малорусскими подобными мотивами не только въ главныхъ чертахъ, но и въ мелкихъ подробностяхъ, особенно если привлечь сюда еще бѣлорусскія волочebныя пѣсни. — Кромѣ хозяина въ колядкахъ еще величается его жена (I т. 1 ч., 65: она замѣчательная работница, сядзиць ў коморы, шыя, вышивая на рукаўцы сивы голубцы — якъ ня поляцяць, на полицки дробныя пташачки — якъ ня шабечуць; ib. 80 №№ 75 и 76: она умная — покупаетъ три города — и красивая); его сынъ (ib. 77 № 70) и даже малыя дѣти (ib. 76 № 68: на дворѣ на яворѣ виситъ колыбель съ малымъ ребенкомъ; его колышутъ мамки и няньки, при чемъ припѣвають: «коли жиў будзе, королемъ будзе, а королеўну да замужъ возьме»). — Въ нѣкоторыхъ колядкахъ явны мотивы эпическіе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательная пѣсня № 64 (стр. 74, I т. 1 ч.), напоминающая запѣвку въ нѣкоторыхъ былинахъ:

Не дорога пива пьяная,
 Да дорога посадзеника,
 Муская погуканика.
 А ў бесѣдзѣ людзи добрые,
 Гукаюць яны муское и т. д.

Эта пѣсня впервые явилась у Чечота (1846 г., № 83), затѣмъ перепечатана Дмитриевымъ, а у этого послѣдняго взята въ «Матеріаль» г. Шейна. — Наконецъ цѣлый отдѣлъ колядскихъ пѣсенъ разрабатываетъ мотивы религіозные, отчасти въ связи съ бытовыми. Любимымъ мотивомъ этихъ пѣсенъ, какъ извѣстно, является крещеніе, приурочиваемое тотчасъ же къ рожденію Спасителя. Крещеніе понимается простодушно, какъ совершенное надъ младенцемъ Иисусомъ. Присутствіе Пресвятой Дѣвы при этомъ крещеніи является также совершенно естественной чертой. Даже оказались точки соприкосновенія и для перехода къ другимъ обстоятельствамъ изъ жизни Христа. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна колядка № 36 (I т. 1 ч., 56):

Прачистая Дѣва Сына родила,
Сына родила, ў китай сповила;
Стали попы гадаца, якъ имя даца?...
Дай дали имя дай Исусъ Хрыстось.

Имя это Дѣвѣ Маріи понравилось. Потомъ

Пошла ў церкоўку дай поклонилась,
Дай поклонилась, дай озирнулась,
Озирнулась — ажъ сына нема.

Пресвятая Дѣва, сильно испугавшись, пошла искать Христа. По дорогѣ она встрѣтила Павла съ Петромъ. У нихъ спрашиваетъ, не видали ли они ея сына. Тѣ не скрываютъ, что видѣли Христа:

Дай не туюмасо; дай признаймасо,
На синемъ мори, дай на раздоли,
Хрыстось купаўса, на муку подаўса.
Е тамъ стояла жидска школа,
Дай взели Хрыста, дай замучили,
Дай замучили, дай разопяли,
Е шупшинкою дай потперазали,
Е ожинкою ручки звезали.

Въ бѣлорусскихъ колядкахъ можно встрѣтить и извѣстные мотивы подблюдныхъ пѣсенъ. Такъ въ одной пѣснѣ (I т. 1 ч., № 88, стр. 87) рассказывается, какъ среди села стояла гора, а на горѣ росла верба съ серебряной корой, съ золотою росой. Налетѣли птицы, обобили кору и отряхли росу. Молодая дѣвушка Ганна собрала эту кору и росу и понесла ихъ
о пана коваля:

Пане ковале, скуй мнѣ вяночекъ,
 Скуй вяночекъ на голованьку,
 Скуй мнѣ поясокъ на святы дзянѣкъ,
 Скуй мнѣ персьцѣнокъ
 На мою бѣлую ручку.

Далѣе въ сборникѣ г. Шейна много разныхъ пѣсенъ, сопровождающихъ различныя святочные забавы, напр. обходъ съ козой (I т. 1 ч., стр. 89—98), женитьбу Терешки (ib. 99—105) и др.

Въ веснянкахъ, кромѣ пѣсенъ, представляющихъ прекрасныя образцы закликанія весны (напр. I т. 1 ч., стр. 126—127, №№ 123—128), всюду извѣстные любовные мотивы, воспѣваніе ласточекъ, жаворонковъ, соловьевъ, кудрявой вербы, бѣлой березоньки, калины, шелковой зеленой травки-муравки; изрѣдка является и образъ кукушки, когда изображается стремленіе къ любви со стороны молодой вдовы.

Но особенное вниманіе среди пѣсенъ, распѣваемыхъ въ Бѣлоруссіи весной, обращаютъ на себя пѣсни великодныя, иначе называемыя волочебными. Какъ и въ первомъ своемъ сборникѣ (1873 г.) и въ данномъ П. В. далъ прекрасныя образцы этихъ пѣсенъ. Въ нихъ, кромѣ полной картины систематическаго раздѣленія и распредѣленія земледѣльческаго труда въ процессѣ произрастанія злаковъ, плодородія и охраненія полей между всѣми главными, извѣстными крестьянину святыми православной церкви, и яркой, хотя и сжатой характеристикой этихъ святыхъ, не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже съ довольно замѣтнымъ подчасъ оттѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства, — имѣемъ еще матеріалы и для объясненія самого названія лицъ, поющихъ эти пѣсни. Такъ, «волошебники» несомнѣнно отъ волочиться:

Ишли-бряли вылачобники. . . .

Вылачилися — нымачилися. . . .

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сосѣдящихъ съ литовцами) они называются «лалынщиками», вѣроятно по припѣву къ нѣкоторымъ пѣснямъ «лалымъ», «лалы мой» (ср. литовское *lači*, откуда глаголъ *lačiuti*, существ. *lačiupinkis* волошебникъ. Потѣбня, Веснянки, 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волошебники называются еще «кукѣльниками» (I т. 1 ч., 135, 158, 160):

Ишли пришли кукѣльнички. . . . Еремичи Новогр. у.

Нуця, братцы кукѣльнички. . . . Оршан. у.

Да и кукѣльнички своевольнички. . . . Іодяцы Служк. у.

Кукольники—несомненно слѣдъ старинныхъ скомороховъ, дававшихъ вмѣстѣ съ пѣніемъ и представленія.

Не стану здѣсь излагать мотивовъ волочебныхъ пѣсенъ: они въ общемъ тѣ же, что и въ колядкахъ, а также щедровкахъ; укажу лишь для примѣра какъ образцовую изъ такихъ пѣсенъ № 136 (I т. 1 ч., 136—140).

Кромѣ волочебныхъ, на Пасху у бѣлоруссовъ распѣваются еще и собственно великодныя пѣсни, касающіяся больше дѣвушекъ, предсказывающія имъ близкое замужество. Такихъ пѣсенъ у г. Шейна также есть нѣсколько (напр. № 144 стр. 150, № 152 стр. 161, № 154 стр. 162 и др.); онѣ развиваютъ сюжеты колядокъ и особенно веснянокъ. Какъ особенно замѣчательныя изъ такихъ пѣсенъ должны быть признаны тѣ, которыя содержатъ загадки, напр. № 177 (I т. 1 ч., 184). Дѣвушка обращается къ молодому человѣку:

Загадаю табѣ я семь загадокъ....

Што бяжиць безъ повода?

А што росьцець безъ кóреня?

А што цвициць безъ снѣга цвѣту?

А што солодзѣй ды за сахару?

А што плачыць безъ голосу?

А што чырнó ни чырнѣно?

А што жъ бѣлó ни бѣлѣно?

Слѣдуютъ затѣмъ соответствующіе отвѣты. У г. Шейна подобныя пѣсни поставлены не среди великодныхъ, но въ другихъ сборникахъ съ такимъ содержаніемъ попадаютъ пѣсни и среди великодныхъ. Одну подобную пѣсню удалось записать и мнѣ (Русск. Филол. Вѣстн., XXI, 252 № 70).

Изъ весеннихъ пѣсенъ и обрядовъ, приурочиваемыхъ къ Троицкой недѣлѣ, особенно замѣчательны тѣ, которыя относятся къ русалкамъ и завиванію вѣнковъ. Вѣра въ русалокъ еще очень свѣжа среди бѣлорусскаго простонародья и всѣ обряды, связанные съ представленіемъ послѣднихъ, также отличаются живостью. Въ соответствующихъ пѣсняхъ русалки изображаются больше качающимися на деревьяхъ или совершающими разныя продѣлки съ прохожими (ср. напр. I т. 1 ч., 199 стр. и др.). Въ другихъ пѣсняхъ, относящихся къ разсматриваемому времени, обыкновенно воспѣваются деревья, особенно береза (ср. напр. I т. 1 ч., 188):

Ужъ ты не радуйся, кленъ дзерево,
 Не къ табѣ идуць красныя дзѣушки,
 Не къ табѣ идуць молодыя молодушки.
 Ужъ ты радуйся, бѣлая березынька:

Мы къ табѣ идземъ красныя дзѣушки...
Мы покумимся, поголубимся....

Въ этомъ же родѣ и много другихъ пѣсенъ (ср. ib. на стр. 189 № 186):

Ну не радуйся ты дубнякъ, кленникъ,
Што дубнякъ, кленникъ, ель кудрявая,
Ель кудрявая, зелена сосна,
Только радуйся бѣла бероза...
Што къ табѣ идуць красны дзѣвицы,
Ну несуць табѣ ўсе госьциночки...

«По окончаніи послѣдней пѣсни пѣвицы начинаютъ махать передниками и колыхать березу такъ, чтобы сучье ея можно было поймать и связать съ другимъ, близъ стоящимъ деревомъ и образовать вѣнокъ». Связавши такимъ образомъ вѣнокъ, онѣ проходятъ подъ нимъ попарно, что и называется кумиться.

Во многихъ пѣсняхъ изображается обычай завиванья вѣнковъ и гаданья по нимъ. Этотъ обычай извѣстенъ и великоруссамъ; но только тамъ гадаютъ о миломъ, о замужествѣ; у бѣлоруссовъ же завиванье вѣнковъ бываетъ съ нѣскольکو иною цѣлью, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующей пѣсни (I т. 1 ч., 185):

Пойдемъ, дзѣвочки,
Во луга лужочки
Завиваць вѣночки.
Мы завьемъ вѣночки
На годы добрые,
На жито густое,
На ячень колосистый,
На овесь рѣсистый,
На гречиху черную,
На капусту бѣлую.

Здѣсь завиванье вѣнковъ, повидимому, имѣетъ отношеніе къ урожаю; тутъ оно отличается такимъ же характеромъ, какъ и заклинаніе. Дѣло въ томъ, что у бѣлоруссовъ есть суевѣрный обычай завязывать, завивать рожь или вообще хлѣбное растеніе съ цѣлю причинить вредъ тому, на чьемъ полѣ это сдѣлано. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ дѣйствіемъ — завиваньемъ вѣнковъ съ цѣлю вызвать урожай у тѣхъ хозяевъ, члены семьи которыхъ участвуютъ въ этомъ обрядѣ.

Въ одной пѣснѣ (I т. 1 ч., 192 № 193), какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія приверженцевъ мнѣологическихъ толкованій, выступаетъ туча съ громомъ:

Туча съ громомъ сговаривалася:
Ты пойдземъ-ка, громъ, погуляемъ со мной,
Погуляемъ съ краснымъ дзѣвушками. . . .
Ну пойдземъ ли мы вянки завиваць,
Зелену березу пойдземъ заломаць.

Изъ лѣтнихъ народныхъ празднествъ и обрядовъ самые замѣчательныя купальскіе. «Матеріалы» г. Шейна даютъ прекрасное описаніе и этого праздника (ср. I т. 1 ч., 213—236). Замѣчаніе, сдѣланное по поводу этихъ пѣсней въ первомъ сборникѣ г. Шейна (1873 г.) въ рецензій О. Мидлера (Отчетъ о 18 присужденія наградъ гр. Уварова, 54), еще въ большей степени примѣнимо и къ соответствующимъ пѣснямъ «Матеріаловъ». Отмѣтимъ нѣсколько болѣе выдающихся пѣсней: № 228 стр. 224 (I т. 1 ч.) — продѣлки вѣдьмъ въ купальскую ночь; № 240 стр. 230 — изображеніе купальскаго игрища; № 247 стр. 233 — превращеніе брата и сестры, вступившихъ по незнанію въ супружество, въ цвѣтокъ Иванъ да Марья; № 236 стр. 228 — дочка Купалы; № 234 стр. 227 — рассказъ о томъ, какъ

Рано на Ивана солнце йграло,
А тамъ дзѣўка воду брала,
Воду браўши утонула. . . .

Въ основѣ этой пѣсни врядъ ли не лежитъ обычай потопленія чучелы Купалы рано утромъ на Ивановъ день. Дѣвка здѣсь, вѣроятно, Купалочка — дочь Купалы. — Оставляя въ сторонѣ пѣсни съ сюжетами про любовь, про бракъ, отмѣтимъ еще цѣлый отдѣлъ купальныхъ пѣсней насмѣшливыхъ, гдѣ дѣвушки издѣваются надъ парнями и наоборотъ. Эти пѣсни очень распространены въ Бѣлоруссіи. Такія пѣсни встрѣчаются только на свадьбахъ, какъ остатокъ умыканія и проистекающаго отсюда враждебнаго отношенія невѣсты и ея подругъ къ жениху и его свитѣ. Вотъ, напр., такая пѣсня (I т. 1 ч., 232 № 244):

А на горѣ подь дубомъ,
Загорѣўся жидоў дворъ.
Идзице мальцы тушици,
Рѣшетомъ воду носици:
А ў рѣшеци воды нѣтъ,
А ў мальцахъ праўды нѣтъ. . . .

Кругъ обрядовыхъ пѣсенъ въ разсматриваемомъ сборникѣ заканчивается пѣснями жнивными и дожинными. Если исключить изъ нихъ пѣсни случайно распѣваемые во время полевыхъ работъ, какъ свадебныя, семейныя и вообще любовныя, то окажется, что мотивы собственно жнивныхъ пѣсенъ слѣдующія: тяжесть полевыхъ работъ и удалъ жницъ (стр. 243 №№ 255 а и б и др.); подобно купальскимъ пѣснямъ, и живныя иногда содержать элементъ издѣвательства (252 № 277). Но особенно типичными изъ жнивныхъ пѣсенъ оказываются тѣ, которыми сопровождается завиванье бороды козлу при дожинкахъ. Самый обрядъ прекрасно описать у г. Шейна на стр. 263—270. Объясненіе его можно найти у Потебни въ Колядкахъ. Согласно съ Маннгартомъ, онъ объясняетъ обрядъ завиванія бороды и связь его съ козломъ тѣмъ, что по распространенному вѣрованію почти всѣхъ европейскихъ народовъ, «душа нивы есть козло- или козообразное существо (какъ Фавиъ, Сильванъ), преслѣдуемое жницами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосьева или послѣдній снопь». Хлѣбъ, соль, которые кладутъ на землю при завиваніи бороды, и будутъ какъ бы жертвой этому существу. Вмѣстѣ съ послѣднимъ снопомъ или вѣнкомъ эта «душа нивы» переносится въ домъ хозяина. Образцы относящихся сюда пѣсенъ на стр. 265. Вмѣстѣ съ завиваньемъ бороды происходитъ и плетенье вѣнка. И это дѣйствіе сопровождается разными пѣснями, имѣющими больше характеръ благопожеланій хозяину и приглашенія встрѣтить небывалаго гостя (ср. I т. 1 ч., 275 № 310). Здѣсь такое же представленіе богатствъ добраго хозяина, какъ и въ колядскихъ пѣсняхъ. Къ нимъ примыкаютъ и другія въ этомъ родѣ, въ которыхъ разсказывается, какъ во дворъ хозяина заходитъ самъ Богъ, спорышъ и рай. Вотъ примѣры такихъ пѣсенъ (I т. 1 ч., 273 № 305):

Ишоу Богъ дорогою,
Ишоу Богъ широкою.
Петрулька у воротъ стоиць,
Шапочку ў рукахъ держиць:
«А ко мнѣ, Божа, ко мнѣ,
«Зъ густыми снопами,
«Зъ частыми копами» . . .

Или (ib. 272 № 303):

Ай ходзіу Спорышъ изъ конца вулицы въ конецъ,
Ахъ нихто Спорыша да ў хату ня зовець.
Обобралась господиня да Мартынова жана:
«Ходзи жа ты, Спорышъ, охъ ў хату ко мнѣ. . . .

«Приспоры мнѣ, Спорышъ, и у доми и у поли,
«И ў гумни, и ў дворы, и ў клѣщи, и ў печи»....

Или (ib. 271 № 302):

Ходзіу Раю по вулицы,
Нихто Раю у хату ня просиць:
Обобраўся нашъ Иванька:
«Ходзи, Раю, ко мнѣ ў хатку»...

Въ приведенныхъ пѣсняхъ останавливаются на себѣ вниманіе Спорышъ и Рай. Первое слово очень извѣстно въ названіи двойного предмета, колоска или орѣха; поэтому г. Шейнъ еще въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ (1873 г., 520) полагалъ, что дожиночныя пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются спорышовыми «вѣроятно оттого, что значительнѣйшая часть вѣнка состоитъ изъ спорышей, т. е. стеблей съ колосомъ двойчаткой». Но какъ замѣтилъ Потебня (Колядки, 168), спорыши встрѣчаются очень рѣдко, такъ что нѣконимъ образомъ большая часть вѣнка не можетъ состоять изъ нихъ. Вслѣдствіе этого спорышъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть въ смыслѣ спорящій, приспоряющій, дѣлающій такъ, чтобы было спору, хватало на долго. Такимъ образомъ, Спорышъ здѣсь будетъ олицетвореніемъ богатства, урожая. — Гораздо труднѣе объяснить Рай. Шейнъ (ib. 523) полагаетъ, что «упоминаемый въ спорышевыхъ пѣсняхъ Рай, несомнѣнно, есть названіе бога жатвы», атрибутировать коего — вѣнокъ и который «людямъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей дѣвицы», т. е. той жницы, которая несетъ съ поля вѣнокъ. Это толкованіе О. Миллеромъ признано очень удачнымъ (Отчетъ о 18 присужденіи наградъ гр. Уварова, 54). Фаминцынъ (Божества древн. славянъ, I, 318) полагаетъ, что въ этомъ Раѣ нельзя не узнать сокращеннаго имени... мр. Урая (Юрія). Однако эти мнѣнія нельзя признать основательными. Мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе Потебни (Колядки, 168—172), который видитъ проникновеніе Раю въ дожиночныя пѣсни изъ свадебныхъ, гдѣ рай является эпитетомъ коровай. О короваѣ во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ говорится, что онъ посланъ отъ Бога (Чубин. IV, 231), что онъ «зъ раю» (ib. 216), оттуда же, откуда встаетъ солнце и свѣтитъ мѣсяць (ib. 230 и 666). Названіе коровай раемъ находимъ напр. въ слѣдующей малорусской пѣснѣ (Голов. IV, 245):

Ой раю, ты мой раю,
Пшеничный короваю....

О раѣ-короваѣ въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь ниже. Въ другихъ

свадебныхъ же пѣсняхъ рай эпитетъ свадебнаго деревца. Такимъ образомъ и у насъ рай можетъ быть эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа, употребляющимся вмѣсто названія самого предмета.

Но особенно цѣнными изъ обрядовыхъ пѣсенъ оказываются въ «Матеріалахъ» г. Шейна пѣсни свадебныя и обряды, сопровождаемые ими. Уже одинъ объемъ ихъ (501 стр.) превосходитъ всѣ изданія въ этомъ родѣ, а внутреннее содержаніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. — Всѣ свадебныя обряды и пѣсни или изображаютъ сельскую жизнь, или выражаютъ пожеланія счастливой будущности; кое-гдѣ однако же проявляются древніе обычай, оставшіеся еще отъ временъ языческихъ, когда семейный бытъ носилъ другой характеръ. Такъ изъ лѣтописей извѣстно, что современному заключенію браковъ по добровольному согласію жениха и невѣсты предшествовало много стадій. Самая ранняя форма брака была похищеніе женихомъ невѣсты. Такъ о древлянахъ въ начальной лѣтописи сказано: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица». То же рассказывается про радимичей, вятичей и сѣверянъ. Указаніе на существованіе этой формы брака и у бѣлорусскихъ славянъ находимъ во многихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ поется, какъ пріѣхали сваты на дворъ и пустили стрѣлу въ окно (I т. 2 ч., стр. 91 № 56). Въ настоящее время пусканье стрѣлы въ окно не имѣетъ смысла, но оно указываетъ на древній обычай похищенія невѣсты, которое часто сопровождалось даже избіеніемъ цѣлаго рода. Въ другой пѣснѣ дружина жениха уже прямо называется войною (ib. 146 № 8):

«Што гѣто матулька роденькая,
«За война пришла?»

спрашиваетъ невѣста у матери, увидя товарищей жениха. Въ одномъ мѣстѣ отецъ невѣсты сватовъ обзываетъ прямо разбойниками и не хочетъ пустить ихъ къ себѣ въ домъ (ib. 156). Иногда сваты лишь бы пробраться въ домъ невѣсты, прибѣгаютъ къ обману, называя себя охотниками, выслѣживающими дичь, которая забѣжала къ родителямъ невѣсты на дворъ (ib. 156). На враждебный характеръ дружины жениха указываетъ и то обстоятельство, что, когда женихъ со сватами и дружиной пріѣзжаетъ къ дому невѣсты, то передъ нимъ запираютъ ворота, которыя дружина жениха открываетъ силой (ib. 173). Ворота часто бываютъ даже укрѣплены жердями (ib. 260). Храбрость за жениха дружина обязывается клятвой, которую даетъ, отправляясь съ женихомъ по невѣсту. Всѣ становятся правой ногой на сковороду и цѣлуютъ образъ говоря: «Щобъ стоятъ другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь каплю» (ib. 484). На враждебный характеръ дружины жениха указываетъ и тотъ обычай, по которому дружина, явившись въ домъ невѣсты, на

первыхъ порахъ сидеть въ шапкахъ, надвинутыхъ на лобъ (ib. 135). Когда уже женихъ пробьется въ домъ невѣсты, и ее приходится отдать за него, тогда невѣста обращается со слезами и продолжительными рыданіями къ отцу и брату за помощью, причеъ жениха и его дружину обзываетъ далеко не лестными именами (ib. 174 № 29):

Татунька, родный мой,	Заграбуць, повязуць
Ты воротъ не заперъ:	Мяне млоду къ сабѣ.
Мужикоу — чужакоу	Татунька, рѣдный мой,
Понайшло къ намъ на дворъ;	Ты ратуй жа мяне!
Стукуюць-грукуюць	Брацятка, рѣдный мой,
Ды на нашемъ дворѣ,	Чужанинъ на дворѣ:
И дзвери ломаюць	Коли любишь мяне,
Яны ў хатку къ табѣ;	Дыкъ ратуй жа мяне!

Братъ, дѣйствительно, какъ и всѣ другіе родственники, по пѣснѣ, гонится за женихомъ и его дружиной, похитившей невѣсту (ib. 186 № 20):

Гоницца братъ за сястроу, гоницца,
Грозной шабелькой грозицца.

Такимъ образомъ, въ древнѣйшую эпоху, когда существовалъ обычай похищенія невѣсты, главнымъ защитникомъ ея, кромѣ отца, былъ еще братъ. Но уже въ пѣсняхъ, указывающихъ на этотъ періодъ брака, есть намеки на то, что братъ иногда продавалъ свою сестру. Такъ въ одной пѣснѣ (ib. 260 № 19) подруги невѣсты поютъ:

Литва, Литва,	И сястры ни отдаваці
Будзя у насъ битва:	За рубъ, за чатыры,
Братъ будзя воеваці	За два злотыхъ.

Но недолго братъ былъ такимъ неподкупнымъ защитникомъ своей сестры. Наступаетъ другая форма брака — купли невѣсты, и братъ уже является продавцемъ своей сестры. Эта форма брака также засвидѣтельствована древними лѣтописями. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтописи (подъ 988 г.) читаемъ про Владимира Св.: «Вдасть же за вѣно грекомъ Корсуць опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву». Подобное же замѣчаніе есть и въ другомъ мѣстѣ лѣтописи (подъ 1043 г.): «В си же времена вдасть Яро-славъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людій 8 сотъ». Мужина жениха выдаетъ себя за купцовъ проѣзжихъ, покупающихъ до-лой товаръ, какимъ въ данномъ случаѣ является невѣста (I т. 2 ч., 155). гественно, что къ такимъ купцамъ невѣста питаетъ вражду: въ пѣсняхъ,

относящихся къ этому отдѣлу, дружина жениха называется коршунами, а самъ женихъ соколомъ, которые заключаютъ сѣрую уточку-невѣсту (ib. 156—157 №№ 1 и 2). Начинается торгъ: свать предлагаетъ извѣстную сумму денегъ за невѣсту, а братъ торжится, требуя больше, и расхваливаетъ свой товаръ (ib. 211 №№ 9 и 10). Наконецъ, сходятся въ цѣнѣ, и, въ знакъ согласія, родители пожимаютъ сватамъ руки, что называется рукобитьемъ (ib. 14). Плату за невѣсту обыкновенно получаетъ братъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ пѣснѣ (ib. 37 № 57):

Татаринъ, брациць, татарини!
 Одаў сястру за даромъ,
 А русую косыньку за питакъ,
 А бѣлыѣ личыйка пошло и такъ;
 А братъ ў сястрѣ кохаўся,
 Нямножко грошы набраўся.

Ср. еще ib. 179 № 36 и 243 № 18.

Не только братъ продаетъ свою сестру; иногда этимъ дѣломъ даже занимаются отецъ и мать. Въ одной пѣснѣ (ib. 131 № 2) рассказывается, какъ бояре навезли много золота и просятъ, чтобы имъ продали Тацянку, но

Тацянка татульки просила:
 «Дорожы, татулька, дорожы!
 «Да сто червонцоў запроси,
 «Тогды мяне молоду оддаси».

Подобнымъ же образомъ поется и въ другой пѣснѣ (ib. 468 № 23). Иногда отецъ даже пропиваетъ свою дочь. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ одной пѣснѣ (ib. 141 № 8):

Да Тацянкинъ татулька,
 Да пропиў свое дзиця....
 Да за мѣду шкляночку,
 (Да) за горѣлки чарочку....

Рѣже случается, что дочь продается матерью; это большею частью бываетъ тогда, когда мать въ нетрезвомъ видѣ (ib. 109 № 106):

Матка дочку пропила,
 Мошну грошы набила....
 Пропила матка дочку
 На солодкимъ мядку....

Отъ покупки невѣсты легко было перейти къ новой формѣ брака — женитьбѣ по расчету, часто безъ согласія жениха и невѣсты, а лишь по желанію родителей (ib. 153). Но и бракъ по расчету постепенно начинаетъ уступать мѣсто женитьбѣ по взаимному согласію вступающихъ въ бракъ (ib. 294). Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ, при заключеніи брачныхъ союзовъ, главными дѣйствующими лицами были не женихъ и невѣста, а ихъ родные. Естественно, что положеніе невѣсты, при подобныхъ условіяхъ переходящей въ чужую семью, представлялось весьма печальнымъ. Невѣста иначе не называетъ своего жениха, какъ чужимъ чужанникомъ (ib. 107), и всегда при разговорѣ о немъ громко рыдаетъ.

Такія данныя для характеристики разныхъ формъ брака мы находимъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, помѣщенныхъ во 2-ой части I тома разсматриваемаго сборника. Старинныя воззрѣнія и образъ жизни у бѣлоруссовъ, такимъ образомъ, совершенно сходны съ великорусскими (ср. еще А. З—чь: Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими. С.-Пб. 1897 г.). Но и помимо этихъ данныхъ, характеризующихъ древнѣйшую эпоху жизни славянъ, въ разсматриваемомъ сборникѣ можно найти цѣльныя указанія и на другіе странные обычаи и воззрѣнія. Такъ идеаломъ счастья для простолюдина является жизнь княжеская и вообще высшаго сословія — боярскаго. Вслѣдствіе этого, въ обрядахъ свадебныхъ и пѣсняхъ, относящихся къ нимъ, женихъ постоянно называется княземъ, а невѣста княгиней (ср. I т. 2 ч., 166 № 10) Такъ они называются не только по имени, но и вся обстановка, приписываемая имъ, чисто княжеская¹⁾. Женихъ, по словамъ дружка, намѣренъ одѣться въ бѣлый чулокъ, сафьянъ сапогъ, кунью шубу, соболью шапку (ib. 484). Невѣста передъ свадьбой ходитъ въ вѣнкѣ, которымъ хотятъ представить царскую корону (ib. 2). Въ одномъ мѣстѣ невѣста называется даже королевой (ib. 184 № 13):

Чого, браточка, гѣтакъ сильно плачешь?

— Бяру *крулёўну* за сябе няроўну....

Такая невѣста въ домъ жениха приноситъ и баснословное приданое, состоящее изъ городовъ, селъ, полей, коровъ, воловъ, сундуковъ (кубловъ) съ платьемъ, деньгами и проч. (ib. 177—178). Да и естественно ожидать такого приданого отъ невѣсты, которая по словамъ, пѣсни (ib. 92 № 59),

Цысьця, зяця, ждала,
Кунами дворъ слаа,

¹⁾ Относительно названія жениха княземъ, а невѣсты княгиней и всей княжеской обстановки есть и другія мнѣнія. Ср. Н. Сумцовъ: О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г., 205 стр.

Кунами бобрами,
Черными соболями.

Иначе невѣстѣ и поступить нельзя въ виду такого замѣчательнаго жениха, какимъ онъ представляется въ свадебныхъ пѣсняхъ (ib. 476 № 40):

Король, король!	Воронимъ конемъ хвалища,
Королевскій сынъ.	У избу входитъ (чит. ўходзиць) —
По полю ѣдзецъ —	Молодымъ княземъ кажецца,
Василѣчкомъ сдѣлецца,	А за столъ садзицца, —
А ў ворота ѣдзиць —	Княгиню хвалища.

Свадебный пиръ, по пѣснѣ, происходитъ также при роскошной обстановкѣ, далекой отъ прозаической дѣйствительности: скатерти на столахъ шелковыя (ib. 481 № 50), ѣдятъ лебедя, яства сахарныя (ib. 392).

У жениха князя и невѣсты-княгини и подходящая свита. У нихъ «дружина», въ которой, кромѣ сватовъ, сватьей, есть еще бояре, боярки (ib. 159), подбояре (изъ неженатыхъ спутниковъ, стр. 252 ib.), маршалокъ (ib. 212 № 9), чашникъ (ib. 366).

Изъ старинныхъ общераспространенныхъ обычаевъ особеннаго вниманія заслуживаетъ, во-первыхъ, употребленіе растенія руты: передъ свадьбой жениху прикалываютъ къ шляпѣ цвѣтокъ руты, невѣста же и ея дружка посятъ на головѣ рутвяныя вѣнки (ib. 360). Далѣе передъ отъѣздомъ къ вѣнцу молодые всѣмъ кланяются до земли. По окончаніи всѣхъ поклоновъ, женихъ съ невѣстой обходятъ три раза вокругъ стола, кладя по три поклона въ «покуць» отцу и матери, и выходятъ къ ожидающимъ ихъ подводамъ. Но прежде чѣмъ имъ сѣсть, мать беретъ ковригу хлѣба и, обошедши три раза назначенную для нихъ подводу, перебрасываетъ хлѣбъ черезъ лошадей, а женщина, стоящая по другую сторону подводы, перебрасываетъ ей какъ бы въ отвѣтъ другой хлѣбъ (ib. 362). Въ другихъ мѣстахъ вокругъ повозки молодыхъ свать три раза обносятъ полную рюмку водки и выливаютъ ее на лошадей. Мать же насыпаетъ въ передникъ нѣсколько горстей ржи и съ нею, въ одно время со сватомъ, обходитъ тоже три раза вокругъ повозки и послѣ засыпаетъ молодымъ немного ржи за воротникъ. Затѣмъ свать въ другой разъ обноситъ рюмку водки вокругъ повозки и даетъ каждой лошади пить или хотъ понюхать водки (ib. 223). Вообще обсыпаніе зерномъ на свадьбахъ молодыхъ въ большомъ ходу; кромѣ обсыпанія рожью (ib. 239), еще большимъ распространеніемъ пользуется обычай обсыпать молодыхъ зерномъ овса (ib. 191). Кромѣ зеренъ ржи и овса, при обрядахъ свадебныхъ, также употребляется ленъ. Передъ возложеніемъ на голову молодой чепчика, кладутъ на нее три пасмы льну и под-

стригаютъ ей волосы. Послѣ этого сваха снимаетъ съ головы молодой лень, подбираетъ волоса и завязываетъ ихъ льномъ. Этотъ лень, зашитый въ сукно, молодая всегда носить при себѣ (ib. 108—109).

На столѣ, за которымъ сидятъ молодые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыкновенно ставится елка (ib. 310). Иногда елкой называютъ при этомъ обрядѣ можжевелевую вѣтку, убранную цвѣтами и овсяными колосьями (ib. 364). Традиционная елка играетъ роль и тогда, когда ее замѣняетъ вѣтка вишни, все-таки называемая елкой (ib. 334).

Въ числѣ свадебныхъ кушаній непремѣнно бываетъ пѣтухъ и курица (ib. 29). Передъ отправленіемъ молодыхъ спать угощающая ихъ женщина поетъ (ib. 118—119):

Пятухъ курку маниць,
На куросадникъ садзиць,
Дасць меду ѣсци.

Съ пѣтухомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодые являются къ священнику, когда даютъ на оглашеніе.

Необходимой принадлежностью свадебныхъ кушаній и обрядовъ является коровай — большой пшеничный хлѣбъ, на которомъ, кромѣ птицъ и разныхъ животныхъ (представленныхъ часто въ неприличномъ видѣ), иногда еще изображаются солнце, луна и звѣзды (ib. 361). Обращаясь къ короваю, маршалокъ говоритъ: «раю короваю, раю, раю»... Раемъ коровай называется и въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ. Вотъ, напр., одна изъ такихъ пѣсенъ (напоминающая пѣсни дожиночныя, о чемъ рѣчь была выше), гдѣ Рай является добрымъ совѣтникомъ, подающимъ богатство, устройтеlemъ свадебъ (ib. 319 № 51):

Ходзя Раю по вилицы, —	Просіу Раю да къ сабѣ у хату,
Раю мой!	Раю мой!
Нихто Раю ў дворъ ни пускал,	Ой, сядзь жа Рай да на покутѣ,
Раю мой!	Раю мой!
Вышоу жа дзятцинкоу таточка,	Ой, радзь, Раю, добрую раду,
Раю мой!	Раю мой!
Я сына жаню, я Бога хвалю,	
Раю мой!	

Въ числѣ обрядовъ брачнаго ритуала у бѣлоруссовъ одну изъ выдающихся ролей играетъ употребленіе «дзежи» (квашни), вѣка отъ нея (крышки) и вывороченнаго кожуха (тулупа). Снаряжаютъ невѣсту къ вѣнцу при слѣдующихъ обрядахъ. Братъ невѣсты ставитъ въ почетномъ углу передъ ико-

нами «дзезу хлѣбницу», на крышку которой кладетъ кожухъ, шерстью вверхъ. Затѣмъ, обращаясь къ невѣстѣ, братъ говоритъ: «Чи садзися, чи откажися?» Если невѣста дѣвственница, то она садится на «дзезу», и начинаютъ ее одѣвать; въ противномъ же случаѣ, она откажется сѣсть (ib. 87, 98, 161 и др.). Но и помимо этого обряда, во время свадьбы еще приходится прибѣгать къ кожуху. Когда новобрачные отъ родителей невѣсты приѣзжаютъ въ домъ жениха, тогда мать послѣдняго выходитъ къ нимъ навстрѣчу въ вывороченномъ шерстью наружу кожухѣ. Дружки въ это время поютъ (ib. 211 № 8):

Ой знаци, знаци,
Што чужая маци
Не хоче пріянци
Чужого дзицяци.

Вывернула кожушокъ,
Да хоче спужаци.
«А я цебе, маци, ни боюся,
«Низко въ ножки поклонюся».

Большимъ распространениемъ также пользуется обычай зажигать соломѣ и проводить черезъ нее новобрачныхъ. Когда новобрачные ѣдутъ въ домъ жениха, то, кромѣ другихъ препятствій, на улицѣ кладутъ снопы соломѣ и зажигаютъ его. Черезъ такое пламя молодые должны пробѣхать (ib. 28 и 118). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ обрядъ происходитъ нѣсколько иначе. Передъ воротами дома невѣсты кладутъ крестообразно два пучка соломѣ, зажигаютъ ихъ и черезъ этотъ огонь проводятъ молодыхъ во дворъ (ib. 211). Какое бы значеніе ни имѣлъ этотъ обычай — служило ли зажиганіе соломѣ просто препятствіемъ похищать невѣсту, или же оно имѣло очистительный характеръ — во всякомъ случаѣ, онъ относится къ глубокой древности.

Должно быть, пришлый обычай, или новѣйшаго происхожденія — класть деньги подъ ноги во время церковнобрачнаго обряда съ тѣмъ, чтобы, какъ говорятъ при этомъ, всю жизнь провести въ довольствѣ.

Кромѣ матеріала для характеристики древнихъ обычаевъ и старинныхъ воззрѣній, въ сборникѣ г. Шейна находимъ не мало данныхъ и для изображенія современной жизни бѣлорусса, какою она является подъ вліяніемъ такого радостнаго для него семейнаго событія, какъ женитьба члена семьи. Не касаясь подробностей, рассмотримъ лишь самыя характерныя проявленія веселости у бѣлорусса, какъ они сказываются въ разнаго рода танцахъ. Въ сборникѣ находимъ подробное описаніе слѣдующихъ танцевъ: мяцелицы, закаблуки (I т. 2 ч., стр. 7), барыни, подушечекъ (ib. 8), лявонихи, бычка, воробья (ib. 169), жидовочки, чижика, цыганки (ib. 330), трясушки (ib. 334). Находимъ также, хотя бѣглую, но достаточно выразительную характеристику современныхъ нравовъ (ib. 12) и воззрѣній (напр.,

взгляда на оборотней, стр. 43 ib.); есть даже очень много данныхъ чисто юридическаго характера, касающихся, напр., положенія молодой женщины въ домѣ свекра, въ случаѣ смерти ея мужа и при его жизни, положенія «примака», приемышей и другихъ дѣтей (ib. 11).

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ обрядахъ и игьсныхъ погребальныхъ.

Эта часть I т. 2 ч. сборника г. Шейна является новинкой въ бѣлорусскихъ сборникахъ. Относительно сборниковъ великорусскихъ народныхъ произведеній этого сказать нельзя: тамъ есть классическій сборникъ народныхъ причитаній Е. Барсова, но въ разработкѣ бѣлорусской народной поэзіи это первая попытка. Легко описать погребальные обряды, такъ какъ они большею частью однообразны и несложны; но нельзя этого сказать относительно похоронной причеты. «Якъ хто хоче, такъ по свойму бацьку и плаче» — говоритъ народная пословица. И дѣйствительно, лишь по общему содержанію разныя похоронныя причитанія сходны, да по приѣмамъ построенія; вообще же, каждая женщина плачетъ особенно, смотря по той степени чувства, которая обнаруживается въ ней къ потерянному предмету.

Погребальные обряды весьма сходны и малосодержательны. Когда человекъ начинаетъ умирать, ему даютъ въ руки «громничную» (срѣтенскую) или страстную свѣчку, затѣмъ умершаго омываютъ, одѣваютъ во все чистое и хоронятъ по христіанскому обычаю. Это бываетъ вездѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ этимъ общепринятымъ обрядамъ присоединяются еще нѣкоторые особенные, носящіе характеръ глубокой древности. Таковы — употребленіе обсыпаній зернами ржи и овса тѣла покойника (ср. подобное обсыпаніе на свадьбахъ), вытекающее изъ того желанія, «чтобы покойникъ и по смерти своей не лишился оставшихся въ живыхъ родственниковъ насущнаго хлѣба». Свѣчу, которую держалъ въ рукахъ покойникъ, тоже вставляютъ въ зерна ржи или овса. Зернами обсыпаютъ даже то мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ покойника и затѣмъ бросаютъ зерна вслѣдъ покойнику до тѣхъ поръ, пока его не вынесутъ за ворота со двора (I т. 2 ч., 533—535). Когда кладутъ покойника въ гробъ, то при немъ съ правой стороны въ головахъ ставятъ то, что онъ особенно любилъ при жизни, напримѣръ, бутылку водки, табакъ, трубку и под. (ib. 546). Какъ и при брачныхъ обрядахъ лошадь, на которой приходится везти покойника, отправляютъ со двора съ нѣкоторыми церемоніями. Кто-нибудь изъ домашнихъ или родственниковъ наливаетъ въ миску чистой воды, всыпаетъ туда овса и, обойдя три раза вокругъ лошади, обликаетъ ее этой смѣсью (ib. 546). Въ другихъ мѣстахъ у лошади, на которой везутъ «небожчика», цѣлуютъ копыта (ib. 521—523). Когда зарыютъ гробъ въ землю, присутствующіе при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ росаютъ въ могилу деньги, кольца и т. п., а если у нихъ ничего такого

нѣтъ при себѣ, то часть одежды, напр., платки, шарфы, пояса и проч., — обычай несомнѣнно древняго происхожденія, напоминающій языческія погребенія. На вопросъ записывавшаго (Николаевича), почему это такъ дѣлается, ему отвѣтили: «Такъ дѣлали наши дѣды и отцы, такъ и мы дѣлаемъ» (ib. 564).

Переходимъ къ поминкамъ по покойникѣ. Изъ кушаній, которыя подаются на поминальной трапезѣ, особымъ распространеніемъ пользуются блины и клѣцки (галушки, стр. 576). Но никогда не подается такъ много кушаній, какъ на «дзѣдахъ», когда жены поселянъ выказываютъ все свое кулинарное искусство (ср., напримѣръ, стр. 613—614, 619). Изъ обрядовъ при поминаніяхъ особенно замѣчательны зажиганіе костровъ на кладбищѣ (это бываетъ осенью) и оставленіе на могилахъ вѣнчиковъ, для того, какъ говорятъ, чтобы усопшіе сами очистили свое помѣщеніе (стр. 587). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окончаніи поминальной трапезы, хозяйка дома приноситъ рѣшето хряпокъ (кочерыжекъ); послѣ этого всѣ присутствующіе начинаютъ бросать ими другъ въ друга. За церемоніей бросанья слѣдуютъ пѣсни и музыка (стр. 588). Вообще пьянство, пѣсни, музыка и пляска при поминовеніи — дѣло не рѣдкое. Особенно на Радоницу на кладбищахъ часто устраиваются настоящія игрища. Народъ сознаетъ неумѣстность подобныхъ поминокъ, однако допускаетъ ихъ существованіе, закрѣпивъ даже это обстоятельство поговоркой: «На Радоницу до обѣда пашуць, по обѣдзѣ плачуць, а вечеромъ скачуць» (стр. 626—627 и Носовичъ, Словарь, 544).

Весь II-ой томъ «Матеріаловъ» посвященъ поэзіи эпической. Въ виду нѣкотораго запозданія появленія этого тома, его успѣли предупредить такія цѣнныя изданія, какъ бѣлорусскія сказки Е. Романова. Вслѣдствіе этого нашему автору пришлось выпустить только такіе изъ собранныхъ имъ матеріаловъ, которые представляютъ что-либо новое и служатъ цѣннымъ дополненіемъ къ раньше вышедшимъ собраніямъ. Издатель «Матеріаловъ», прекрасно знакомый съ другими бѣлорусскими, а также малорусскими и великорусскими сборниками, въ случаѣ какого-либо сходства сообщаемаго имъ матеріала съ уже напечатаннымъ, дѣлаетъ всегда ссылки на послѣдній, какъ это дѣлалось и раньше въ лирической поэзіи, чѣмъ и облегчается изученіе мотивовъ и эпической поэзіи (ср., напр., 57 стр., гдѣ указана параллель къ обработанной Пушкинымъ сказкѣ о царѣ Салтанѣ, или 88 стр., 98, 127 и т. д.). Впрочемъ сказки, собранныя г. Шейномъ, отличаясь замѣчательнымъ разнообразіемъ мотивовъ и обстановки дѣйствія и вслѣдствіе этого будучи интересны, и сами по себѣ могутъ составить цѣлый объемистый томъ: въ изданіи онѣ занимаютъ 340 стр., а вмѣстѣ съ легендами 419. Не мѣсто въ краткомъ отзывѣ излагать содержаніе или, по край-

ней мѣрѣ, отмѣчать мотивы указанныхъ сказокъ¹⁾. Мы для примѣра коснемся двухъ-трехъ. Въ сказкахъ изъ міра животныхъ обращаетъ на себя особое вниманіе «Мщеніе дятла» (27—31). Не говоря уже о томъ, что здѣсь выступаетъ дятель, что бываетъ сравнительно рѣдко въ подобнаго рода сказкахъ, она и по юмористическому тону изложенія отличается отъ другихъ сказокъ, нѣсколько напоминая полуискусственныя произведенія, къ отдѣлу которыхъ принадлежатъ «Шемякинъ судъ», «Сказка о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ» и под. Изъ отдѣла мифическихъ сказокъ отмѣтимъ «Климко» (120—127); она отличается нѣсколько искусственнымъ характеромъ: напоминаетъ повѣсти, распространенныя у насъ въ XVI—XVII вѣкахъ подъ вліяніемъ Польши, въ родѣ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ; только здѣсь продѣлкамъ Климкѣ придана своеобразная народная окраска. Сказка эта представляетъ изъ себя цѣлую юмористическую повѣсть и могла бы дать интересный матеріалъ для литературной обработки. Подобная сказка должно быть была извѣстна и А. С. Пушкину, обработавшему нѣкоторыя ея сцены въ своей сказкѣ про Балду.

Въ селѣ Денисовичахъ, Черниговской губерніи, Новозыбковскаго уѣзда записана сказка «Иванъ Прекрасный и князь Ладымяръ» (168—170), представляющая отголосокъ былины про князя Владиміра и Ивана Годиновича. Рассказывается, какъ Иванъ прекрасный, служа три года у князя Владиміра, не имѣлъ цвѣтнаго платья. «Алѣшка легокъ на языкъ, сладокъ на слова» донесъ объ этомъ князю Владиміру. Послѣдній далъ Ивану «куни начиняны и шуба няшійтая», «штобъ этия куни починивъ и себѣ шубу пошивъ и... на завутрань поспѣвъ». Такой подарокъ только опечалилъ Ивана: пошелъ онъ къ Днѣпру съ цѣлью утопиться. Но тутъ явилась къ нему «баба, якъ сѣнная копа», перевезла его черезъ Днѣпръ и доставила къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ея домъ; здѣсь она передала Ивана Прекраснаго на поцѣченіе дѣвушки Алѣны Сиволюбовны, которую послѣдній обѣщалъ называть своею женою. Алѣна Сиволюбовна при помощи своихъ слугъ изготовила своевременно кунью шубу для Ивана Прекраснаго и отправила его къ князю Владиміру; при этомъ дала ему три яйца: «однымъ ты яѣчкомъ князя Лодымяра похристосуй, другимъ попа, а третья вязи ў дворъ». Кончилась Пасхальная заутреня. Иванъ похристосовался съ княземъ Владиміромъ, попомъ, но тутъ же подвернулся Алѣшка: пришлось и съ нимъ похристосоваться; для Алѣны Сиволюбовны и не осталось яйца. Вслѣдствіе этого она разсердилась на Ивана и предсказала ему смерть: «себѣ безголове получишь». Послѣ богослуженія князь Владиміръ собралъ богатырей на обѣдъ и предложилъ имъ

¹⁾ При занятіяхъ разсматриваемымъ сборникомъ руководящей канвой можетъ служить указатель сюжетовъ въ сказкахъ Е. Романова, составленный Н. Сумцовымъ и изданный о V присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго, 167—214).

хвастаться богатствомъ. Иванъ Прекрасный и здѣсь молчалъ. Тогда Алеша «запышевъ (изъ зависти) и говорить: Иванъ сибѣ жану наживъ, краше въ свѣтѣ нѣтъ». Князь Владиміръ рѣшился погубить Ивана Прекраснаго, съ цѣлью завладѣть его женою. Поэтому онъ посылаетъ Ивана къ Вовку Минчигрею за самограйними гуслими. Однако, благодаря совѣтамъ жены, оказавшейся сестрою Минчигрея, Иванъ благополучно исполнилъ возложенное на него порученіе.

Въ такомъ же былинномъ духѣ и сказка «Сяврукъ» (стр. 178—179), записанная въ Черниговской же губерніи, Суражскомъ уѣздѣ, деревнѣ Чертовичахъ. Изложена она мѣрной рѣчью; вотъ ея начало:

Ой хто жъ того ня знавъ,
 Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
 Якъ и солнушко взойшло;
 Якъ и ярки мѣсячка,
 Якъ и частыя звѣздочки,
 Якъ и тцемныя хмарычки,
 Якъ и сильныя дѣжчачки?
 Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
 Якъ царь дочарей поотдававъ?

Далѣе рассказываетя, что на свадебномъ пиру былъ Сяврукъ; но онъ ничего не ѣсть, не пьетъ, а вызываетъ борцовъ-бойцовъ для состязанія съ нимъ въ силѣ. Долго не находилось охотниковъ; наконецъ вызвались удалые Калужанцы, по батюшкѣ Микитовичи, по матушкѣ Маринины сыны. Сяврукъ схватилъ старшаго брата за лѣвое плечо, поднялъ выше себя и ударилъ о сыру землю:

Земля стряхнулася,
 Вода спляснулася,
 Москва улякнулася.

Такимъ образомъ противникъ Сяврука убитъ. Но

Охъ што жана яго, Сяврушаница,
 Бѣло-удалая Черкашаница,
 Яна по двору ходзя,
 Бѣлы ручаньки ломя...

Какъ видно изъ послѣднихъ стиховъ, Сяврушаница могла плакать только по своему мужѣ; значитъ, въ былинѣ произошла какая-то путаница. Дѣло вполне выяснится, если мы сравнимъ ее съ извѣстной исторической пѣснью «Мастрюкъ Темрюковичъ». Тамъ рассказываетя, что на свадьбу царя

Ивана Васильевича прїѣхалъ удалецъ-боецъ, князь черкасскій Мاستрюкъ, съ молодой женой и славной дружиной. На пиру онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ, а ищетъ себѣ поединщика. Наконецъ нашлись борцы, и началось состязаніе. Князь черкасскій закипѣлъ гнѣвомъ, бросился на противника и схватилъ его за воротъ. Но

Одогѣлъ князя крестьянскій сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечъ
И ударилъ объ сыру-землю...
Растянулся князь черкасскій замертво.
Молода княгиня расплакалася,
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала...

Она приказала своимъ вѣрнымъ слугамъ схватить крестьянскаго сына и умертвить его. Тогда заговорилъ православный царь Иванъ Васильевичъ:

Не судить тебѣ, княжна, въ моей землѣ,
Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что замѣчаніе г. Шейна въ выноскѣ къ этой пѣснѣ: «жалъ, что нашъ отрывокъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ», — не совсѣмъ вѣрно. Впрочемъ, можетъ быть, только случайно совпадаютъ нѣкоторыя детали обѣихъ пѣсенъ. Дѣло въ томъ, что фамиліи Сѣврукъ или Севрукъ до сихъ поръ очень часто попадаются среди бѣлоруссовъ. — Такимъ образомъ двѣ послѣднія сказки представляютъ какъ бы слѣды былинъ у бѣлоруссовъ. Однако такое предположеніе врядъ ли основательно. Уже то обстоятельство, что обѣ эти сказки записаны на окраинѣ Бѣлоруссіи, даже, можетъ быть, просто въ области южно-великорусскаго нарѣчія, говоритъ не въ пользу сдѣланнаго предположенія. Въ центральныхъ областяхъ Бѣлоруссіи никакихъ слѣдовъ былинъ не открыто. Нельзя, однако, думать, чтобы бѣлоруссы никогда не знали пѣсенъ о богатыряхъ. Слово «богатыръ» до сихъ поръ употребляется въ народѣ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ въ былинахъ: оно обозначаетъ исключительно богатаго человѣка. Впрочемъ прежде и у бѣлоруссовъ оно имѣло другой смыслъ. Такъ, извѣстный переводчикъ Библии на западно-русское нарѣчіе въ 1517—1525 годахъ, докторъ Францискъ Скорина изъ Полоцка, въ предисловіи къ книгѣ судей говоритъ о Самсонѣ: «и инѣи *богатырскими* многими дѣла чинилъ», или въ общемъ предисловіи къ переводу, говоря о пользѣ чтенія Библии, прибавляетъ: «ащели же коханіе имаши ведати о *енныхъ* а о *богатырскихъ* делехъ, чти книги судей, или книги махавеевъ; олее и справедливее в нихъ знаидеш, нежели во александрии или во трои».

Ясно, что слово «богатырь» еще въ XVI в. употреблялось въ Бѣлоруссіи въ смыслѣ силача, совершающаго необычайные подвиги; но, какъ видно изъ упоминанія Александріи и Трои, народныя сказки о богатыряхъ, можетъ быть, уже въ это время были вытѣснены произведеніями искусственными, пришлыми. Нѣкоторые мотивы былинной поэзіи живутъ у бѣлоруссовъ еще отчасти въ колядкахъ и щедровкахъ; а силу былинныхъ богатырей напоминаютъ осылки и великаны народныхъ суевѣрій (ср. Н. Никифоровскій: Простонародныя примѣты и повѣрья. Витебскъ. 1897 г. №№ 2289, 2291).

Что касается легендъ, то ихъ у г. Шейна приведено очень много, и при томъ самаго разнообразнаго содержанія, такъ что вмѣстѣ съ собраніемъ Романова мы имѣемъ большую коллекцію произведеній этого рода.

Отдѣлъ 2-ой II тома «Матеріаловъ», если не имѣть въ виду заговоровъ и заклинаній, — вообще новинка въ бѣлорусскихъ сборникахъ. Несмотря на свое странное назначеніе, даже такіе предметы, какъ ругань, проклятіе, «при тщательнѣйшемъ ихъ сборѣ, послужать, безъ сомнѣнія, не лишнимъ подспорьемъ будущимъ изслѣдователямъ народной психологіи» (Шейнъ, II т., 503, вын.). Но и помимо этого, подъ грубой формой, въ нихъ можно открыть слѣды мѣстическихъ вѣрованій и старинныхъ народныхъ воззрѣній. Приведу примѣръ. Мнѣ приходилось слышать такую ругань: «капъ цибѣ сырѣца (земля) зъѣла»; «капъ цибѣ зямля не насѣла» (ср. еще у г. Шейна II т. 515 стр.). Развѣ это не указываетъ на одушевленіе природы и, въ частности, земли? По этой же причинѣ самой страшной клятвой считается та, которая произносится съ землей во рту. Такимъ образомъ ругань, въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ какъ бы въ заклинанія.

Въ 3-мъ отдѣлѣ II тома среди духовныхъ стиховъ обращаетъ на себя вниманіе изложеніе 10 заповѣдей мѣрной рѣчью (№№ 28, 29). Интересно, что въ одномъ сборникѣ XVI в. бѣлорусскаго письма, видѣнномъ Бодянскимъ у бібліотекаря Познанской бібліотеки гр. Рачинскихъ, тоже есть переложеніе 10 заповѣдей стихами (переведено съ нѣмецкаго), но редакція его несходна съ нашей (ср. «О поискахъ моихъ въ Познанской публичной бібліотекѣ» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1846 г. № 1). Далѣе, на стр. 661—676, приведено нѣсколько народныхъ молитвъ: онѣ обыкновенно представляютъ смѣсь христіанскихъ вѣрованій со взглядами языческими. Вотъ примѣръ. Молитва утренняя: «Дзякуй (благодарю) Господу Богу, соўничку ясному мѣсячику красному, звѣздочкамъ свѣтленькимъ, міру хрищоному, образу чесному, што я ету ночку переночаваў. Дай, Боже, еты дзенѣкъ передневаца въ щасьцѣ, въ корысци, въ прибытку, въ веселосьци и въ добромъ здоровьи» (661).

Въ разсматриваемыхъ книгахъ сборника г. Шейна даются интерес-

ные матеріалы не только по своему содержанію, но также и по формѣ: изъ нихъ мы въ достаточной степени можемъ познакомиться и съ пѣсеннымъ народнымъ творчествомъ бѣлорусса. Этого вопроса уже отчасти приходилось касаться въ разныхъ мѣстахъ; здѣсь приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Вотъ передъ нами невѣста-дѣвушка плачетъ-убивается по своимъ дѣвическимъ днямъ и забавамъ (I т. 2 ч., 49—50 № 66):

Куковала зязюля ў садочку,
 Приклаўши голоўку къ листочку,
 А къ ней пташиньки прилетали,
 А у яе праўдоньки пытали:
 «Чаго ты, зязюлька, кукуишь?»
 — Чаму жъ мнѣ, пташиньки, ни куковаць?
 — Я жъ была дый звiла гнѣздэчко,
 — Я жъ была дый зiнiсла яёчко.
 — Откуль ўзяўся сизый ороль,
 — Ножками раскопаў гнѣздэчко,
 — Дзюбочкой раздзюбаў яёчко,
 — Къ сабѣ и зязюлю ўзяў.

Плакала Гапулька ў святлицы,
 Приклаўши голоўку къ сястрицы,
 А къ ей дзѣвыньки приходзiли,
 Ды и у яе праўдоньки пытали:
 «Чаго ты, дзѣвынька, плакала?»
 — Чаму жъ мнѣ, дзѣвоньки, не плакаць?
 — Я жъ была дый звiла вяночекъ,
 — Я жъ была дый пошла ў таночекъ.
 — Откуль ўзѣхаў Иванька,
 — Коникомъ разогнаў таночекъ,
 — Ручками разобраў вяночекъ,
 — Ды мяне молоду къ сабѣ ўзяў.

Въ какихъ прекрасно поэтическихъ образахъ выраженъ этотъ плачъ! Съ кѣмъ лучше сравнить плачущую дѣвушку, какъ не съ кукушкой, а добраго молодца, уничтожившаго ея дѣвическую жизнь, какъ не съ сизымъ орломъ? А какая симметрія въ построеніи частей пѣсни: и сравненіе занимаетъ 12 строкъ, и самое содержаніе столько же. И въ той и другой части разговорной рѣчи предпосылается по 5 строкъ повѣствовательнаго содержанія. Даже одинаковымъ образомъ начинаются и оканчиваются соответствующіе стихи, — словомъ, мы имѣемъ самый строгій сравнительный педъ.

Такъ же прекрасны по образамъ, сравненію и построенію — пѣсня № 5, стр. 340 въ I т. 2 ч., въ которой плачущая дѣвушка сравнивается съ кукушкой, и пѣсня № 21, стр. 25 ib., въ которой изображается плачь молодого парня вслѣдствіе того, что съ нимъ не хочетъ сидѣть его любимая дѣвушка; въ ней плачь жениха сравнивается съ пѣньемъ соловья, а невѣста называется кукушкой.

Кромѣ нѣжно-трогательнаго представленія невѣсты въ образѣ кукушки, есть еще пѣсни, гдѣ она сравнивается съ лебедкой, а женихъ съ лебедемъ. Такова пѣсня № 105, стр. 108—109 I т. 2 ч. Также замѣчательна по образамъ и сравненію молодой женщины съ лебедью, отставшей отъ стада лебединого и присоединившейся къ гусиному, подъ которымъ разумѣются молодья молодухи, и пѣсня № 13, стр. 411 ib.

Часто самая обыкновенная мысль выражается замѣчательно образно и поэтически художественно. У дѣвушки спрашиваютъ, почему она не плачетъ — мысль самая обыкновенная, а какъ образно и періодически правильно она выражена (I т. 2 ч., 243 № 19):

И да чаму, зязюлька, ня кукуешъ,

Ў Бога росы ня просишъ?

— И да ци вы, пташычки, ня чули,

— Якъ я й рано ковала,

— Ў Бога росы просила;

— И да за пташачками ня видно,

— За соловейками ня чутно!

И да чаму, дзѣвонька, ня плачешъ,

Ў Бога доли ня просишъ?

— И да ци вы, дзѣвочки, ня чули,

— Якъ я й рано плакала,

— Ў Бога жъ я доли просила;

— И да за дружачками ня видно

— Да за сванячками ня чутно!

Не мало можно найти и другихъ подобныхъ пѣсенъ. Вотъ свекоръ женить сына, а теща выдаетъ замужъ дочку (ib. 6 № 3):

Ай мѣсяць сына жениць,

Зорка дочку замужъ даецъ,

Ай мѣсяць ў радысьци,

Зоринька ў жалысьци.

Ай свѣкырка сына жениць,

Ай цѣщынька дочку замужъ даецъ.

Ай свѣкырка ў радысьци,

Ай цѣщынка дый ў жалысьци.

Дѣвушка видитъ сонъ, что къ ней прѣзжаютъ сваты, и этотъ сонъ рассказываетъ матери (ib. 404 № 3). Сколько тутъ замѣчательныхъ метафоръ и сравненій!

Извѣстныя фигуры — тавтологія и параллелизмъ, столь обычныя языку былинному, — и здѣсь имѣютъ не мало примѣровъ, какъ (ib. 183 № 11):

Дзѣвочки подружачки,
Выйдица послухайца:
Ци шумиць дубровочка,
Ци стучиць дорожачка,
Ци звиняць подковочки,

Ци ѣдудць золовочки?
— Шумиць дубровочка,
— Звиняць подковочки,
— А стучиць дорожачка,
— А ѣдудць подружачки. . . .

Какъ образецъ хоровой пѣсни, построенной въ діалогической формѣ, строго симметрично и замѣчательно образно, можно указать № 5, стр. 490 I т. 2 ч.

Но нигдѣ нельзя видѣть такой задушевности и глубины чувства, какъ въ причитаніяхъ, этихъ, въ точномъ смыслѣ слова, элегіяхъ. Таковы, напр., плачь дѣвушки по отсутствующей на свадьбѣ матери (I т. 2 ч., 446 № 24) и плачь сиротъ по умершемъ отцѣ и мужѣ (ib. 648 № 18), или плачь матери по ребенкѣ (ib. 654 № 25, ib. 653 № 23).

Такимъ образомъ матеріалы, собранныя г. Шейномъ, по своему содержанию, очень цѣнны. Весьма полезнымъ дополненіемъ къ нимъ служатъ часто прибавленныя къ нимъ примѣчанія въ отдѣлѣ приложений. Такъ, въ I т. 1 части находимъ, напр., цѣлый экскурсъ насчетъ пѣсни о бондаровнѣ, или о пѣсняхъ, касающихся свадьбы, смерти и похоронъ звѣрей и птицъ; въ I т. 2 ч. — насчетъ приготовленія свадебнаго короваля. Особенно интересны примѣчанія во II т. насчетъ пѣсни-сказки: «Пошелъ козелъ за орѣхами» (№ 15). Оказывается, что эта пѣсня-сказка очень распространена не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Великоруссіи, а также среди другихъ культурныхъ народовъ не только славянскаго, но и германскаго, а также романскаго племенъ. Г. Шейнъ и приводитъ пѣсни этого рода — чешскія, нѣмецкія, французскія. Изъ сравненія всѣхъ ихъ усматривается большое сходство не только въ содержаніи, но даже во внѣшней формѣ: всѣ пѣсни какъ будто болѣе или менѣе вѣрныя копии съ одного и того же оригинала. Такимъ оригиналомъ, вслѣдъ за Рохгольцемъ, г. Шейнъ признаетъ халдейскій, съ нѣкоторыми передѣлками существующій до сихъ поръ у евреевъ: эту пѣсню и теперь они поютъ на Пасху. Такимъ образомъ европейскіе народы сюжетъ этой пѣсни-сказки заимствовали у евреевъ. Прибавимъ еще одинъ вариантъ этой сказки, который находимъ въ книгѣ Вериги: Podania biało-

guskie, Lwów, 1889 г., стр. 24, гдѣ дѣйствіе начинается съ воробья и былинки (нѣсколько сходно съ тѣмъ, какъ у Шейна № 16). Вообще, въ примѣчаніяхъ приводится много интересныхъ параллелей къ разнымъ сказкамъ. Между прочимъ указаны бѣлорусскіе, а также малорусскіе варианты легенды, получившей литературную обработку въ рассказѣ гр. Л. Н. Толстого: «Три старика». Относительно же первоисточника этихъ рассказовъ находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Первообразъ этого рассказа находится въ древнееврейской литературѣ, въ Талмудѣ, въ какомъ-либо изъ Мидрашей, или же въ комментаріяхъ къ нимъ. Содержаніе этого рассказа я помню очень хорошо съ самыхъ юныхъ лѣтъ, но сдѣлать опредѣленную ссылку теперь пока, къ сожалѣнію, не могу». — Цѣлое изслѣдованіе (стр. 701—711) дано о стихѣ, начинающемся словами:

Ахъ ты, Жижка, научоны,
Между школы и брони,
Свентымъ письмамъ збаўлёны,
Повѣрь жа мнѣ, Жижка,
Што-то ёсьць и разъ... (№ 24, стр. 629—633).

Стихъ, согласно взгляду академика А. Н. Веселовскаго, признается «краткимъ катехизисомъ церковно-школьнаго происхожденія, который отвѣчалъ первичнымъ мнемоническимъ требованіямъ духовнаго обученія». Имѣя въ виду любознательныхъ читателей изъ провинціи, которые не имѣютъ возможности пользоваться разными рѣдкими изданіями, г. Шейнъ приводитъ здѣсь варианты этого стиха — малорусскій, чешскій, лужицкій, нѣмецкій, еврейскій (въ русскомъ переводѣ); послѣдній, какъ и пѣсня о козликѣ, оказывается также пасхальнымъ стихомъ, хотя и не древняго происхожденія.

Этимъ и закончимъ разборъ «Матеріаловъ» г. Шейна въ отношеніи характеристики быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края.

II. Характеристика языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края въ «Матеріалахъ» П. В. Шейна.

Если судить по заглавію, то «Матеріалы» г. Шейна имѣютъ въ виду представить данныя для характеристики языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края. Но въ этомъ краѣ, понимаемомъ строго административно, живутъ слѣдующія русскія народности: великоруссы (администрація, въ большинствѣ случаевъ, мѣстная интеллигенція, употребляющая въ разговорѣ литературный языкъ и вслѣдствіе этого не отличающаяся отъ великоруссовъ, раскольники), бѣлоруссы (большинство, особенно сельское населеніе),

малоруссы (по южнымъ окраинамъ губерній Гродненской, Минской, отчасти Могилевской) и населеніе, говорящее на языкѣ переходномъ отъ бѣлорусскаго къ малорусскому (полѣшуки). Однако, какъ можно было видѣть уже изъ разсмотрѣнія матеріаловъ, характеризующихъ бытъ, авторъ имѣетъ въ виду только бѣлоруссовъ. Вслѣдствіе этого, онъ, съ одной стороны, привскаетъ матеріалы изъ Смоленской и Черниговской губерній, не входящихъ въ составъ сѣверозападнаго края, а съ другой — все касающееся малоруссовъ и пинчуковъ опускаетъ, имѣя въ виду, насколько намъ извѣстно, издать все это послѣ особой книгой. На заглавномъ листѣ обѣихъ частей I тома и сдѣлана болѣе точная приписка: «Бытовая и семейная жизнь *блорусса* въ обрядахъ и пѣсняхъ. Такимъ образомъ, въ разсматриваемыхъ «Матеріалахъ» мы будемъ искать данныхъ исключительно для характеристики бѣлорусскихъ говоровъ. Выводовъ чисто грамматическихъ здѣсь еще нѣтъ; эти матеріалы слѣдуетъ еще выискивать въ напечатанныхъ текстахъ. Вслѣдствіе этого цѣнность этихъ матеріаловъ совершенно пропорціональна той точности, съ которой напечатаны самые тексты. Въ виду того, что намъ уже приходилось говорить о той или другой степени редакціонной точности у г. Шейна при изданіи «Матеріаловъ», то здѣсь этого вопроса уже касаться не станемъ. Изданіе г. Шейна въ разсматриваемомъ отношеніи похоже на всѣ другія изданія подобнаго рода. Это и естественно. Чему было подражать г. Шейну въ бѣлорусской этнографической литературѣ, когда всѣ вышедшія до него изданія въ отношеніи языка были далеко не образцовы. Не было хорошихъ и теоретическихъ трудовъ, откуда можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о бѣлорусскомъ нарѣчій, особенно о разныхъ его развѣтвленіяхъ; а все это было бы очень полезно при обнародованіи записей изъ разныхъ мѣстъ, сдѣланныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не самимъ издателемъ.

Вотъ какіе теоретическіе труды по бѣлорусскому нарѣчію появились до начала изданія «Матеріаловъ» г. Шейна, т.-е. до 1885—1887 г.: 1) Калайдовича: «О бѣлорусскомъ нарѣчій» въ Сборникѣ сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Труды общества любителей россійской словесности 1822 г., Ч. I, кн. I, стр. 67—80; 2) Чечота — характеристика бѣлорусскаго нарѣчія въ предисловіи (V—XXXIV стр.) и отчасти въ концѣ изданія: «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1846»; 3) Голотузова — замѣтки, касающіяся бѣлорусскаго нарѣчія въ «Программѣ для публичнаго акта въ Митавской гимназіи». 1852 г.; 4) Поттебни: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій». Воронежъ. 1866; 5) Безсонова — замѣтки объ особенностяхъ бѣлорусскихъ говоровъ во введеніи къ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ». М. 1871 г.; Шейна: «Нѣкоторыя выдающіяся черты Бѣлорусскаго нарѣчія» при «Бѣ-

лорусскихъ пѣсняхъ» въ Запискахъ Императорскаго Русс. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. V, 1873 г., стр. 809—820; 7) Аппеля: «О бѣлорусскомъ нарѣчій» въ III т. Русск. Филологич. Вѣстника, 1880 г.; 8) Недешева: «Историческій обзоръ главнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ» въ XII т. Русск. Филологич. Вѣстника, 1884 г.

Труды эти, въ большинствѣ случаевъ не отличающіеся особой цѣнностью, кромѣ замѣтки самого Шейна да Безсонова, не были извѣстны нашему собирателю, такъ какъ они либо составляютъ библиографическую рѣдкость, либо появились въ журналахъ, мало распространенныхъ среди читающей публики. Моя работа: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М. 1886 г. стала извѣстна г. Шейну лишь по выходѣ I т. I ч. его «Матеріаловъ».

Чтобы сдѣлать издаваемые матеріалы полезными для изученія языка, г. Шейну слѣдовало или провѣрить ихъ на мѣстѣ записи, что сдѣлать было физически невозможно, или же оставалось самому поправлять ихъ примѣнительно къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя можно было почерпнуть изъ теоретическихъ трудовъ относительно той или другой мѣстности. Но такихъ трудовъ, какъ мы видѣли, не было. Оставалось всѣ записи печатать въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены собирателю, или же придать всѣмъ однообразную орфографію и тѣмъ лишить ихъ почти всякаго значенія въ отношеніи языка. Г. Шейнъ старался въ общемъ удержать орфографію подлинника¹⁾, но, съ одной стороны, вслѣдствіе ея непослѣдовательности, а съ другой — вслѣдствіе нѣсколькихъ ложныхъ приемовъ орфографіи (о чемъ рѣчь уже была раньше) не могъ удержаться на надлежащей высотѣ и поэтому, часто даже противъ своей воли, допускаетъ разныя погрѣшности. Перечислять ихъ мы, конечно, не станемъ, такъ какъ это потребовало бы много времени; укажемъ лишь нѣсколько примѣровъ. Начнемъ съ недосмотровъ въ фонетикѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось уже касаться раньше, когда шла рѣчь объ орфографіи. Здѣсь прибавимъ: Микишихи вм. М—тихи или М—цихи I т. I ч. 4, побейте ів. 19, кума за кумомъ посварылася вм. зы к-момъ ів. 23 (изъ зо = со = съ), дай жа Божи вм. Божа ів. 24, видзць и видзць (оба *infinitiv*'ы) ів. 25, ой, ой баиньки, ой ой баинька ів. 30—31, волчихна рядомъ съ воўкомъ ів. 34, ѣзждживали и ѣзждивали ів. 181, пылновала вм. пильновала ів. 262 (запись самого Шейна). Насчетъ невозможности дифтонга *оу* изъ основнаго *о* въ такихъ случаяхъ, какъ воуину, воўйта, воўйска и т. д. ів. 229, или боуръ, рабуутунька и т. п.

¹⁾ Вотъ, напр., его замѣчаніе на стр. 426 I т. 2 ч.: «Въ подлинной записи звуковое изображеніе мѣстнаго говора не строго соблюдено, замѣтно нѣкоторое колебаніе. Мы не считали себя въ правѣ его выровнить и исправить его здѣсь».

уже была рѣчь въ отдѣлѣ ореографіи; въ этомъ же родѣ, вѣроятно, и примѣры: *зляіунь*, *весіулъ* *ib.* 278, 288. Ореографическимъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснять и странную передачу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника бѣлорускаго *и* мягкаго посредствомъ *тс*, напр. *игратсь*, *питсь*, *сокатсили* (I т. 2 ч., 482—495); ничего интереснаго и фонетически правильнаго не представляетъ начертаніе съ *ти* вм. *и*: *плачутць*, *скачутць* (*ib.* 333).—Недосмотры морфологическіе попадаются рѣже и также могутъ быть отнесены къ области типографскихъ промаховъ. Вотъ примѣры: *повѣшьте* (= *повѣсьце*) I т. 1 ч., 19, *черезъ рѣчаньку*, *черезъ быстрыя* (вм. *б—рыно*) *ib.* 20, *сѣли на вороцяхъ у чырвоныхъ ботахъ* (вм. *боцяхъ*) *ib.* 29, *буде и будетъ* *ib.* 30, *дай табѣ Божя, пана господару* (вм. *пане*) *ib.* 160 и др.—Я бы охотно отнесъ къ морфологическимъ недосмотрамъ и любимыя г. Шейномъ перестановки въ словахъ. Что онъ придаетъ особую цѣну этимъ перестановкамъ, видно изъ того, что каждый такой случай сопровождается особымъ замѣчаніемъ. Таковы: 1) *капосьци* вм. *пакосци* (I т. 1 ч., 45), сопровождаемое ссылкой на подобное же явленіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Архангельской губерніи и такимъ замѣчаніемъ: «Вообще перестановки буквъ, слоговъ и цѣлыхъ сложныхъ словъ явленіе нерѣдкое въ областныхъ нашихъ нарѣчіяхъ. Оно не чуждо и другимъ языкамъ и коренится въ еще недостаточно извѣстныхъ психическихъ законахъ»; 2) *яровомъ* вм. *яворомъ* (*ib.* 177); 3) *колопеньки* вм. *конопельки* (*ib.* 327). Всѣ эти случаи и подобные имъ далеко не представляютъ общеполорускаго явленія, а составляютъ принадлежность рѣчи отдѣльныхъ лицъ и скорѣе *lapsus linguae*, нежели постоянную особенность. Другое дѣло перестановки въ словахъ взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ; но и тамъ онѣ представляютъ не фонетическое и не морфологическое явленіе, а результатъ психической стороны языка — народной этимологіи въ данномъ случаѣ. — Недосмотрами фонетическими и морфологическими, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять и тѣ неясныя и непонятныя слова, которыя изрѣдка встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ сборника, напр.:

черзлосны (I т. 1 ч. 67):

Перловый вѣнчикъ — на вѣнчанейка,
Черзлосны персьпень — на заручанейко. . .;

румъ (*ib.* 144):

Помятали двory ясны соколы,
Зъ руму на румъ вылетаючи,
Слаунаго пана побужаючи;

ў калипецѣ (ib. 144):

Наши брацця заўспѣвали,
Якъ соловенка ўцисне ў лозѣ,
Ўцисне ў лозѣ, ды ў калипецѣ. . . .;

рупсивый (ib. 204):

А бабѣ ня хочицца, ня хочицца,
Коло печи ворбчицца, ворбчицца,
Тоненькая сорочыцца, сорочыцца,
Рупсивый наметоцце, наметоцце. . . .¹⁾;

войштыкамъ (ib. 205):

Да дай жа намъ, Кирилка, хоць по талиру,
Войштыкамъ, войштыкамъ хоць по рублечку.

Можетъ быть здѣсь «войштыкамъ» описка вмѣсто «вожтайкамъ» (ср. ib. стр. 206 № 212). — Иногда попадаются недосмотры и въ синтаксисѣ, напр., (I т. 1 ч., 181):

Да мое корення горѣло,
Да мое вѣцця смоѣли. . . .

При слабой теоретической подготовкѣ автора, естественно, что среди разныхъ филологическихъ его замѣчаній нѣкоторыя имѣютъ мало цѣны. О значеніи предисловія къ I т. 1 ч. уже была рѣчь. Здѣсь остановимся на нѣкоторыхъ другихъ замѣчаніяхъ. Такъ въ I т. 1 ч., 48 стр., въ выноскѣ встрѣчаемъ дѣльное замѣчаніе о предлогѣ *для* и его замѣнителяхъ въ бѣлорусскомъ; не лишено значенія и указаніе на то, что одна пѣвица, отъ которой г. Шейнъ записывалъ свои матеріалы, упорно произносила «рѣдя» вм. «родя» — рождая (ib. 21). Правильно также наблюденіе, что пѣвицы «говоркомъ» менѣе точно передаютъ пѣсни, нежели когда стануть пѣть (ib. 474). Цѣнное для науки замѣчаніе о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ югозападной Бѣлоруссіи на мѣстѣ *ъ* находимъ дифтонгъ *біэ* (послѣ *и*): *цызальи* (II т., 19), но тутъ же, по моему мнѣнію, сообщается сомнительное свѣдѣніе о томъ, что въ той же мѣстности бываетъ переходъ *о* въ *бу*: *хвыусть*, *быульшъ*, *ныучъ*. Вѣроятно, на это *бу* слѣдуетъ смотрѣть такъ

¹⁾ Два послѣдніе стиха не слѣдуетъ ли только читать такъ:

Ў тоненькай сорочыцца, сорочыцца,
Ружовай намѣтацца, намѣтацца. . . .

же, какъ и на *оу* вм. *уо* въ Подлѣскомъ говорѣ Слуцкаго уѣзда, т.-е. видѣть здѣсь орфографическій недосмотръ: вм. *уы*. — Нѣсколько сомнительнымъ представляется мнѣ объясненіе появленія *я* вм. *а* въ слѣдующихъ стихахъ (I т. 2 ч., 259):

Возьми пирожокъ, поспирайся,
Я ў клѣточку добивайся!
Я ў клѣтоццы на палицы. . . ,

гдѣ, по Шейну, «я вмѣсто *а* явилось вслѣдствіе смягчающаго вліянія гласной *я* послѣдняго слова въ каждомъ изъ предыдущихъ стиховъ»¹⁾. Но ужь совершенно слабымъ въ научномъ отношеніи оказывается замѣчаніе «о живучести въ областныхъ нарѣчіяхъ слѣдовъ юса» (I т. 2 ч., 665) по поводу слѣдующаго выраженія:

Чимъ *прибрамъ* я тябе?

Если эта форма не описка, то она должна объясняться такъ же, какъ польское *koszani*, *znani* и т. д., въ которыхъ о слѣдахъ юса не можетъ быть и рѣчи. Во II т., стр. 65—66, объясняется выраженіе: «спривѣў ёнъ яе до *карча*»; по поводу его слѣдуетъ замѣтить, что начало не «*карша*, *карша* или *карча*», а *корчь*, род. *карча* пень, колода съ сучьями. Также не правильное объясненіе дано въ томъ же томѣ на стр. 150 слову «*устрахъ*»: *чортъ* якъ *ўзяў* яго и *стукнуў* ў зямлю, такъ той *устрахъ* по колѣни. Происходитъ эта форма не отъ глагола «*устрадаць*, т. е. *устрекаць*», что по-бѣлорусски значитъ встрѣчать, а отъ «*ўстраць* или *ўстрагци*, *ўстрагнуць*» — завязнуть въ грязи, застрять.

Но было бы несправедливымъ утверждать, что разсматриваемые «Матеріалы» г. Шейна имѣютъ мало значенія для изученія языка. Если ими пользоваться умѣло и осторожно, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. А. И. Соболевскій (Опытъ русской діалектологіи. С.-Пб. 1897 г., стр. 76, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99), то также можно извлечь изъ нихъ не мало интереснаго, особенно въ отношеніи морфологіи, синтаксиса и словаря. Приведу примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго. Въ отношеніи фонетики встрѣчаемъ, напр., такіе случаи: *плу*-вещь, I т. 1 ч., 23 стр. №№ 7 и 8 Оршан. и Витеб. у., *волуў*, *домуў*, *подвуоданьки*, *гаріелочку*, *доруужка*, *пуойдзе*, *бесіеда* ів. 27—28 № 18 Слуцк. у., *зацилá* (=затяла) ів. 32 Лепц. у., *потъ* столомъ, *потъ* печь ів. 35—36 Гомель, *дуобровою* ів. 57 № 37 Мозыр. у., *ў новуомъ* ів. 58

¹⁾ Замѣчаніе это собственно принадлежитъ одному изъ корреспондентовъ г. Шейна,), приводя его, онъ тѣмъ одобряетъ чужое мнѣніе.

Зап. Ист.-Фил. Отд.

№ 38 ів., радуіса, радуіса зямля! Сынъ Божи народіуса! ів. 59 № 39 ів., зробилосо море; зробиласа рэчка ів. 59 № 39 ів., гуосьпика ів., вушеу (вышелъ) ів. 60 № 40 ів., кувалиха рядомъ съ квалевъ ів. 62 Чаусс. у., на туомъ сельцэ, туюхъ ів. 95 Мозыр. у., пергря ів. 110 Борис у., скуаць (сковать) ів. 111 Смол. губ., дзбушки ів. 117 ів., лемеші истраць ів. 154 № 148 Лепп. у., завороваиць ів. (=заорываець), троўка, муроўка ів. 161, 162 Борис., яоръ (яворъ) ів., крусуаласа ів. 188 № 184 Порѣч. Смол. г., свякроушки ів. 196 Бѣльск. Смол. губ., пераллулі ів. 228 № 235 Горецк. у., содзе ів. 228 № 237 Борис. у., на цисовой корваці ів. 257 Орш. у., бондаруна ів. 433 № 532 Слупк. у., за игрѣхъ II т. 479, матары ів. 152, 153 и др. съ твердымъ *т*, что нерѣдкость въ разныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, изъ формы матэры; зробіуса аще мудрае ів. 633, гдѣ «аще» предполагаетъ «още» и т. д. (см. отмѣченныя выше страницы Опыта діалектологіи проф. Соболевскаго). — А вотъ болѣе рѣдкіе случаи въ морфологіи: черезъ рѣчка брыла I т. 1 ч. 18 стр., хотя въ той же пѣснѣ черезъ 5 строкъ читаемъ: черезъ рѣчку брыла; дзипцяю носиць ів. 24; краскамъ заросло ів. 36 Гомельск. у.; туомасо ів. 56 (станемъ таяться) Мозыр. у.; светэ Рожество ів. 58 № 37 ів.; не знайдамъ Бога, то знайдамъ пана ів. 59 № 40 ів.; пойдамъ до яе ів. 79 № 74 Рѣчиц. у.; ёнъ табе згуба ів. 97 Рогач. у.; сукинымъ сынómъ ів. 97 Рогач. у. (дат. п. мн. ч.); зарѣзау короу (корову) ів. 114 Мозыр. у.; самъ Богъ хѣдзе, жито рѣдзе ів. 143 № 138 Борис. у.; плусциць (инфинит. плыть) ів. 179 Борис. у.; а чаго вы стоицѣ ня засланимкие ів. 206 Чаусс. у.; тую (зязюлю) пташки азялі ів. 231 № 243 Лепп. у.; у чистому полю ів. 275 Свислочь Гродн. г.; двѣсто ів. 449; кишка выпцягнула т.-е. лисица II т. 9; чаго жъ мы будзимъ тутъ сядзѣць, пльвома лутша на той бокъ мора ів. 17 (конечно, вмѣсто пльвомо, равно какъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Ну, садзись на мене и полецимо ів. 33); быу у старыка одзинз лошады — дужа стары ів. 22; уже нимашака его ів. 149 (уже его нѣтъ), гдѣ «нимашака» образовано совершенно аналогично, какъ и ёспека (ср. «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи», 154—155); той высоніу голоу церезъ окно ів. 149, гдѣ «голоу» предполагаетъ «головь», т. -е. образовано въ подражаніе такимъ словамъ, какъ любовь; вмѣсто есть — есицъ иногда находимъ *e*: *e* воронецъ ів. 487; *e* на свѣця Кася ів. 490, также *ѣ*: вже *ѣ* ходяинъ ів. 3; ѣхавъ пане у красномъ жупанѣ ів. 493—представляетъ форму звательнаго въ роли именительнаго; забыўся ів. 495 въ значеніи забылъ; *цѣ* (т.-е. *це*) ів. 517 форма вин. п. тебѣ, вѣроятно, подъ влияніемъ польскаго *cię*; *мѣ* ів. 534 (дат. п.) — новообразование не безъ влияния, вѣроятно, стариннаго *ми*; *мо* ів. 534 форма сокращенная вм. «можетъ» (быть) и т. д.; засмуціўся пане господару I т. 1 ч. 151 № 145; у горѣдзѣ (дочка)

рожа сѣдзѣ ів. 228 № 237. — Еще отмѣтимъ нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ въ отношеніи синтаксическомъ: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ непонятное намъ употребленіе какой-то частицы *e* (напр., I т. 1 ч., стр. 56—57):

Дай пошла жъ ена дай дорогою....
 Дай сустрѣкае Паўла зъ Петромъ:
 «Ой, Паўле, Петро, слуги Божіе!
 «Чи не бачили сына моего?»
 Е Паўле каже: «дай не бачили»,
 Е Петро каже: «дай не туймасо»....
 Е тамъ стояла жидска школа,
 Дай взяли Христа, дай замучили....
 Е шупшинкою дай потперезали,
 Е ожинкою ручки звезали.... и т. д.

Или (ів. 59 № 39):

Е ў однѣ окѣнца — ясно слонца свѣциць....

Или (ів. 60):

Е чимъ же тыхъ госьцей дай частоваці....

Всѣ примѣры изъ Мозырскаго уѣзда. Нѣчто подобное мнѣ встрѣтилось въ одной западнорусской рукописи XVI в., именно въ «Аристотелевыхъ Вратахъ» Вилен. Публ. биб. (№ 272 по описанію Добрянскаго): ёбо ѡ не-соѡтворено. ёбо нѣ никто развей бѣа. ёбо добро ёго ё зло ё... 4 л. Какъ объяснить это явленіе, я не знаю. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе замѣчательнаго употребленія словъ въ предложеніи: дели сына я *двору* ни вернусь, у мяне сынку ў дворѣ господарю I т. 1 ч., стр. 62 № 44 Чаусс. у.; дели дочки я *двору* вярнуся ів.; (ёнъ) засмѣяўши пошоў ів. 231 № 242 (вм. засмѣяўшись); звательный падежь употребленъ въ роли приложенія (ів. 231 № 243):

Што ты, боро, ни шумѣнь...

Въ мяне, боро, пташекъ нѣтъ....;

ты, калина, суши *боишъ*, охъ я суши не бояла ів. 342 № 407; залѣсь на дуба, сѣвъ подъ дуба II т. 3, тогда собѣ сячи дзерава ів. 28; бобинка тоды *росьши*, *росьши*, доросла до крыши ів. 7; якъ *итци* — дыкъ *итци*.... ажъ бачу—одзи-ланцьщъ пчоль ляциць ів. 244—245; послѣ предлоговъ *по* и *на* наблю-

дается употребленіе родительнаго надежа вмѣсто дательнаго и мѣстнаго: по воды плывецъ *ib.* 474, на вербы растуць 482 *ib.*, на сосны липа стоиць 498 *ib.* и др. — Въ отношеніи словарномъ собраніе г. Шейна даетъ также очень много цѣнныхъ матеріаловъ. Напр., въ одной пѣснѣ, записанной въ Сѣвнинскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи (I т. 1 ч., 164), читаемъ:

Тамъ и три *дамиды* церкву рубили. . . .

Оказывается, что слово *дамидъ* — *даймидъ*, литов. *dajlūdė*, зодчій, строитель, плотникъ, встрѣчающееся и въ старинныхъ западнорусскихъ произведеніяхъ (ср. П. В. Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 300), извѣстно не только западнымъ бѣлорусскимъ областямъ, но и восточнымъ. И другое старинное слово *гнось* также находитъ отраженіе въ разсматриваемыхъ матеріалахъ: гэта вода да есть гнюсна II т. 611; обыкновенно «гнось» выводятъ изъ чешскаго *hnis* (Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 270), а отсюда уже всѣ образованія этого корня съ *ю*, но, какъ показываетъ приведенное выше выраженіе, *ю* свойственно въ подобныхъ словахъ и живой рѣчи. Еще отмѣтимъ: *охраньчи* II т. 547 *вм.* охранить; *учныя* родзины *ib.* 28 (=славныя; ср. нашу работу «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи». Варшава, 1893, стр. 115); *коубъ* *ib.* 69 — точнѣе *коубъ* — *коубухи* — внутренности; тотъ же корень, что и въ словѣ «колбаса», то-есть *кляк-*; *побрамсь* *ib.* 5 въ смыслѣ пожелались и т. д.

Подведемъ итоги всему сказанному.

1) «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края», собранные и изданные г. Шейномъ, по богатству своего содержанія, особенно въ отношеніи обрядовой поэзіи, превосходятъ все явившееся до сихъ поръ; лишь нѣкоторые изъ выпедшихъ одновременно съ ними сборниковъ, въ отношеніи матеріаловъ, касающихся эпической поэзіи, могутъ быть поставлены нѣсколько выше разсматриваемаго изданія.

2) Обрядовыя пѣсни сопровождаются описаніемъ самихъ обрядовъ и другихъ дѣйствій, сопровождающихъ ихъ пѣніе. Къ разнымъ этнографическимъ матеріаламъ прилагаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пояснительныя, очень цѣнныя замѣчанія, представляющія изъ себя подчасъ цѣлыя экскурсы въ ту или другую историко-литературную область. Въ разныхъ мѣстахъ указаны варианты пѣсенъ или сдѣланы ссылки на нихъ.

3) Изъ собраннаго этнографическаго матеріала сдѣланъ строгій выборъ и затѣмъ всему дано соответствующее мѣсто; всюду замѣтна рука опытнаго собирателя и редактора.

4) Къ слабымъ сторонамъ изданія относится несовсѣмъ точная орфо-

графія, объясняемая нѣскольکو ложнымъ взглядомъ издателя на редакторскія свои обязанности. При всемъ томъ, при умѣломъ и осторожномъ пользованіи сборникомъ, изъ него можно извлечь не мало цѣнныхъ и лингвистическихъ данныхъ.

5) Достоинства разсматриваемаго собранія уже при первомъ выходѣ его въ свѣтъ правильно оцѣнены разными учеными, которые въ достаточной степени пользовались имъ для цѣлей литературныхъ и этнографическихъ (академикъ Веселовскій, проф. Сумцовъ, проф. Владиміровъ), а также лингвистическихъ (проф. Соболевскій и др.).

Имѣя въ виду указанныя достоинства разсматриваемаго изданія П. В. Шейна, а также необычайную энергію автора-редактора въ столь тяжеломъ и малоблагодарномъ трудѣ, какъ собраніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ, Императорская Академія Наукъ поступить, по моему убѣжденію, вполне справедливо, присудивъ почтенному лѣтами и опытностью труженику на поприщѣ бѣлорусской этнографіи награду имени П. Н. Батюшкова, всегда горячо принимавшаго къ сердцу всякія изслѣдованія и изданія, касавшіяся Западнаго края.

Евфимій Нарскій.

